

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФГБОУ ВПО
«УДМУРТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Antología
de la poesía española del Siglo de Oro

АНТОЛОГИЯ
испанской поэзии Золотого века

Anthology
of Spanish Golden Age Poetry

Ижевск

2011

УДК 821.134.2-1 (460) (075)

ББК 83.3 (4 Ис) я73

A724

Рекомендовано к изданию Учебно-методическим советом УдГУ

Рецензенты:

Т. И. Белова, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой романской филологии Удмуртского государственного университета;

И. В. Ершова, кандидат филологических наук, доцент кафедры сравнительной истории литератур Российского государственного гуманитарного университета.

A724 Антология испанской поэзии Золотого века / авт.-сост. А. И. Лаврентьев. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2011. – 280 с.

Целью учебного пособия является использование произведений испанских поэтов Золотого века и их переводов на русский и английский языки в качестве наглядных моделей творческого решения проблем, связанных со словесным оформлением эмоционально-личностного и культурно-ценностного содержания духовной жизни представителей той или иной культуры, для формирования общекультурных и профессиональных компетенций, предусмотренных федеральным государственным стандартом в направлении подготовки «Лингвистика».

УДК 821.134.2-1 (460) (075)

ББК 83.3 (4 Ис) я73

© А. И. Лаврентьев, 2011

© ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», ИИЯЛ, 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

Слово рецензента.....	5
Введение.....	7
Золотой век в Испании.....	14
Поэтические школы в литературе Испании Золотого века.....	20
Поэзия Предвозрождения.....	38
Итальянская школа.....	82
Севильская школа.....	130
Саламанкская школа.....	162
Религиозно-мистическая поэзия.....	192
Культуранизм.....	222
Концептизм.....	236
Приложение	
Методика анализа поэтического текста.....	260
Испанское стихосложение.....	261
Cronología histórico-literaria.....	275

СЛОВО РЕЦЕНЗЕНТА

Актуальность создания учебного пособия по зарубежной литературе в виде антологии, хрестоматии (форме, подтвердившей свою научную и художественную состоятельность) состоит в том, что данная форма учебного пособия гармонично сочетает интересы ученых-литературоведов, преподавателей зарубежной литературы и собственно адресатов учебного пособия – студентов. В рецензируемой работе выбранный период – «Золотой век» испанской литературы – при всей его кажущейся удаленности от реалий современного литературного процесса – составляет, своего рода, начало, ядро и перспективу дальнейшего развития не только поэзии, но и испанской литературы в целом. По прошествии времени тексты, которые кажутся «хрестоматийными», требуют нового прочтения – и это прочтение зачастую оказывается «первым» серьезным прочтением, являющимся современной интерпретацией «застывшей классики».

Отдельное значение имеет обращение к собственно испанским (испанский язык Испании) текстам, поскольку на уровне современного литературного процесса гораздо большее внимание исследователи и читатели уделяют литературам испаноговорящих стран (латиноамериканский испанский во всех сферах культуры: в музыке, литературе, живописи, кинематографе заслоняет «ушедшую» славу бывшей метрополии, роль которой в образовании испанской идентичности – «испанскости» нельзя переоценить и на которую следует взглянуть по-новому в более широком социокультурном контексте).

Создание многоязычной антологии также удачно совмещает исследовательский, дидактический и читательский интересы. Не часто встречаются учебные книги, которые могут претендовать на само название «книга», поскольку их узкая утилитарность не дает возможности просто прочитать текст, открыть для себя поэта, сравнить восприятие оригинала и перевода, и только вслед за этим чтением «для удовольствия» приступить к литературоведческому, предпереводческому, герменевтическому анализу текста.

Интерес к данному изданию и его значимость можно охарактеризовать по трем аспектам:

1. Научный аспект: сделан глубокий и подробный анализ с выделением критериальных оснований формирования различных поэтических школ Золотого века; в результате сформулированы характеристики и дано описание «поэтической картины мира» Испании; выстроена методика анализа поэтического текста: операциональная и вполне отвечающая сложной задаче интерпретации столь «тонкого» и трудно поддающегося анализу объекта.

2. Учебно-методический аспект: возможность прикладного использования данного издания как в курсе преподавания испанского языка, зарубежной литературы, культуры, истории для студентов и носителей романских языков, так и в создании инновационных междисциплинарных программ кросс-культурной направленности, а также широкого круга специалистов и публики, интересующейся испанской культурой.

3. Культурно-художественный: издание объединяет, по сути, три воплощения поэтического произведения: испанский оригинал и переводы на русский и английский языки. Для специалистов и студентов особенно любопытными могут оказаться примеры отсутствия перевода на русский язык, что открывает возможность для свободного самостоятельного творчества.

Таким образом, поэтические произведения в рамках учебного процесса могут выступать в качестве эффективного инструмента решения комплекса задач и формирования целого ряда общекультурных и профессиональных компетенций, предусмотренных федеральным государственным стандартом в направлении подготовки «Лингвистика».

В целом, теоретическая, практическая и общекультурная значимость предпринятого труда позволяет считать его инновационным междисциплинарным и мультилингвальным проектом, который вносит свой вклад в интеграцию Удмуртского государственного университета в современное общеевропейское культурно-образовательное пространство.

Белова Т.И.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из отличительных особенностей испанской литературы эпохи Возрождения и барокко, которые в Испании принято называть Золотым веком, был ее интеллектуализм. В прологе к роману «Дон Кихот» автор выражает сомнения по поводу художественных достоинств своего произведения, так как оно не соответствует требованиям литературной моды: «В самом деле, как же мне не бояться законодателя, издревле именуемого публикой, если после стольких лет, проведенных в тиши забвения, я, с тяжким грузом лет за плечами, ныне выношу на его суд сочинение сухое, как жердь, не блестящее выдумкой, не отличающееся ни красотами слога, ни игрою ума, не содержащее в себе никаких научных сведений и ничего назидательного, без выносок на полях и примечаний в конце, меж тем как другие авторы уснащают свои книги, хотя бы даже и светские, принадлежащие к повествовательному роду, изречениями Аристотеля, Платона и всего сонма философов, чем приводят в восторг читателей и благодаря чему эти самые авторы сходят за людей начитанных, образованных и красноречивых? Это еще что, – они вам и Священное писание процитируют! Право, можно подумать, что читаешь кого-нибудь вроде святого Фомы или же другого учителя церкви. <...> Все это отсутствует в моей книге, ибо нечего мне выносить на поля и не к чему делать примечания; более того: не имея понятия, каким авторам я следовал в этой книге, я не могу предпослать ей по заведенному обычаю хотя бы список имен в алфавитном порядке – список, в котором непременно значились бы и Аристотель, и Ксенофонт, даже Зоил и Зевксид, несмотря на то, что один из них был просто ругатель, а другой художник. Не найдете вы в начале моей книги и сонетов – по крайней мере, сонетов, принадлежащих перу герцогов, маркизов, графов, епископов, дам или же самых знаменитых поэтов. Впрочем, обратись я к двум-трем из моих чиновных друзей, они написали бы для меня сонеты, да еще такие, с которыми и рядом нельзя было бы поставить

творения наиболее чтимых испанских поэтов».

Его друг, предлагая выход из творческого кризиса, описывает традиционные для испанской литературы того времени художественные приемы: «...у вас вышла заминка с сонетами, эпиграммами и похвальными стихами, которые вам хотелось бы поместить в начале книги... Возьмите на себя труд и сочините их сами, а затем, окрестив, дайте им любые имена... <...> Что касается ссылок на полях – ссылок на авторов и на те произведения, откуда вы позаимствуете для своей книги сентенции и изречения, то вам стоит лишь привести к месту такие сентенции и латинские поговорки, которые вы знаете наизусть, или, по крайней мере, такие, которые вам не составит труда отыскать... И так благодаря латинщине и прочему тому подобному вы прослывете по меньшей мере грамматиком, а в наше время звание это приносит немалую известность и немалый доход. <...> Затем, если вы хотите сойти за человека, отлично разбирающегося в светских науках, а равно и за космографа, постарайтесь упомянуть в своей книге реку Тахо, – вот вам еще одно великолепное примечание, а именно: Река Тахо названа так по имени одного из королей всех Испаний; берет начало там-то и, омывая стены славного города Лиссабона, впадает в Море-Океан; существует предположение, что на дне ее имеется золотой песок, и так далее. Теперь перейдем к списку авторов, который во всех других книгах имеется и которого недостает вашей. Это беда поправимая: постарайтесь только отыскать книгу, к коей был бы приложен наиболее полный список, составленный, как вы говорите, в алфавитном порядке, и вот этот алфавитный указатель вставьте-ка в свою книгу. И если даже и выйдет наружу обман, ибо вряд ли вы в самом деле что-нибудь у этих авторов позаимствуете, то не придавайте этому значения: кто знает, может быть, и найдутся такие простаки, которые поверят, что вы и точно прибегали к этим авторам в своей простой и бесхитростной книге. Следственно, в крайнем случае, этот длиннейший список будет вам хоть тем полезен, что совершенно для вас неожиданно придаст книге вашей известную

внушительность».

Сложившаяся традиция, по поводу которой иронизировал Сервантес, выражала общепризнанное у испанских деятелей культуры представление о миссии, которую призвана выполнять литература – окультуривание человека. Например, испанский поэт XVII века Луис де Гонгора, из-за чрезмерной усложненности своих произведений получивший прозвище «князь тьмы», называл поэтическое слово «плугом, возделывающим целину сознания, создающим культуру». Именно по этой причине поэзия должна быть трудной, то есть, требующей для своего восприятия усилий ума.

В течение XVI–XVII столетий испанская словесность активно осваивала общеевропейский культурный опыт, и литература становилась одним из средств и формой приобщения к культурным богатствам Ренессанса. В силу этих обстоятельств из сугубо эстетической формы деятельности она превращалась в интеллектуальную и религиозно-философскую практику. Поэтому изучение лучших образцов словесного творчества, созданных в Испании в этот период, имеет не только важное историко-литературное значение, но и может стать эффективным ресурсом формирования интеллектуальной культуры, наглядным образцом творческой деятельности.

Изучение поэзии как особого вида коммуникации приобретает особое значение в процессе формирования новой образовательной парадигмы и переходе от педагогики приобретения знаний к компетентностному подходу, который связан с идеей всесторонней подготовки и воспитания индивида не только как специалиста, но и как личности. Разработчики «Стратегии модернизации содержания образования», основываясь на культурологической концепции теории содержания образования М. Н. Скаткина, И. Я. Лернера, В. В. Краевского представляют содержание образования как педагогически адаптированный социальный опыт человечества, изоморфный по структуре (но не по объему) человеческой культуре во всей ее структурной полноте. Оно состоит из четырех основных элементов: опыта познавательной деятельности, фикси-

рованного в форме ее результатов – знаний; опыта осуществления известных способов деятельности – в форме умения действовать по образцу; опыта творческой деятельности – в форме умения принимать эффективные решения в проблемных ситуациях; опыта осуществления эмоционально-ценностных отношений – в форме личностных ориентаций. По общепринятому мнению целью гуманитарного образования является не только передача студенту совокупности знаний, умений и навыков в определенной сфере, но и развитие кругозора, междисциплинарного чутья, способности к индивидуальным креативным решениям, к самообучению, а также формирование гуманистических ценностей.

Функция поэзии в данном контексте состоит в том, чтобы придать межкультурным компетенциям эмоционально-эстетическое и личностное измерение, ведь приобщение к иной культуре не сводится к осведомленности о содержании ее произведений, фактах ее истории и знанию имен ее выдающихся деятелей. Для полноценного понимания другой культуры необходимо погружение в принципиально иное мировосприятие, усвоение новой системы ценностей, непосредственный эмоциональный отклик на ее содержание.

Использование поэтических текстов в качестве учебного материала отвечает также принципу рационального ограничения и концентрации учебной информации (изоморфность по структуре, но не по объему). Культурный статус и аксиологическая значимость поэзии превращают ее произведения в концентрированные формы выражения релевантной для данной культуры информации, то есть поэты выражают идеи, которые значимы для их культуры и привлекают к себе внимание как их современников, так и их потомков. Поэтические произведения обладают высоким мотивационным потенциалом – ярко выраженная эмоциональность текста активизирует процесс общения читателя с текстом. Основное же преимущество поэзии в качестве дидактического средства заключается в наглядности словесного оформления – более высокая в сравнении с прозаическим текстом формализованность, кото-

рая легко дешифруется читателем. Поэтическая речь позволяет проследить за основными этапами процесса эстетически и культурно значимой коммуникации: цель автора высказывания, средства, которые использовал автор, достигнутый результат.

Формальные ограничения, которые налагаются на автора стихотворного текста, становятся для него своеобразным вызовом, на который необходимо ответить высшей степенью словесного мастерства. При этом и определение характера творческой задачи, и поиск ее решения, и конечный результат происходит практически на глазах читателя. Например, соотнесенность формальной и соответствующей ей логической структуры сонета, который представляет собой размышление автора на определенную тему, может служить наглядной моделью творческого мышления.

Кроме того, образный характер поэтической речи дает представление о способах эмоционального воздействия на сознание читателя. В то же время, вербальный характер этих образов позволяет разграничить сугубо интеллектуальную и эмоциональную составляющие высказывания, формируя умение критического восприятия и оценки эмоционально окрашенных текстов.

Изучение переводов поэтических произведений значительно усиливает их педагогический потенциал, особенно, если он реализован не в двуязычной, а в многоязычной парадигме восприятия. В контексте художественного перевода текст стихотворения дополняется следующими элементами: культурный контекст оригинала, цель автора оригинала, средства, использованные в оригинале, результат. Текст перевода, в свою очередь, становится инструментом сопоставительного изучения культур, этот процесс можно представить в виде следующей схемы:

- культурный контекст оригинала / культурный контекст перевода,
- цель автора оригинала / интерпретация цели автора оригинала переводчиком,

- языковые средства, использованные в оригинале / поиск переводчиком адекватных средств в языке перевода,
- результат (читательское восприятие) / оценка успешности решения переводческих проблем.

Изучение поэтического творчества иноязычных авторов в переводческом аспекте предполагает обращение одновременно к трем видам интеллектуальной деятельности.

Во-первых, рассмотрение истории литературы как формы выражения основных особенностей развития культуры стран изучаемых языков.

Во-вторых, проведение системно-сопоставительного анализа текстов и культурного контекста оригиналов и переводов произведений, включающего в себя сопоставление на уровне языковой системы, эстетической системы и системы культурных кодов, частью которых являются оригинал и его переводы.

В-третьих, перевод любого текста, а поэтического текста в особенности, есть творческое решение четко сформулированной задачи. В отличие от других форм творческой деятельности перевод более очевиден и нагляден, так как в нем всегда эксплицитно представлены исходные условия задачи (текст оригинала) и конечный результат (текст перевода), в других видах творчества первый элемент зачастую скрыт или не поддается формализации. Поэтому поэтические переводы можно рассматривать в качестве материала для изучения процесса творческого решения проблем, возникающих в межкультурной коммуникации.

Таким образом, поэтические произведения в рамках учебного процесса могут выступать в качестве эффективного инструмента решения комплекса задач и формирования целого ряда общекультурных и профессиональных компетенций, предусмотренных федеральным государственным стандартом в направлении подготовки «Лингвистика».

Целью учебного пособия является использование произведений испанских поэтов Золотого века и их переводов на

русский и английский языки в качестве наглядных моделей творческого решения проблем, связанных со словесным оформлением эмоционально-личностного и культурно-ценностного содержания духовной жизни представителей той или иной культуры.

Структура пособия основывается на принципе рационального ограничения и концентрации учебной информации и построена в соответствии со следующими требованиями: высокий культурный статус произведений и их общепризнанная художественная ценность; репрезентативность для национальной культуры, историко-литературного периода и литературных жанров; тематическая соотнесенность, допускающая сравнение трактовки сходных мотивов и образов. Исходя из этого, в пособие вошли произведения испанской поэзии Золотого века (XVI–XVII вв.), периода наивысшего военно-политического могущества и культурного расцвета Испании, которые распределены по школам и направлениям на основе сходства творческих принципов их представителей – поэзия Предвозрождения, Итальянская школа, Севильская школа, Саламанкская школа, религиозно-мистическая поэзия, культеранизм, концептизм.

При работе над учебным пособием использовался материал билингвальных антологий испанской поэзии:

Испанская поэзия в русских переводах: сборник / Сост. С. Гончаренко. – М.: Радуга, 1984.

Hispanic Anthology Poems Translated From The Spanish By English And North American Poets / Ed. Thomas Walsh – London: G. P. Putnam's Sons, 1930.

Spanish prose and poetry old and new with translated specimens by Ida Farnell – London: Oxford University Press, 1920.

Ten Centuries of Spanish Poetry : An Anthology in English Verse with Original Texts, from the Eleventh Century to the Generation of 1898 / Ed. Turnbull, Eleanor Laurelle – Baltimore: Johns Hopkins Press, 1955.

ЗОЛОТОЙ ВЕК В ИСПАНИИ

Золотой век (Siglo de Oro) – образное обозначение периода в истории Испании, в который она достигает вершины военно-политической мощи и переживает расцвет культуры. В зависимости от выбранных критериев выделяются различные хронологические рамки этого явления. Если принимать во внимание преимущественно политические факторы, то началом Золотого века можно считать 1492 год – завершение Реконквисты, открытие Америки, выход в свет первой грамматики кастильского языка Антонио де Небрихи. В XVI веке происходит территориальная экспансия Испании по двум направлениям: освоение Нового Света и переход во владение Испании значительной части Центральной и Северной Европы в годы правления Габсбургов. Именно с Габсбургами связано время стремительного взлета величия Испании и начало её упадка. Поэтому заканчивается Золотой век со смертью бездетного Карлоса II в 1700 году, последнего представителя этой династии на испанском престоле. Если же брать за основу исключительно события в истории литературы, то началом Золотого века можно считать 1543 год, когда увидел свет сборник стихов Хуана Боскана и Гарсиласо де ла Веги – первых представителей литературы Ренессанса в Испании, принадлежавших к Итальянской школе, а его окончанием либо год смерти драматурга и поэта Педро Кальдерона (1600–1681), либо год смерти мексиканской поэтессы Хуаны Инес де ла Крус (1651–1695). Тем не менее, начало Золотого века в поэзии связывается с проникновением в Испанию литературной традиции итальянского Возрождения, в первую очередь поэзии Петрарки, которая впервые появилась в Испании более чем за сто лет до публикации сочинений Хуана Боскана и Гарсиласо де ла Веги. В частности, итальянские поэтические формы и дух Ренессанса пытался привить испанской поэзии еще маркиз де Сантьяна (1398–1458). Поэтому в отношении испанской поэзии правомерно расширить хронологические рамки Золотого века и включить в него и творчество поэтов Предвозрождения.

Основными философско-эстетическими течениями, которые определяют характер поэзии Золотого века являются: итальянский гуманизм, неоплатонизм, эразмизм (эразмианство), стоицизм и скептицизм.

Итальянский гуманизм – европейское культурное движение, начавшееся в эпоху Возрождения в Италии, охватившее сферы образования, литературы, эстетики, философии и религии. Название происходит от латинского слова, изначально имевшего значение «преподаватель словесности». В эпоху Возрождения гуманист – это преподаватель гуманитарных дисциплин или человек, изучивший гуманитарные дисциплины, в соответствии с учебной программой, цель которой воспитать людей, готовых к службе своему государству, обеспечив их разносторонними и глубокими знаниями, этическими принципами, навыками развитой устной и письменной речи. Иными словами, гуманизм был течением в первую очередь филологическим и религиозно-нравственным.

Итальянский гуманизм становится основой для реформирования образования, в котором во главу угла ставится изучение словесности, но при этом обращение к текстам и авторам античности не означало превращения их в безусловных авторитетов, они используются лишь как средства воспитания, интеллектуального и нравственного развития, чтобы с их помощью, в конечном итоге, в полной мере раскрыть творческие способности человека. Стремление гуманистов к воспитанию творческой элиты аристократизировало культуру – образованность, знание классических языков и литературы, владение приемами изящной словесности становятся необходимыми качествами представителя высшего света.

Испании идеи гуманизма достигают в начале XV века, в это время в ней распространяются переводы классических текстов и трудов итальянских гуманистов. К середине XV века образованные испанцы начинают проявлять интерес к римскому прошлому своей страны, начинается изучение исторических мест в Испании и произведений родившихся на территории Испании римских писателей. В 1490-е годы испан-

ский гуманизм приобретает общенациональные масштабы: по инициативе ведущего испанского гуманиста Антонио де Нобрехи (1444–1522) начинается обновление системы образования, в которой теперь основное внимание уделяется изучению классической литературы.

В итальянском гуманизме можно выделить два аспекта, оказавших значительное влияние на интеллектуальную и эстетическую жизнь Европы в эпоху Возрождения: внимание к классическим языкам и филологии, возрождение интереса к античным философам.

Неоплатонизм – философское направление, сформировавшееся в период поздней античности и представляющее собой соединение философской системы Платона с учением Аристотеля в той его части, которая не противоречит Платону. Неоплатонизм становится одной из ведущих тенденций в эстетике эпохи Возрождения в противовес зрелому средневековью, отдававшему приоритет философии Аристотеля. Идеализм Платона в неоплатонизме был дополнен концепциями Аристотеля, поэтому мироустройство мыслилось как иерархическая структура, на вершине которой находится идея благодати (в христианском варианте тождественна идее Бога). В итальянском неоплатонизме эпохи Возрождения центральным элементом становится мысль о том, что идея благодати (высшая абстракция) присутствует в любой другой идее или явлении материального мира, она гармонично и пропорционально соотносена с ней. Необходимы определенные духовные и интеллектуальные усилия, чтобы в конкретных материальных объектах или в конкретной идее увидеть и, используя их, прийти к высшей идее, например, постижение красоты природы или созерцание красоты женщины – это отправная точка для понимания абстрактной идеи красоты, чтобы впоследствии на ее основе с помощью аналогии достигнуть понимания высшей благодати.

Эта неоплатоническая модель доминировала в литературе испанского Ренессанса и стала основой ее стилистического и тематического акцента на пропорциях, балансе и гармонии.

Представление о гармонии Вселенной и восхождении души от материальной к духовной реальности, понимание любви к физическому совершенству как пути, ведущему к созерцанию источника этого совершенства в Боге, предлагало средства концептуализации любви и красоты как в реальном, так и в идеальном мире, рассматривая их в неразрывном единстве и выступая против разделения на тело и душу, мир плоти и мир небесного совершенства. Оно сформировало интегративное представление о творчестве, в котором, с одной стороны, центральное место отводилось индивидуальности и чувственной красоте, но в то же время звучал призыв к выходу за пределы материальной действительности, на максимально возможные уровни абстракции.

Эразмизм – религиозно-философское течение в Испании XVI века, названное по имени культурного деятеля эпохи Возрождения Эразма Роттердамского (ок. 1466–1536), произведения которого не были столь же популярны и влиятельны ни в одной другой европейской стране. В своей деятельности Эразм Роттердамский преследовал две цели: возвращение греко-латинских авторов из забвения, в котором они пребывали в эпоху Средневековья, и возврат к раннехристианским идеалам, для чего необходимо было восстановить и опубликовать достоверный текст Нового Завета и творения отцов Церкви. Он издал или перевел огромное количество античных и патристических произведений, в том числе таких авторов, как Аристотель, Цицерон, Демосфен, Лукиан, Ливий, Светоний, Овидий, Плавт, Плутарх, Теренций, Сенека; творения таких отцов Церкви, как Амвросий, Афанасий, Августин, Василий, Иоанн Златоуст, Иероним и Ориген. Свою концепцию гуманистического богословия, или «философию Христа» Эразм Роттердамский изложил в трактате «Оружие христианского воина» (1503). Он призывал упростить христианство, убеждая, что «буква убивает, а дух животворит», а религия – не соблюдение определенных обязательств или выполнение обрядовых условностей, но внутреннее самосовершенствование. Издание им исправленного греческого текста «Нового

Завета» вместе с переводом на латинский язык и обстоятельными комментариями (1519) положило начало филологической и исторической критике текста Священного Писания.

В сфере словесности влияние эразмизма сказалось в усилении тенденции интеллектуализации литературной деятельности. В сочетании с идеями неоплатонизма представление голландского гуманиста о том, что источником истины является оригинальный, то есть неискаженный переводами, текст Священного Писания обусловило путь к благодати, поиск гармонии и возможность творческой деятельности необходимым уровнем филологической подготовки – поэтов-рыцарей маркиза де Сантильяну и Гарсиласо де ла Вегу сменяют аристократы духа, поэты-интеллектуалы Саламанкской школы.

Стоицизм – античное философское течение, идеи которого традиционно пользовались популярностью в Испании благодаря тому факту, что один из самых известных его представителей – Луций Анней Сенека (5 до н.э.–65) – родился в городе Кордуба (Кордова) на территории современной Испании, и его произведения не без оснований считаются частью испанской литературы. Темы, связанные с этикой стоицизма, к которым обращался в своих трудах римский философ, в той или иной форме присутствуют в произведениях литературы Испании практически на протяжении всех периодов ее развития. Сущность стоической позиции заключается в том, что в жизни изменить ничего нельзя, можно лишь изменить свое к ней отношение и, презирая невзгоды, нужно мужественно выдерживать удары судьбы. В этом проявляется пассивная позиция стойка, а активность должна проявляться в господстве над своими страстями, не оказываясь у них в рабстве. Счастье человека состоит в его отношении к событиям и обстоятельствам: «Каждый несчастен настолько, насколько полагает себя несчастным». В этом, по Сенеке, состоит величие стоического духа, когда человек принимает все как должное. «Лучше всего перетерпеть то, чего не можешь исправить, и, не ропща, сопутствовать Богу, по чьей воли все происходит.

Плох тот солдат, который идет за полководцем со стоном... Изменить такой порядок мы не в силах, – зато в силах обрести величие духа». Однако это не просто пассивное отношение к жизни, равносильное бездействию. Это всего лишь философское обоснование позиции, когда ничего нельзя сделать, когда обстоятельства складываются таким образом, что человек бессилён противостоять событиям. В этом случае, по Сенеке, лучше всего не впадать в отчаяние и продолжать действовать. То есть человек должен трезво учитывать все обстоятельства и быть готовым ко всякому повороту событий, сохраняя при этом спокойствие духа, здравый смысл, мужественность, энергичность, деятельность. Данная позиция определяет трактовку темы смерти: Сенека иронизировал по поводу тех, кто сожалеет, что их уже не будет через тысячу лет, но почему-то они не сожалеют, что их не было тысячу лет тому назад. Он считал, что смерть – дело привычное. «Умереть – это одна из налагаемых жизнью обязанностей. <...> Жизнь – как пьеса: не то важно, длинна ли она, а то, хорошо ли сыграна». Авторитет римского философа-стоика и его нравственно-этические воззрения определили частое обращение и специфику интерпретации темы смерти в испанской литературе (см., например, Хорхе Манрике «Строфы на смерть отца»).

Скептицизм – античное философское течение, возникшее в эллинистическую эпоху и получившее широкое распространение в Европе в период позднего Возрождения. Скептицизм основан на сомнении или неуверенности в возможности обладания человеком достоверного знания о мире. В чувственно воспринимаемой реальности, согласно этому учению, нет никаких способов проверить, подтвердить или опровергнуть существующие у человека представления, поэтому его удел – все подвергать сомнению.

Продолжение развития скептицизма в XVI веке связано с публикацией в 1562 году Генрихом Стефаном в Женеве латинского перевода трактата греческого скептика Секста Эмпирика (ок. 200–ок. 250) «Пирроновы основоположения». Самым известным представителем ренессансного скептицизма

является Мишель де Монтень (1533-1592), но и в Испании он нашел своих приверженцев – Хуан Луис Вивес (1492–1540), Франсиско Санчес (1552–1623), Педро де Валенсия (1555–1620).

Культурно-исторической предпосылкой распространения скептицизма в Испании стал начинающий ощущаться интеллектуальной элитой процесс утраты былого величия, который проявлялся как на уровне национальной, так и индивидуальной идентичности. Военная мощь Испании и ее территориальная экспансия привела к перенапряжению сил и, как следствие, упадку экономики и сокращению населения; усиливающиеся репрессии со стороны церкви и закостеневшая социальная система абсолютной монархии сужали пространство для самореализации личности, выхолащивали все виды общественной деятельности, поощряя приобретение лишь внешних атрибутов социальной значимости. В начале XVII века все более очевидным становится несоответствие блистательного фасада испанского общества подлинному состоянию дел. Одной из форм выражения этого когнитивного диссонанса, в частности, становится скептицизм. В литературе Испании скептицизм был основой творчества Франсиско де Кеведо и одним из источников религиозно-мистической поэзии, негативная теология которой направляла поиски истины в надматериальную сферу, отрицая значимость и достоверность существования чувственно воспринимаемого мира.

ПОЭТИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ В ЛИТЕРАТУРЕ ИСПАНИИ ЗОЛОТОГО ВЕКА

С хронологической точки зрения развитие поэзии Золотого века можно разделить на следующие этапы:

- поэзия Предвозрождения, XV век – маркиз де Сантильяна (1398–1458), Хуан де Мена (1411–1456), Хорхе Манрике (ок. 1440–1479);
- поэзия первого Возрождения в годы правления

Карлоса I (1516–1556), императора Священной Римской империи Карла V (1519–1556) – Итальянская школа;

- поэзия второго Возрождения в годы правления Филиппа II (1556–1598) – Севильская и Саламанкская школы, религиозно-мистическая поэзия;
- поэзия барокко, в которой оформились противопоставлявшиеся друг другу культеранизм и концептизм.

Целостность явления поэзии Золотого века обеспечивается общностью тем, которые присутствуют в ее произведениях на всех этапах развития, среди которых можно выделить заимствования из античной литературы (*carpe diem*, *beatus ille*, *locus amoenus*) и темы, связанные с основными философскими течениями, существовавшими в это время в Испании.

Carpe diem – выражение римского поэта Горация (65–8 до н.э.), выражающее призыв жить каждый день с удовольствием, находить положительные эмоции во всем и не откладывать полнокровную жизнь на неопределенное, неизвестное будущее. *Carpe diem* близко по значению выражению *temento mori*, обозначая одновременно две противоположные мировоззренческие установки: представление о беззаботной, льющейся через край жизни; подход к жизни, определяемый смирением и кратким существованием.

Beatus ille – слова Горация (*beatus ille, qui procul negotiis* – блажен, кто вдали от дел) о душевном покое, путь к которому – быть довольным своей участью.

Locus amoenus – литературоведческий термин, обозначающий идеализированное место действия, отличающееся комфортом и безопасностью. Чаще всего *locus amoenus* – это прекрасный тенистый луг или лес, напоминающий об Эдеме. *Locus amoenus* содержит три основных элемента – деревья, трава и вода. Лес или сад служат средством изображения душевного состояния автора, повествователя или персонажа. *Locus amoenus* может также выступать в роли художественного средства для выражения контраста между жизнью в городе

и на лоне природы, или быть местом уединения вдали от житейской суеты, подчеркивая гармонию природы в противовес хаосу и несправедливости светской жизни.

Влияние философских течений, развивавшихся в Испании Золотого века, на содержание и форму поэтических произведений прослеживается в виде двух основных тем: женская красота и уход от суетного мира.

Женская красота была зримым, чувственно воспринимаемым воплощением гармонии Универсума, как следствие, любовь к женщине выражала стремление к красоте и гармонии Вселенной. Эмоциональный фон трактовки этой темы как правило был пессимистичным – влюбленный страдал, осознавая недостижимость идеала, к которому он не может не стремиться.

Целью ухода от мира было наслаждение благом и красотой природы, которое было результатом напряженной духовной работы, направленной на освобождение души от плена материального мира и осуществляемой с помощью изучения книг (получения образования), восприятия произведений искусства и общения с природой.

ПОЭЗИЯ ПРЕДВОЗРОЖДЕНИЯ

Переход от Средневековья к Ренессансу в Испании связан с влиянием итальянской поэзии и завершением периода феодальной раздробленности, который увенчался созданием единого национального государства. Эти факторы определили основные тенденции в общественно-политической и интеллектуальной жизни страны. На волне патриотизма и роста национального самосознания возрос интерес к народному творчеству. Высокий уровень социальной мобильности в испанском обществе в сочетании с идеями итальянского гуманизма утвердили представление о внесловной ценности личности. В то же время концепция ренессансной личности, стремящейся к максимальной творческой самореализации, проникая в

общественное сознание Испании, формирует культ образованности и учености.

Иньиго Лопес де Мендоса, маркиз де Сантильяна (Íñigo López de Mendoza, marqués de Santillana, 1398-1458) – поэт предренессансной школы, творчество которого испытало значительное влияние итальянской литературы. Сантильяна первым из испанских авторов использовал сонетную форму и «итальянский» одиннадцатисложник. Крупный вельможа, государственный и военный деятель, он отличался редкой для своего времени начитанностью и ратовал за изысканную культуру стиха. В «Предисловии и послании коннетаблю до-ну Педро Португальскому» (1449) – первой поэтике на испанском языке – он доказывал, что стихи обладают большей ценностью, чем проза, так как они более торжественны и совершенны, требуют от автора более высокого уровня словесного мастерства. Самой ценной частью его творчества стали результаты фольклорных изысканий и стихи, написанные в духе народной испанской поэзии, в частности, 10 серранилий (горных песен), созданных по образцам средневековых провансальских пасторалей, но отразивших новые гуманистические веяния.

Хорхе Манрике (Jorge Manrique, 1440–1478) – крупнейший испанский поэт эпохи предвозрождения, принадлежал к знатному роду, участвовал в династических междоусобных войнах и был убит при штурме неприятельской крепости. В его поэтическом наследии около пятидесяти произведений традиционных жанров средневековой поэзии и гениальная философская поэма «Строфы на смерть отца» (1476), о которой Лопе де Вега сказал, что она по заслугам должна быть «начертана золотыми письменами». В ней Хорхе Манрике выступает непосредственным предшественником Возрождения. Типичную возрожденческую мысль о все уносящем потоке времени, о вечных переменах, как основном законе бытия, он увязывает с утверждением высокой ценности человеческой личности.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ШКОЛА

Творчество поэтов Итальянской школы стало краеугольным камнем в поэзии испанского Золотого века, очертив круг тем, разработав систему художественных приемов и сформулировав основные эстетические принципы, к которым впоследствии будет обращаться не одно поколение испанских поэтов. Появление Итальянской школы обусловлено активизацией контактов Испании с другими европейскими странами – в ходе объединения Кастилии и Арагона в состав испанского государства вошло Королевство Обеих Сицилий со столицей в Неаполе, некоторое время спустя испанский король Карлос I становится главой крупнейшего в Западной Европе государства Священной Римской империи. Самым высоким авторитетом в то время обладает итальянская литература. В 1526 году в Гранаде, в садах Хенералифе, в легендарном разговоре между придворными герцога Альбы Хуаном Босканом и венецианским посланником Андреа Наваджеро, касавшемся «сочинительства и образованности, а особенно того, чем всякие языки друг от друга рознятся» испанскому поэту было предложено попробовать писать стихи на итальянский лад, тем самым испытав, насколько испанский язык приспособлен к другим размерам: к одиннадцати- и к десятисложнику, к свободному стиху, а также к новым строфическим формам и к доселе не укорененным в испанской поэзии жанрам – сонету, канцоне, эклоге, элегии, посланию, оде... Боскан последовал совету Наваджеро и увлек своим примером молодого офицера императорской армии Гарсиласо де ла Вега (см. С. Пискунова. Золотой век испанской поэзии // Поэзия испанского Возрождения. М.: Худож. лит., 1990, с. 7).

Итальянизация испанской поэзии, которая в стране, переживавшей патриотический подъем, вызвала неоднозначные оценки (см. сонеты Кристобаля де Кастильехо), в XVI веке означала распространение петраркизма. Влияние Петрарки и петраркистов, причем, как поэтических, так и философских

произведений на интеллектуальную жизнь Испании было необычайно велико.

Петраркизм – течение в итальянской поэзии с XIV по XVI вв., получившее распространение и в других европейских странах, являющееся системным подражанием поэзии одного из основных представителей итальянского гуманизма. В XVI веке оно приобрело целостный характер, определяющий как содержательный, так и формальный компоненты поэтического творчества.

Поэзия самого Петрарки была результатом творческого синтеза философии неоплатонизма, античной и средневековой любовной лирики, ее психологический реализм и эмоциональная убедительность подчеркивали драматическое напряжение между духовным идеализмом и любовными страданиями. На этой основе петраркизм выработал собственную систему художественных условностей, которые определяли тематику и комплекс языковых средств, используемых в поэзии. Центральным элементом этой системы был образ женщины, воплощавший физическое и духовное совершенство. Идеализация женской красоты, служившей конкретным выражением абстрактной идеи гармонии мира, требовала особого языка, отличающегося высоким уровнем условности и преувеличения (см. Франсиско де Кеведо «Против безудержной поэтической лестии»). Стремление к красоте и гармонии, а в образе Прекрасной дамы она дополнялась холодностью и неприступностью, принимает форму любви, которая в силу заведомого несовершенства носителя этого чувства остается безответной и превращается в источник очищающих душу страданий, образуя основной эмоциональный настрой лирических произведений. Образы природы, идеализированные и условные воплощения гармонии Вселенной, соответствуют душевному состоянию влюбленного поэта. Мифологические образы дополняют основную тему произведений и чаще всего связаны с мотивами превращения, страдания, плена и саморазрушения.

В целом, петраркистская лирика может рассматриваться

как вид аристократического искусства в форме психологически и интеллектуально утонченной игры, в которой преобладали условность и рассудочность. В испанской поэзии эти черты наиболее характерны для творчества представителей Итальянской школы. Впоследствии, отчасти продолжая, отчасти преодолевая ограниченность этой тенденции, в литературе Испании возникнут Севильская школа, стремящаяся к формальному совершенству, философская Саламанкская школа, взявшая за основу тему одухотворенной любви как пути к постижению гармонии мира, и религиозно-мистическая поэзия, использовавшая чувственное начало неоплатонической любви петраркизма для описания высшей степени эмоционального экстаза, переживаемого душой, охваченной религиозными чувствами.

Хуан Боскан (Juan Boscán Almogáver, ок. 1490–1542) – испанский поэт-новатор, происходил из знатной семьи, получил блестящее образование. Состоял при дворе короля Фердинанда II Католического, был наставником герцога Альбы. Боскану принадлежит первая удачная попытка введения в испанскую поэзию отдельных элементов итальянской лирики: сонет, канцона, рифмованная октава, одиннадцатисложник, терцет, эклога. Его послание к герцогине де Сома стало манифестом Итальянской школы, теоретической основой ренессансной поэзии в Испании. Особое место в творчестве Боскана занимают сонеты, отличающиеся искренностью и исповедальностью, любовные сонеты являются подражанием Петрарке, так называемые экзистенциальные сонеты выражают тоску и одиночество. Переводческая деятельность Боскана внесла существенный вклад в распространение идей Возрождения, его перевод трактата итальянского гуманиста Бальтасара Кастильоне «О придворном» (1534), представляющий модель идеального дворянина был назван «энциклопедией ценностей Ренессанса». Первый сборник его стихотворений был издан вдовой поэта в 1543 году.

Гарсиласо де ла Вега (Garsilaso de la Vega, 1503–1536) – выдающийся поэт раннего Возрождения. Принадлежал к ста-

ринному дворянскому роду. Среди предков по отцу – маркиз де Сантильяна, а по матери – «испанский Плутарх» Фернан Перес де Гусман. Личность Гарсиласо соединяла качества отважного воина, высокообразованного гуманиста и блистательного придворного. Участвовал во многих военных походах, долгое время жил в Неаполе, где познакомился с итальянской поэзией. Умер в Ницце от ран, полученных при штурме французской крепости Муи. Поэтическое творчество Гарсиласо де ла Веги составляют одно послание, две элегии, три эклоги, пять од, тридцать восемь сонетов, а также произведения на латыни. Впервые они были опубликованы вместе со стихами Боскана. Поэтические опыты Гарсиласо де ла Веги были ответом на вызов того времени: как приобщить испанский стих к богатствам итальянской поэзии, не потеряв при этом национального характера. Под влиянием поэзии Гарсиласо де ла Веги в XVI веке образовались три поэтические школы – Итальянская, Саламанкская и Севильская. В конце XIX века она стала одним из источников обновления испанской поэзии представителями поколения 98 года.

Эрнандо де Акунья (Hernando de Acuña, 1520–1580) – испанский поэт-петраркист, друг Гарсиласо де ла Веги. Еще в юности поступил на воинскую службу, воевал в Германии и во Франции. Был фаворитом Карла V, который ценил его не только за воинскую доблесть, но и за литературные таланты. Переводил римскую классику и произведения итальянской поэзии (произведения Овидия и Боярдо), известен как автор сонетов, эклог и элегий, некоторые из них посвящены Карлу V, в котором поэт видел воплощение идеального монарха.

Гутьерре де Сетина (Gutierre de Cetina, 1520–1557) – поэт, последователь Гарсиласо де ла Веги, всецело посвятивший себя любовной лирике. Родился в Севилье в знатной и богатой семье. Состоял при королевском дворе. Побывал в Италии и Германии. Разочаровавшись в придворной жизни, обратился к литературе. Автор около двухсот пятидесяти сонетов и мадригалов, для которых характерны изящество и музыкальность.

Кристобаль де Кастильехо (Cristóbal de Castillejo, 1491–1550) – глава поэтов-традиционалистов, оппонентов Гарсиласо де ла Веги, принципиальный противник нововведений в стихосложении, утверждавший и доказывавший в своем творчестве, что традиционные кастильские поэтические формы не уступают по своим художественным возможностям итальянским заимствованиям. Кастильехо прибегал к новым видам поэзии («итальянской заразе») только с целью их пародирования. Стихи Кастильехо отличались простотой, ясностью и остроумием, он был талантливым сатириком и обладал хорошим чувством юмора. Часть его произведений, высмеивающая священнослужителей, была запрещена инквизицией.

СЕВИЛЬСКАЯ ШКОЛА

Севильская школа – направление в испанской поэзии Золотого века, названное по месту рождения его представителей, основывающееся на идеях Итальянской школы, но с преобладанием в творческом методе сугубо эстетических элементов над философскими, религиозными или чувственными. Его составила группа поэтов, обладавших сходными представлением о словесном творчестве – они рассматривали его в первую очередь как мастерство, а не проявление энтузиазма или платонической страсти, которое в большей степени является виртуозным, а не спонтанным. Отсюда основные черты произведений этой школы: яркие, живые образы, неологизмы, помпезность, вычурность и интеллектуализм – в целом, приоритет формального совершенства и демонстрация высокого уровня владения приемами словесного мастерства перед собственно содержательной стороной поэтического искусства.

Фернандо де Эррера (Fernando de Herrera, 1534–1597) – прозванный «Божественным» (El Divino) – яркий представитель севильской школы. Ему принадлежит аннотированное издание сочинений Гарсиласо де ла Веги (1570), которого Эррера считал одним из своих учителей. Стремился расширить возможности испанского стиха, придать поэтической речи

больше пафоса и достоинства. Творческое наследие Фернандо де Эрреры – пятьсот тридцать стихотворений. Первое издание стихов он подготовил сам и выпустил в 1582 году. В сонетах Эрреры петраркистская любовная тематика соединяется с пафосом героического деяния: лирический герой Эрреры – человек действия, бросающий вызов судьбе, «авантюрист». Но дерзновение в поэтическом мире Эрреры всегда чревато крушением, поражением: «гордыня» человека, возомнившего себя «героем», наказывается. Героическое прославление под пером Эрреры превращается в элегическое оплакивание. Творчество Эрреры предвосхитило некоторые особенности поэтического стиля Луиса де Гонгоры.

Мигель де Сервантес Сааведра (Miguel de Cervantes Saavedra, 1547–1616) – известен в первую очередь как гениальный прозаик, но Сервантес был и незаурядным поэтом, о чем свидетельствуют его лирические стихотворения, включенные в тексты романов и новелл, а также драма в стихах «Нумансия» (опубликована в 1784 году) и стихотворный обзор испанской словесности – поэма «Путь на Парнас» (1614), включающая в том числе ироничный рассказ о собственном творчестве. Стихи Сервантеса долгое время не воспринимались отдельно от прозы, как замечательного и оригинального поэта его открыли только в XX веке.

Бальтасар дель Алькасар (Baltasar del Alcázar, 1530–1606) – родился в Севилье в семье Луиса де Алькасара. Получил хорошее гуманитарное образование, участвовал в войне с Францией, был взят в плен и освобожден из уважения к его храбрости. Известен главным образом как талантливый сатирик и юморист. За эпикурейские мотивы в его поэтическом творчестве – он воспевал прелести безделья, хорошего стола и доброго вина – получил прозвище «испанский Анакреон». Алькасар писал и любовные сонеты, подражая Петрарке, но они не отличались оригинальностью и вскоре были забыты.

Хуан де Аргихо (Juan de Arguijo, 1567–1623) – родился в Севилье в богатой и знатной семье, был покровителем по-

этов, музыкантов, ученых. В творчестве Аргихо выделяются сонеты на мифологические и исторические темы и образы, среди произведений других представителей Севильской школы они отличались особой тщательностью отделки формы и эмоциональной сдержанностью.

Франсиско де Медрано (Francisco de Medrano, 1570–1607) – уроженец Севильи, состоял в ордене иезуитов, учился в Саламанке, побывал в Италии, в конце XVI века жил в наследственном имении «Радость очей» около Севильи. Переводил Горация, и влияние римского поэта отразилось на его поэзии. В своем творчестве соединяет две школы: вслед за Луисом де Леоном подражает Горацию и, подобно Эррере, в своих любовных сонетах поражает богатством красок.

Родриго Каро (Rodrigo Caro, 1573–1647) – гуманист, археолог, жил в Севилье, коллекционировал древности. Ему принадлежит труд «Древности Севильи» (1634) и биографии знаменитых уроженцев Севильи, в числе которых жизнеописание Фернандо де Эрреры. Стихи писал и по-испански, и по-латыни. Главное произведение – ода «Руинам Италики», которую Каро совершенствовал всю свою жизнь, считается одним из лучших образцов так называемой «поэзии руин» в испанской литературе.

Франсиско де Риоха (Francisco de Rioja, 1583–1659) – поэт Севильской школы. Служил библиотекарем Филиппа IV, чиновником инквизиции, но настоящим его хозяином был всесильный фаворит граф-герцог Оливарес, при котором он был негласным советником по политическим и литературным делам. Поэзия Франсиско де Риохи отличается оригинальностью стиля, красотой выражения мыслей, гармоничным сочетанием техники стихосложения с содержанием разрабатываемой темы.

САЛАМАНКСКАЯ ШКОЛА

Саламанкская школа – группа поэтов, связанных с деятельностью Саламанкского университета, образовавшая-

ся в последнюю треть XVI века и возглавляемая Луисом де Леоном. Саламанкская школа представляет собой интеллектуальное течение в поэзии Золотого века, интимные переживания лирического героя и выражение его внутреннего мира в творчестве этих поэтов были связаны с космогонической и натурфилософской образностью. Поэтому отличительной чертой ее поэзии считается сдержанная серьезность, образующая гармоничный баланс между формой и содержанием, умение выразить глубину эмоциональных переживаний ограниченным набором поэтических средств, используя в большей степени смысловые нюансы и оттенки слов, а не высокопарную стилистику. Поэтическое творчество в рамках этой школы чаще всего рассматривалось как напряженный поиск точного слова для выражения своего чувства и становилось интеллектуальным упражнением для достижения духовного совершенства.

Луис де Леон (Luis de León, 1527–1591) – философ, поэт, переводчик. Выходец из еврейской семьи, в четырнадцать лет поступил в университет Саламанки, окончив его, стал монахом-августинцем. Изучал, а затем и преподавал богословские науки и риторику в университетах Саламанки, Алькала, Толедо, получил ученые степени – бакалавра, доктора, профессора; как монах-августинец принимал активное участие в диспутах с доминиканцами. Главный предмет изучения и толкования – Библия. Опираясь на древнееврейские оригиналы, осмелился критиковать «Вульгату». В 1561 году выступил с собственным переводом «Песни Песней». В 1572 году был арестован и обвинен инквизицией в «протаскивании» иудейской ереси в Священное писание. Пять лет провел в тюрьме, но добился оправдания. В последние годы жизни Луис де Леон опубликовал свои основные богословские труды – «Теория имен» и «Имена Христа», в которых выдвинул теорию духовного братства всего человечества. Книга его поэтических произведений, состоящая из трех частей – стихи, переводы, перевод «Песни Песней» – увидела свет только в 1631 году благодаря Кеведо. Известны переводы Луиса де

Леона из Вергилия, Горация, Пиндара, библейских Псалмов, «Книги Иова». Из поэтического наследия сохранилось около сорока стихотворений, которые входят в золотой фонд испанской лирики. Поэзию Луиса де Леона пронизывают неоплатонические мотивы слияния с природой и уединения от мирской суеты.

Франсиско де ла Торре (Francisco de la Torre, 1534 (?) – 1594 (?)) – представитель Саламанкской школы, учился в университете Алькала, воевал в Ломбардии, незадолго до смерти принял духовный сан. Основная тема его творчества – любовь, поэзия Франсиско де ла Торре сочетала простоту выражения с богатством эмоциональных оттенков и живой образностью. Основное настроение в стихах – меланхолия и ностальгия. Франсиско де ла Торре был принципиальным противником культуранизма, его стихи впервые были изданы Кеведо.

РЕЛИГИОЗНО-МИСТИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

Мистические практики полагают своей целью достижения единства, слияния или брака между душой и Богом. При этом мистицизм (от греч. *mysticos* – тайный) предполагает, что этот союз души и Бога требует священной благодати, которой не может обладать обычный человек. Как следствие, этот путь открыт лишь избранным.

Мистическая литература в Испании в той или иной форме присутствовала на всем протяжении Средневековья, Ренессанса и эпохи барокко, однако наивысший взлет это течение переживает в период обновления христианской церкви в странах Западной Европы и интенсивных поисков новых форм религиозного опыта во времена Реформации и Контрреформации. Испанская религиозно-мистическая поэзия была одним из проявлений этих поисков.

Главное отличие классического испанского мистицизма от неоплатонизма и Саламанкской школы заключалось в том, что условием достижения единства души с божественной

сущностью было переживание эмоционального экстаза (любви к Богу), а не теологические рассуждения или созерцание красоты сотворенного мира. Поэтому эмоциональная сдержанность Саламанкской школы сменяется ярко выраженной чувственностью – отношения человека и Бога не столько интеллектуально-философские, сколько непосредственно личностные.

В испанском мистицизме выделяются три стадии мистического пути (*via mistica*): очищение, просветление и единение. На первой стадии – очищения – происходит отказ души от всего, что может быть помехой на пути к Богу, и исчезают любые желания. Этот процесс описывается как темная ночь или бездна, она является подготовительной для принятия божественного света – фазы просветления. Душа, осознавшая свою просветленность, в дальнейшем отправляется на поиски единства (слияния) с Богом. Три стадии мистического пути соответствуют трем сферам душевной жизни: память, интеллект (мышление), воля. Среди мистиков, в основном вдохновленных «Песнью песней», конечный пункт мистического пути ассоциировался с браком, венчающим союз любви и полного слияния души и Бога.

Образный ряд, используемый в религиозно-мистической поэзии, определяется представлением о том, что очищение души, состояние морального совершенства и достижение благодати в форме высшей степени эмоционального переживания невыразимо словами, для их описания авторы прибегают к иносказаниям и метафорам. Например, чтобы поведать о различных стадиях мистического пути используются образы темной ночи, пламени или священного огня, а источник благодати предстал в виде источника, родника, реки или колодца.

Сан Хуан де ла Крус, (Иоанн Креста), (Juan de la Cruz, 1542–1591) – настоящее имя: Хуан де Йепес-и-Альварес. Поэт-мистик, монах, богослов и администратор. Учился в Медина-дель-Кампо и в Саламанке. Вступил в монашеский орден кармелитов, где называл конфликт между «босоногими» и

«умеренными». Принял активное участие в спорах на стороне «босоногих» и был заключен в монастырскую тюрьму, из которой бежал и укрылся в Альмодовар-дель-Кампо. Основал несколько монастырей, начал реформу устава ордена, в соответствии с реформой устава женских монастырей, проведенной Тересой де Хесус. Автор нескольких религиозных трактатов. Истоки поэзии Сан Хуана де ла Крус в Библии. Ее главная тема – единение души в любви с Богом. В литературоведении существуют две основные трактовки его творчества: стихи Сан Хуана де ла Крус считаются «ангелической», «небесной», «божественной» поэзией, облаченной в земные метафоры (Менендес-и-Пелайо); немецкий специалист по испанскому Золотому веку Людвиг Пфандель, напротив, доказывает, что в основе этих стихов лежит земная, плотская любовь, вознесенная до мистического экстаза. Дерзкая мистическая символика поэзии Сан Хуана де ла Крус, усиленная страстной экзальтацией одухотворенного чувства, снискала ему славу выдающихся произведений испанской лирики. Произведениями Сан Хуана де ла Крус интересовались русские символисты, в частности, Д. С. Мережковский.

КУЛЬТЕРАНИЗМ

Культеранизм – течение в литературе испанского барокко. Термин возник в начале XVII века для обозначения латинизированной поэзии (как на уровне лексики, так и на уровне синтаксиса) с обилием аллюзий на античную литературу. Происходит от слова *culto*, имеющее значение «ученый» или «культурный». Культеранизм можно считать логическим продолжением основной тенденции в развитии испанской литературы, начинающейся еще в средневековье, в рамках которой словесное творчество считалось в первую очередь интеллектуальной деятельностью, требующей гуманитарной подготовки, и поэтому доступной лишь образованным людям. Например, Фернандо де Эррера упрекал Гарсиласо де ла Вега за выражения, которые ему казались слишком простыми и вуль-

гарными, настаивая на том, что поэтическая речь должна избегать прозы повседневной речи. Литеатурный теоретик Бальтасар Грасиан в трактате «Остроумие, или Искусство изощренного ума» (1642) также защищал «трудную» поэзию, лучшим образцом которой считал стихи Луиса де Гонгоры. Сам Гонгора, основной представитель культеранизма, гордился тем, что его произведения непонятны непросвещенной публике: «Моими трудами язык наш достиг величия и совершенства латинского». По мировоззренческим и эстетическим взглядам культеранизм является продолжением Севильской школы.

Луис де Гонгора-и-Арготе (Luis de Góngora y Argote, 1561–1627) – согласно Сервантесу, «гений редкий и неповторимый», крупнейший деятель испанского поэтического барокко. Принято считать, что его творческое наследие делится на две части: 1) проникнутые духом народной поэзии летрильи и романсы, которые во все времена очень высоко оценивались критикой; 2) культеранистские поэмы «Уединения» (1613) и «Полифем» (1612–1613), вызывавшие бурные споры еще при жизни автора, а потом на протяжении более двухсот лет считавшиеся образцом вычурной безвкусицы и поэтической невнятности. Между этими якобы полярными его творениями обычно помещаются «нейтральные» сонеты и оды. Французские символисты выступили за переоценку эстетических принципов Гонгоры; это движение распространилось в Испании – целое поколение поэтов (Ф. Гарсиа Лорка, Х. Гильен, П. Салинас, Р. Альберти, Х. Диего) объявило Гонгору своим учителем. В известной работе Дамасо Алонсо «Поэтический язык Гонгоры» (1927) доказывается, что не вычурность и невнятица, а доведенная до предела образная уплотненность стиха порождала пресловутый эффект «темноты». Позднее Гарсиа Лорка в лекции «Поэтический образ у Гоногоры» (1932) сказал по данному поводу: «Что же есть это за темнота стиля? По-моему, она грешит ослепительным светом».

КОНЦЕПТИЗМ

Концептизм – течение в литературе испанского барокко. Название происходит от понятия *concepto*, означавшего краткое, емкое и остроумное высказывание. В отличие от культеранизма усложненность концептистской поэзии достигается не за счет формы, а за счет содержания – семантики используемых языковых средств, ее цель – выразить максимально сложную идею максимально простыми способами. Поэтому в ее произведениях чаще всего используются игра слов, парадоксы, противопоставления, параллелизмы и сравнения. Бальтасар Грасиан определял концептизм как «согласованность и гармоничную взаимосвязь между двумя и более противоположностями, выраженную в остроумной форме». Основным представителем концептизма считается Франсиско де Кеведо. По мировоззренческим и эстетическим взглядам концептизм является продолжением Саламанкской школы.

Франсиско де Кеведо-и-Вильегас (Francisco de Quevedo y Villegas, 1580-1645) – великий поэт и прозаик Золотого века. Аристократ по происхождению, Кеведо получил основательное образование – в шестнадцать лет поступил в университет Алькала и в 1600 году получил звание лиценциата искусств. Он в совершенстве владел многими языками, в их числе французским, итальянским, португальским, арабским, а также классической латынью, древнегреческим и древнееврейским. В своих трудах по теологии, этике, истории, философии, которые он писал на протяжении всей своей жизни, Кеведо обнаруживает глубокий аналитический ум, превосходное знание античных авторов, отцов Церкви, ученых разных эпох. Он был переводчиком и комментатором трудов античных стоиков – Сенеки, Эпиктета и других, – у которых воспринял идею внутренней независимости личности, признание разума силой, помогающей человеку противостоять царящему в мире фатальному злу. В историю испанской литературы вошел как автор с непревзойденным сатирическим талантом. Рационалистичность и язвительность его

дарования привела к тому, что в поэтическом творчестве Кеведо тяготел к рассудочному концептизму. Большая часть его стихов увидела свет после его смерти, в 1648 году ученый-гуманист Хосе Гонсалес де Салас собрал стихи Кеведо в сборник «Испанский Парнас», но успел опубликовать только первую часть, в которую вошло около пятисот стихотворений, после смерти Саласа вышла вторая часть, куда вошло еще около трехсот стихотворений.

ПОЭЗИЯ ПРЕДВОЗРОЖДЕНИЯ

Marqués de Santillana
Serranilla V

Moça tan fermosa
non vi en la frontera,
como una vaquera
de la Finojosa.

Faziendo la vía
del Calatraveño
a Santa María,
vençido del sueño,
por tierra fragosa
perdí la carrera,
do vi la vaquera
de la Finojosa.

En un verde prado
de rosas e flores,
guardando ganado
con otros pastores,
la vi tan graciosa,
que apenas creyera
que fuese vaquera
de la Finojosa.

Non creo las rosas
de la primavera
sean tan fermosas
nin de tal manera,
fablando sin glosa,
si antes supiera
de aquella vaquera
de la Finojosa.

Non tanto mirara
su mucha beldad,
porque me dexara
en mi libertad.

Mas dixे: "Donosa
(por saber quién era),
¿aquella vaquera
de la Finojosa?..."

Bien como riendo,
dixo: "Bien vengades,
que ya bien entiendo
lo que demandades:
non es desseosa
de amar, nin lo espera,
aquessa vaquera
de la Finojosa".

Маркиз де Сантильяна Серранилья V

Луга и откосы
Не знали девчушки
Красивей пастушки
Из Финохосы.

Как шел я впервые
Из Калатравеньи
До Санта-Марии,
Почти что в забвенье
Забрел за покосы,
Набрел на опушку
И встретил пастушку
Из Финохосы.

Где зелень – отрада,
Где пахнет цветами,
Пасла она стадо
Меж пастухами.
Пушистые косы,
А с виду – простушка.
Да это ль пастушка
Из Финохосы.

И розам из сада,
Расцветшим весною,
Равняться не надо
С ее красотой
Слагаю не глоссы,
Не песни – частушки:
Нет лучше пастушки
Из Финохосы.

На личико это
Глядел я лишь малость,
Чтоб сердце поэта
Свободным осталось.
Я задал вопросы,
Как будто подружке:
Далёко ль к пастушке
Из Финохосы?

Она засмеялась,
Сказала: «Простите,
Я уж догадалась,
Чего вы хотите.
Тропинки-то косы,
Любовь не игрушка,
Не ждет вас пастушка
Из Финохосы!»

Перевод А. Гелескула

From Calatrava as I took my way
At holy Mary's shrine to kneel and pray,
And sleep upon my eyelids heavy lay,
There where the ground was very rough and wild,
I lost my path and met a peasant child:
From Finojosa, with the herds around her,
There in the fields I found her.

Upon a meadow green with tender grass,
With other rustic cowherds, lad and lass,
So sweet a thing to see I watched her pass:
My eyes could scarce believe her what they found her,
There with the herds around her.

I do not think that roses in the Spring
Are half so lovely in their fashioning:
My heart must needs avow this secret thing,
That had I known her first as then I found her,
From Finojosa, with the herds around her,
I had not strayed so far her face to see
That it might rob me of my liberty.

I questioned her, to know what she might say:
"Has she of Finojosa passed this way?"
She smiled and answered me: "In vain you sue,
Full well my heart discerns the hope in you:
But she of whom you speak, and have not found her.
Her heart is free, no thought of love has bound her,
Here with the herds around her."

Translated John Pierrepont Rice

Jorge Manrique
Coplas la muerte de su padre

Coplas de Manrique

I

Recuerde el alma dormida,	O let the soul her slumbers break,
avive el seso e despierte	Let thought be quickened, and awake;
contemplando	Awake to see
cómo se passa la vida,	How soon this life is past and gone,
cómo se viene la muerte	And death comes softly stealing on,
tan callando;	How silently!
cuán presto se va el plazer,	Swiftly our pleasures glide away,
cómo, después de acordado,	Our hearts recall the distant day
da dolor;	With many sighs;
cómo, a nuestro parescer,	The moments that are speeding fast
cualquiere tiempo passado	We heed not, but the past, – the past,
fue mejor.	More highly prize.

Хорхе Манрике
Строфы на смерть отца

Пробудись от сна, душа,
Огляди в раздумье строго
Все, что живо:
Как проходит жизнь, спеша,
Как подходит смерть к порогу
Молчаливо.
Радость выглянет украдкой,
И уже затмилась тенью,

Снова мрак.

Что минуло, сердцу сладко,

А сегодня по сравненью

Все не так.

II

Pues si vemos lo presente
cómo en un punto s'es ido
e acabado,
si juzgamos sabiamente,
daremos lo non venido
por passado.

Non se engañe nadi, no,
pensando que ha de durar
lo que espera
más que duró lo que vio,
pues que todo ha de passar
por tal manera.

Onward its course the present
keeps,

Onward the constant current
sweeps,

Till life is done;

And, did we judge of time aright,

The past and future in their flight

Would be as one.

Let no one fondly dream again,

That Hope and all her shadowy
train

Will not decay;

Fleeting as were the dreams of old,

Remembered like a tale that's told,

They pass away.

Наше время быстролетно:

От всего, что наступило,

Ни следа.

Мы отдали бы охотно,

Что грядет, за то, что было,

Навсегда.

Понапрасну людям мнится,

Что грядущему благому

Длиться вечно:

И оно быстрее птицы,
И оно, под стать былому,
Скоротечно.

III

Nuestras vidas son los ríos
que van a dar en la mar,
qu'es el morir;
allí van los señoríos
derechos a se acabar
e consumir;
allí los ríos caudales,
allí los otros medianos
e más chicos,
allegados, son iguales
los que viven por sus manos
e los ricos.

Our lives are rivers, gliding free
To that unfathomed, boundless sea,
The silent grave!
Thither all earthly pomp and boast
Roll, to be swallowed up and lost
In one dark wave.
Thither the mighty torrents stray,
Thither the brook pursues its way,
And tinkling rill,
There all are equal; side by side
The poor man and the son of pride
Lie calm and still.

Наши жизни это реки,
И вбирает их всецело
Море-смерть;
Исчезает в нем навеки
Все, чему пора приспела
Умереть.
Течь ли им волной державной,
Пробегать по захоластью
Ручейком, –

Всем удел в итоге равный:
Богача приемлет устье
С бедняком.

IV

Invocación

Dexo las invocaciones	I will not here invoke the throng
de los famosos poetas	Of orators and sons of song,
y oradores;	The deathless few;
non curo de sus ficciones,	Fiction entices and deceives,
que traen yerbas secretas	And, sprinkled o'er her fragrant
sus sabores.	leaves,
	Lies poisonous dew.
Aquél sólo m'encomiendo,	To One alone my thoughts arise,
Aquél sólo invoco yo	The Eternal Truth, the Good and
de verdad,	Wise,
que en este mundo	To Him I cry,
viviendo,	Who shared on earth our common
el mundo non conoció	lot,
su deidad.	But the world comprehended not
	His deity.

(Обращение)

Что мне славные поэты,
Пусть краснó в своих твореньях
Говорят!
Гимны их фальшиво спеты,
В их словах и песнопеньях
Только яд.

Пред одним склониться жажду,
Для меня исполнен света
Лишь один,
Кто пришел в сей мир однажды,
И не ведал мир, что это
Божий сын.

V

Este mundo es el camino	This world is but the rugged road
para el otro, qu'es morada	Which leads us to the bright abode
sin pesar;	Of peace above;
mas cumple tener buen tino	So let us choose that narrow way,
para andar esta jornada	Which leads no traveller's foot astray
sin error.	From realms of love,
Partimos cuando nascemos,	Our cradle is the starting-place,
andamos mientras vivimos,	Life is the running of the race,
e llegamos	We reach the goal
al tiempo que fenecemos;	When, in the mansions of the blest,
assí que cuando morimos,	Death leaves to its eternal rest
descansamos.	The weary soul.

Жизни скорбная стезя –
Путь к обещанному краю
Вне тревог.
Хоть сойти с него нельзя,
Как плутаем мы, блуждая
Без дорог!
В путь пускаемся с рожденья,

И в житейской круговерти
День за днем,
А прибудем в час успенья
И, выходит, лишь по смерти
Отдохнем.

VI

Este mundo bueno fue	Did we but use it as we ought,
si bien usásemos dél	This world would school each wandering thought
como debemos,	To its high state.
porque, segund nuestra fe,	Faith wings the soul beyond the sky,
es para ganar aquél	Up to that better world on high,
que atendemos.	For which we wait.
Aun aquel fijo de Dios	Yes, the glad messenger of love,
para sobirnos al cielo	To guide us to our home above,
descendió	The Saviour came;
a nescer acá entre nos,	Born amid mortal cares and fears.
y a vivir en este suelo	He suffered in this vale of tears
do murió.	A death of shame.

Был бы этот мир счастлив,
Если мерить все сполна
Достойной мерой,
Этой жизнью заслужив
Ту, что свыше нам дана
Святою верой.
И не так ли сын твой, Боже,

В дол сошел, чтоб мир небесный
Дать нам впредь,
На земле родился тоже,
Чтобы, путь осия крестный,
Умереть!

VII

Si fuesse en nuestro poder	Behold of what delusive worth
hazer la cara hermosa	The bubbles we pursue on earth,
corporal,	The shapes we chase,
como podemos hazer	Amid a world of treachery!
el alma tan gloriosa	They vanish ere death shuts the eye,
angelical,	And leave no trace.
¡qué diligencia tan viva	Time steals them from us, chances strange,
toviéramos toda hora	Disastrous accident, and change,
e tan presta,	That come to all;
en componer la cativa,	Even in the most exalted state,
dexándonos la señora	Relentless sweeps the stroke of fate;
descompuesta!	The strongest fall.

Научись мы нашу плоть
Наделять такой же внешней
Красотою,
Как сподобил нас Господь
Возвышать наш дух над грешной
Суетою,
Мы бы дух изгнали прочь
И, спеша дорогой торной,

Вместо сути
Всё радели день и ночь
Не о влаге животворной –
О сосуде.

VIII

Ved de cuán poco valor	Tell me, the charms that lovers seek
son las cosas tras que	In the clear eye and blushing cheek,
andamos	The hues that play
y corremos,	O'er rosy lip and brow of snow,
que, en este mundo	When hoary age approaches slow,
traidor,	Ah; where are they?
aun primero que	The cunning skill, the curious arts,
muramos	The glorious strength that youth imparts
las perdemos.	In life's first stage;
Dellas deshaze la edad,	These shall become a heavy weight,
dellas casos desastrados	When Time swings wide his outward gate
que acaeçen,	To weary age.
dellas, por su calidad,	
en los más altos estados	
desfallecen.	

Этот мир – одна тщета,
И жалеть о нем негоже,
Ибо зря им
Дорожим, и неспроста
То, что нам всего дороже,
Мы теряем.
Обирают нас года,
Каждый час и каждый миг –

В не меньшей мере.
Оглядишься – ни следа,
Все, что с муками достиг,
Одни потери.

IX

Dezidme: La hermosura,	The noble blood of Gothic name,
la gentil frescura y tez	Heroes emblazoned high to fame,
de la cara,	In long array;
la color e la blancura,	How, in the onward course of time,
cuando viene la vejez,	The landmarks of that race sublime
cuál se para?	Were swept away!
Las mañas e ligereza	Some, the degraded slaves of lust,
e la fuerça corporal	Prostrate and trampled in the dust,
de juventud,	Shall rise no more;
todo se torna graveza	Others, by guilt and crime, maintain
cuando llega el arrabal	The scutcheon, that without a stain,
de senectud.	Their fathers bore.

Где былая красота,
То, что розово и бело
В дни расцвета,
То, в чем свежесть разлита,
Только старость подоспела –
Где все это?
Сила рук и легкость ног,
То, чем щедро одарила
Жизнь вначале, –

Все ушло, как вышел срок,
И вступаем мы уныло
В край печали.

X

Pues la sangre de los godos,	Wealth and the high estate of pride,
y el linaje e la nobleza	With what untimely speed they glide,
tan crescida,	How soon depart!
¡por cuántas vías e modos	Bid not the shadowy phantoms stay,
se pierde su grand alteza	The vassals of a mistress they,
en esta vida!	Of fickle heart.
Unos, por poco valer,	These gifts in Fortune's hands are found;
por cuán baxos e abatidos	Her swift revolving wheel turns round,
que los tienen;	And they are gone!
otros que, por non tener,	No rest the inconstant goddess knows,
con oficios non debidos	But changing, and without repose,
se mantienen.	Still hurries on.

Даже тот, чей славный род
Чтит достоинство и честь,
Живет с размахом,
Только время подойдет –
Все, что было, все, что есть,
Пускает прахом.
Там страдают без вины –
Обрекла на прозябанье
Их опала;
Тут, глядишь, разорены,

Добывают пропитанье

Чем попало.

XI

Los estados e riqueza,	Even could the hand of avarice save
que nos dexen a deshora	Its gilded baubles till the grave
¿quién lo duda?,	Reclaimed its prey,
non les pidamos firmeza.	Let none on such poor hopes rely;
pues que son d'una señora;	Life, like an empty dream, flits by,
que se muda,	And where are they?
que bienes son de Fortuna	Earthly desires and sensual lust
que revuelven con su rueda	Are passions springing from the dust,
presurosa,	They fade and die;
la cual non puede ser una	But in the life beyond the tomb,
ni estar estable ni queda	They seal the immortal spirits doom
en una cosa.	Eternally!

Мы богатство и чины

Донесли бы до потомства

Непреречно,

Но награды нам даны

Той, чья милость – вероломство

Да измена:

Над Фортуной мы не властны,

А она несет и множит

Злые вести.

Все старания напрасны:

Колесо ее не может

Стать на месте.

XII

Pero digo c'acompañen	The pleasures and delights, which mask
e lleguen fasta la fuessa	In treacherous smiles life's serious task,
con su dueño:	What are they, all,
por esso non nos engañen,	But the fleet coursers of the chase,
pues se va la vida apriessa	And death an ambush in the race,
como sueño,	Wherein we fall?
e los deleites d'acá	No foe, no dangerous pass, we heed,
son, en que nos	Brook no delay, but onward speed
deleitamos,	With loosened rein;
temporales,	And, when the fatal snare is near,
e los tormentos d'allá,	We strive to check our mad career,
que por ellos esperamos,	But strive in vain.
eternales.	

Даже если до могилы
Нам сопутствуют успехи
И везенье,
Иссякают наши силы,
Радость жизни и утехи –
Сновиденье.
Если лучшая услада,
Обретаемая нами, –
На года,
То одно лишь пламя ада –
Ибо что там, как не пламя! –
Навсегда.

XIII

Los plazerres e dulçores	Could we new charms to age impart,
desta vida trabajada	And fashion with a cunning art
que tenemos,	The human face,
non son sino corredores,	As we can clothe the soul with light,
e la muerte, la çelada	And make the glorious spirit bright
en que caemos.	With heavenly grace,
	How busily each passing hour
Non mirando a nuestro	Should we exert that magic power,
daño,	What ardor show,
corremos a rienda suelta	To deck the sensual slave of sin,
sin parar;	Yet leave the freeborn soul within,
desque vemos el engaño	In weeds of woe!
y queremos dar la vuelta	
no hay lugar.	

Все, что любим и покоим,
Все, что дорого и мило,
В суетне –
Лишь разведка перед боем,
Чтобы смерть нас подманила
К западне.
Мы галопом до упаду
Мчимся вдале легко и резво,
Без преград,
И на всем скаку –
засаду.
Повернуть бы, да отрезан
Путь назад!

XIV

Esos reyes poderosos	Monarchs, the powerful and the strong,
que vemos por escripturas	Famous in history and in song
ya passadas	Of olden time,
con casos tristes, llorosos,	Saw, by the stern decrees of fate,
fueron sus buenas	Their kingdoms lost, and desolate
venturas	Their race sublime.
trastornadas;	
assí, que no hay cosa	Who is the champion? who the strong?
fuerte,	Pontiff and priest, and sceptred throng?
que a papas y	On these shall fall
emperadores	As heavily the hand of Death,
e perlados,	As when it stays the shepherd's breath
assí los trata la muerte	Beside his stall.
como a los pobres	
pastores	
de ganados.	

Всемогущие владыки,
Прежних лет оплот и слава,
Короли,
И они на высшем пике
Удержаться величаво
Не могли.
Так уходят без возврата
Восседавшие надменно
Наверху.
Господина и прелата
Приравняет Смерть мгновенно
К пастуху.

XV

Dexemos a los troyanos,	I speak not of the Trojan name,
que sus males non los	Neither its glory nor its shame
vimos,	Has met our eyes;
ni sus glorias;	Nor of Rome's great and glorious
dexemos a los romanos,	dead,
aunque oímos e leímos	Though we have heard so oft, and
sus hestorias;	read,
non curemos de saber	Their histories.
lo d'aquel siglo passado	Little avails it now to know
qué fue d'ello;	Of ages passed so long ago,
vengamos a lo d'ayer,	Nor how they rolled;
que también es olvidado	Our theme shall be of yesterday,
como aquello.	Which to oblivion sweeps away,
	Like day's of old.

Троя старая незрима.
Где ее былые беды,
Боль и грусть?
Позади победы Рима,
Хоть и знаем те победы
Наизусть.
Что вздыхать о древних втуне
И вчерашний день бесплотен,
Бросим взгляд:
Это было накануне,
А как будто много сотен
Лет назад!

XVI

¿Qué se hizo el rey don Joan?	Where is the King, Don Juan? Where Each royal prince and noble heir
Los infantes d'Aragón	Of Aragon ?
¿qué se hizieron?	Where are the courtly gallantries?
¿Qué fue de tanto galán, qué de tanta invinción como truxeron?	The deeds of love and high emprise, In battle done? Tourney and joust, that charmed the eye,
¿Fueron sino devaneos, qué fueron sino verduras de las eras, las justas e los torneos, paramentos, bordaduras e çimeras?	And scarf, and gorgeous panoply, And nodding plume, What were they but a pageant scene? What but the garlands, gay and green, That deck the tomb?

Где теперъ король Хуан?
Что, инфанты Арагона,
Стало с вами?
Неужели все обман?
Где штандарты и знамена
Над гербами?
Неужели все мечты?
Отошло цветенье мая,
Не вернется.
Где забрала и щиты,
И попона расписная
Иноходца?

XVII

¿Qué se hizieron las damas,	Where are the high-born dames, and where
sus tocados e vestidos, sus olores?	Their gay attire, and jewelled hair, And odors sweet?
¿Qué se hizieron las llamas	Where are the gentle knights, that came
de los fuegos encendidos d'amadores?	To kneel, and breathe love's ardent flame, Low at their feet?
¿Qué se hizo aquel trovar, las músicas acordadas que tañían?	Where is the song of Troubadour? Where are the lute and gay tambour They loved of yore?
¿Qué se hizo aquel dançar, aquellas ropas chapadas que traían?	Where is the mazy dance of old, The flowing robes, inwrought with gold, The dancers wore?

Где краса былых прелестниц,
Их прически и наряды,
Их духи?
Воздыхатели у лестниц,
И пылающие взгляды,
И стихи?
Где старинные напевы,
Где забытые актеры
И таланты?
Где былая слава, где вы,
Разодетые танцоры,
Музыканты?

XVIII

Pues el otro, su heredero
don Anrique, ¡qué poderes
alcançaba!
¡Cuánd blando, cuánd
halaguero
el mundo con sus plazerer
se le daba!
Mas verás cuánd enemigo,
cuánd contrario, cuánd cruel
se le mostró;
habiéndole sido amigo,
¡cuánd poco duró con él
lo que le dio!

And he who next the sceptre swayed,
Henry, whose royal court displayed
Such power and pride;
O, in what winning smiles arrayed,
The world its various pleasures laid
His throne beside!
But O how false and full of guile
That world, which wore so soft a
smile
But to betray!
She, that had been his friend before,
Now from the fated monarch tore
Her charms away.

А наследник дона Хуана,
Дон Энрике, как высоко
Восседал!
В царстве неги и дурмана
Притеснений злого рока
Он не ждал.
Только жизнь, полна коварства,
Собирает со страдальцев
Свой оброк:
Наслаждения и царства
Утекают между пальцев,
Как песок.

XIX

Las dávidas desmedidas, The countless gifts, the stately walls,
los edeficios reales The loyal palaces, and halls
llenos d'oro, All filled with gold;
las vaxillas tan fabridas Plate with armorial bearings wrought,
los enriques e reales Chambers with ample treasures
del tesoro, fraught
los jaezes, los caballos Of wealth untold;
de sus gentes e atavíos The noble steeds, and harness bright,
tan sobrados And gallant lord, and stalwart knight,
¿dónde iremos a In rich array,
buscallos?; Where shall we seek them now? Alas!
¿qué fueron sino rocíos Like the bright dewdrops on the grass,
de los prados? They passed away.

Где они, сокровищ груды,
Раззолоченные залы
И дворцы,
Драгоценные сосуды,
И чеканные реалы,
И ларцы;
Галуны, шитье и гарус,
И уздечки, и султаны,
Чья краса
Безвозвратно затерялась?
Где вчерашние туманы
И роса?

XX

Pues su hermano el innocente	His brother, too, whose factious zeal
qu'en su vida sucesor	Usurped the sceptre of Castile,
se llamó	Unskilled to reign;
¡qué corte tan excelente	What a gay, brilliant court had he,
tuvo, e cuánto grand señor	When all the flower of chivalry
le siguió!	Was in his train!
Mas, como fuesse mortal,	But he was mortal; and the breath,
metióle la Muerte luego	That flamed from the hot forge of
en su fragua.	Death,
¡Oh jüicio divinal!,	Blasted his years;
cuando más ardía el fuego,	Judgment of God! that flame by thee,
echaste agua.	When raging fierce and fearfully,
	Was quenched in tears!

Малолетний брат Энрике,
Дон Альфонсо, чья корона
Знаменита!
С ним взамен вельможной клики
Цвет двора, опора трона –
Что за свита!
Чем он миру неуютен?
Молот смерти с давних пор
Крушит живое.
Чуден промысел господень:
Чуть занявшийся костер
Залить водою!

XXI

Pues aquel grand Condestable, maestre que conoscimos tan privado, non cumple que dél se hable, mas sólo como lo vimos degollado. Sus infinitos tesoros, sus villas e sus lugares, su mandar, ¿qué le fueron sino lloros?, ¿qué fueron sino pesares al dexar?	Spain's haughty Constable, the true And gallant Master, whom we knew Most loved of all; Breathe not a whisper of his pride, He on the gloomy scaffold died, Ignoble fall! The countless treasures of his care, His villages and villas fair, His mighty power, What were they all but grief and shame, Tears and a broken heart, when came The parting hour?
--	---

О казненном коннетабле
Нам теперь судить превратно
Не пристало.
Кривотолки поослабли,
Он низвергнут безвозвратно
С пьедестала.
Где теперь его богатства,
Где именья, где веленья
И угрозы?
Как пришла пора прощаться,
Что осталось от владенья?
Только слезы.

XXII

E los otros dos hermanos,	His other brothers, proud and high,
maestres tan prosperados	Masters, who, in prosperity,
como reyes,	Might rival kings;
c'a los grandes e medianos	Who made the bravest and the best
truxieron tan sojuzgados	The bondsmen of their high behest,
a sus leyes;	Their underlings;
aquella prosperidad	What was their prosperous estate,
qu'en tan alto fue subida	When high exalted and elate
y ensalzada,	With power and pride?
¿qué fue sino claridad	What, but a transient gleam of light,
que cuando más	A flame, which, glaring at its height,
encendida	Grew dim and died?
fue amatada?	

Где владетельные братья,
Где былое своеволие
Тех времен,
Когда всякий без изъятья
Исполнял их злую волю,
Как закон?
Где спесивец самовластный,
Процветанье без предела,
Где оно?
Может, там, где день ненастный:
Чуть заря зарозовела,
Уж темно?

XXIII

Tantos duques excelentes,	So many a duke of royal name,
tantos marqueses e condes	Marquis and count of spotless fame,
e varones	And baron brave,
como vimos tan potentes,	That might the sword of empire wield,
dí, Muerte, ¿dó los	All these, O Death, hast thou
escondes,	concealed
e traspones?	In the dark grave!
E las sus claras hazañas	Their deeds of mercy and of arms,
que hizieron en las guerras	In peaceful days, or war's alarms,
y en las pazes,	When thou dost show.
cuando tú, cruda, t'ensañas,	O Death, thy stern and angry face,
con tu fuerça, las at ierras	One stroke of thy all-powerful mace
e desfazes.	Can overthrow.

Графы, герцоги, маркизы,
Благородные личины,
Господа,
Чьи причуды и капризы
Смерть уносит в час кончины
Без следа,
Чьи свершенья и утраты
В годы мирного покоя
И войны
В край, откуда нет возврата,
Неподкупною рукою
Сметены.

XXIV

Las huestes innumerables, Unnumbered hosts, that threaten nigh,
los pendones, estandartes Pennon and standard flaunting high,
e banderas, And flag displayed;
los castillos impugnables, High battlements intrenched around,
los muros e balüartes Bastion, and moated wall, and mound,
e barreras, And palisade,
la cava honda, chapada, And covered trench, secure and deep,
o cualquier otro reparo, All these cannot one victim keep,
¿qué aprovecha? O Death, from thee,
Cuando tú vienes airada, When thou dost battle in thy wrath,
todo lo passas de claro And thy strong shafts pursue their path
con tu flecha. Unerringly.

А бесчисленные рати,
Стяги, крепости, твердыни,
Склоны вала?
А девизы гордой знати,
Замки, грозные доньне,
Как бывало?
Форты, башни, бастионы,
Насыпные укрепления
И редуты?
Будь ты пеший или конный,
Смерть не медлит ни мгновенья,
Ни минуты.

XXV

Aquel de buenos abrigo,	O World! so few the years we live,
amado, por virtuoso,	Would that the life which thou dost give
de la gente,	Were life indeed!
el maestro don Rodrigo	Alas! thy sorrows fall so fast,
Manrique, tanto famoso	Our happiest hour is when at last
e tan valiente;	The soul is freed.
sus hechos grandes e claros	Our days are covered o'er with grief,
non cumple que los alabe,	And sorrows neither few nor brief
pues los vieron;	Veil all in gloom;
ni los quiero hazer caros,	Left desolate of real good,
pues qu'el mundo todo sabe	Within this cheerless solitude
cuáles fueron.	No pleasures bloom.

Был до горестного мига
Милосердия опора
И радетель
Достославный дон Родриго –
Несравненная без спора
Добродетель.
Род Манрике он прославил,
Но хвалить его заслуги
Неуместно:
Восхваленье против правил,
Если имя по округе
Столь известно!

XXVI

Amigo de sus amigos,	Thy pilgrimage begins in tears,
¡qué señor para criados	And ends in bitter doubts and fears,
e parientes!	Or dark despair;
¡Qué enemigo d'enemigos!	Midway so many toils appear,
¡Qué maestro d'esforçados	That he who lingers longest here
e valientes!	Knows most of care.
¡Qué seso para discretos!	Thy goods are bought with many a groan,
¡Qué gracia para donosos!	By the hot sweat of toil alone,
¡Qué razón!	And weary hearts;
¡Qué benino a los sujetos!	Fleet-footed is the approach of woe,
¡A los bravos e dañosos,	But with a lingering step and slow
qué león!	Its form departs.

Он умел быть другу другом,
А родне и домочадцам
Был отцом.
Но платил он по заслугам,
Если вышло рассчитаться
С наглецом!
О его рассудке ясном,
Об учтивости и чести
Шла молва!
Добрый к слабым и несчастным,
Он берег для правой мести
Ярость льва!

XXVII

En ventura, Octaviano;	And he, the good man's shield and shade,
Julio César en vencer	To whom all hearts their homage paid,
e batallar;	As Virtue's son,
en la virtud, Africano;	Roderic Manrique, he whose name
Aníbal en el saber	Is written on the scroll of Fame,
e trabajar;	Spain's champion;
en la bondad, un Trajano;	His signal deeds and prowess high
Tito en liberalidad	Demand no pompous eulogy.
con alegría;	Ye saw his deeds!
en su brazo, Aureliano;	Why should their praise in verse be sung?
Marco Atilio en la verdad	The name, that dwells on every tongue,
que prometía.	No minstrel needs.

Август – избранный счастливец,
Цезарь – воин беспримерный,
Сципион
И Траян-благочестивец –
Вот портрет героя верный,
Вне времен!
Ганнибал в любви к законам,
В милосердьe неустанном
Был он Титом,
В правдолюбье – Цицероном,
А по силе – Аврелианом
Знаменитым.

XXVIII

Antoño Pío en clemencia;	To friends a friend; how kind to all
Marco Aurelio en igualdad	The vassals of this ancient hall
del semblante;	And feudal fief!
Adriano en la elocuencia;	To foes how stern a foe was he!
Teodosio en humanidad	And to the valiant and the free
e buen talante.	How brave a chief!
Aurelio Alexandre fue	What prudence with the old and wise:
en disciplina e rigor	What grace in youthful gayeties;
de la guerra;	In all how sage!
un Constantino en la fe,	Benignant to the serf and slave,
Camilo en el grand amor	He showed the base and falsely brave
de su tierra.	A lion's rage.

Антонин – в добросердечье,
Марк Аврелий – по стремленью
К равноправью,
Адриан – по красноречью,
Феодосии – по терпенью,
Благонравью.
Александр по стати гордой,
В бой вступающий, играя,
С новым пылом.
Константин по вере твердой,
Он в любви к родному краю
Был Камиллом.

XXIX

Non dexó grandes tesoros,	His was Octavian's prosperous star,
ni alcançó muchas riquezas	The rush of Caesar's conquering car
ni vaxillas;	At battle's call;
mas fizo guerra a los moros	His, Scipio's virtue; his, the skill
ganando sus fortalezas	And the indomitable will
e sus villas;	Of Hannibal.
y en las lides que venció,	His was a Trajan's goodness, his
cuántos moros e cavallos	A Titus' noble charities
se perdieron;	And righteous laws;
y en este oficio ganó	The arm of Hector, and the might
las rentas e los vasallos	Of Tully, to maintain the right
que le dieron.	In truth's just cause;

Не искал себе ни лавров,
Ни сокровищ без числа
На этом свете,
Но побил немало мавров,
Где теперь их кабала
И их мечети?
И за то, что он из строя
Вывел стольких сарацин
В бою геройском,
Наградили, как героя,
И землей родных долин,
И храбрым войском.

XXX

Pues por su honra y estado,	The clemency of Antonine,
en otros tiempos passados	Aurelius' countenance divine,
¿cómo s'hubo?	Firm, gentle, still;
Quedando desamparado,	The eloquence of Adrian,
con hermanos e criados	And Theodosius' love to man,
se sostuvo.	And generous will;
Después que fechos famosos	In tented field and bloody fray,
fizo en esta misma guerra	An Alexander's vigorous sway
que hazía,	And stern command;
fizo tratos tan honrosos	The faith of Constantine; ay, more,
que le dieron aun más tierra	The fervent love Camillus bore
que tenía.	His native land.

С кем же он сражался вместе,
Дав отпор враждебным ратям
По заслугам?
Знал он лишь подмогу чести
Да еще обязан братьям,
Верным слугам.
Отличась в кровавых войнах,
Заключить уполномочен
Мир в державе,
Сделал много дел достойных
И прибавил новых вотчин
К прежней славе.

XXXI

Estas sus viejas hestorias	He left no well-filled treasury,
que con su braço pintó	He heaped no pile of riches high,
en joventud,	Nor massive plate;
con otras nuevas victorias	He fought the Moors, and, in their fall,
agora las renovó	City and tower and castled wall
en senectud.	Were his estate.
Por su gran habilidad,	Upon the hard-fought battle-ground,
por méritos e ancianía	Brave steeds and gallant riders found
bien gastada,	A common grave;
alcanzó la dignidad	And there the warrior's hand did gain
de la grand Caballería	The rents, and the long vassal train,
dell Espada.	That conquest gave.

Даже юными годами
Он не тратил жизнь впустую,
Время – даром.
Над великими трудами
Он склонялся зачастую
Даже старым.
За глубокие познания,
За служение отчизне,
Всем во благо,
Он снискал себе признанье
И обрел на склоне жизни
Меч Сантьяго.

XXXII

E sus villas e sus tierras, ocupadas de tiranos las halló; mas por çercos e por guerras e por fuerça de sus manos las cobró. Pues nuestro rey natural, si de las obras que obró fue servido, dígalo el de Portogal, y, en Castilla, quien siguió su partido.	And if, of old, his halls displayed The honored and exalted grade His worth had gained, So, in the dark, disastrous hour, Brothers and bondsmen of his power His hand sustained. After high deeds, not left untold, In the stern warfare, which of old 'T was his to share, Such noble leagues he made, that more And fairer regions, than before, His guerdon were.
---	---

Был его удел врагами
Беспощадно, незаконно
В схватке взят.
Он своими же руками
Все до пяди, без урона,
Взял назад.
И не пришлый постоялец –
Сам король благоволит
К нему при этом –
Пусть попомнит Португалец
И кто стал, утратив стыд,
Его клеветом!

XXXIII

Después de puesta la vida	These are the records, half effaced,
tantas vezes por su ley	Which, with the hand of youth, he traced
al tablero;	On history's page;
después de tan bien servida	But with fresh victories he drew
la corona de su rey	Each fading character anew
verdadero;	In his old age.
después de tanta hazaña	By his unrivalled skill, by great
a que non puede bastar	And veteran service to the state,
cuenta cierta,	By worth adored,
en la su villa d'Ocaña	He stood, in his high dignity,
vino la Muerte a llamar	The proudest knight of chivalry,
a su puerta,	Knight of the Sword.

Как он ставил жизнь на карту,
Как сражался он с судьбою
Упоенно!
Сколько силы и азарта
Отдал праведному бою
За Корону!
Неразлучный с ратной бранью,
Он врагов сразил немало,
Нет им счета,
Прежде чем, придя в Оканью,
Еле слышно постучала
Смерть в ворота,

XXXIV

diziendo: "Buen caballero,	He found his cities and domains
dexad el mundo engañoso	Beneath a tyrant's galling chains
e su halago;	And cruel power;
vuestro corazón d'azero	But by fierce battle and blockade,
muestre su esfuerço famoso	Soon his own banner was displayed
en este trago;	From every tower.
e pues de vida e salud	By the tried valor of his hand,
fezistes tan poca cuenta	His monarch and his native land
por la fama;	Were nobly served;
esfuércese la virtud	Let Portugal repeat the story,
para sufrir esta afrenta	And proud Castile, who shared the glory
que vos llama."	His arms deserved.

Молвив: «Славный кабальеро,
Не сразит твоя отвага
Тьму и муку.
Призови святую веру,
Для решительного шага
Дай мне руку!
Не берег ты жизнь, по слухам,
В час, когда летел на сечу
С иноверцем,
Соберись же снова с духом
И шагни ко мне навстречу
С твердым сердцем.

XXXV

"Non se vos haga tan amarga	And when so oft, for weal or woe,
la batalla temerosa	His life upon the fatal throw
qu'esperáis,	Had been cast down;
pues otra vida más larga	When he had served, with patriot zeal,
de la fama gloriosa	Beneath the banner of Castile,
acá dexáis.	His sovereign's crown;
Aunqu'esta vida d'honor	And done such deeds of valor strong,
tampoco no es eternal	That neither history nor song
ni verdadera;	Can count them all;
mas, con todo, es muy mejor	Then, on Ocana's castled rock,
que la otra temporal,	Death at his portal came to knock,
peresçedera."	With sudden call,

Не грожу тебе расправой,
Не уходят полководцы,
Умирая:
Обретаемая славой,
Жизнь иная остается.
Жизнь вторая –
И она отрезок тесный,
И – увы! – не быть ей вечной,
Неизменной –
Все же лучше той, телесной,
Уязвимой и конечной
Жизни брэнной.

XXXVI

"El vivir qu'es perdurable	Saying, "Good Cavalier, prepare
non se gana con estados	To leave this world of toil and care
mundanales,	With joyful mien;
ni con vida delectable	Let thy strong heart of steel this day
donde moran los pecados	Put on its armor for the fray,
infernales;	The closing scene.
mas los buenos religiosos	"Since thou hast been, in battle-strife,
gánanlo con oraciones	So prodigal of health and life,
e con lloros;	For earthly fame,
los caballeros famosos,	Let virtue nerve thy heart again;
con trabajos e aflicciones	Loud on the last stern battle-plain
contra moros."	They call thy name.

Тщетно на посту высоком
Ждет вторую жизнь вельможа –
Где награда?
Праздный, преданный порокам
Также ждет ее, и что же?
Муки ада.
Ею отрок удостоен,
Полный мыслей покаянных
В час молитвы,
И ее заслужит воин
Лишь в походах, в тяжких ранах
После битвы.

XXXVII

"E pues vos, claro varón,	"Think not the struggle that draws near
tanta sangre derramastes	Too terrible for man, nor fear
de paganos,	To meet the foe;
esperad el galardón	Nor let thy noble spirit grieve,
que en este mundo ganastes	Its life of glorious fame to leave
por las manos;	On earth below.
e con esta confiança	"A life of honor and of worth
e con la fe tan entera	Has no eternity on earth,
que tenéis,	'T is but a name;
partid con buena esperança,	And yet its glory far exceeds
qu'estotra vida tercera	That base and sensual life, which leads
ganaréis."	To want and shame.

Ты же, доблестный солдат,
Положив своим мечом
Врагов десятки,
Жди себе других наград,
Не тревожась ни о чем
В итоге схватки.
Веры истинной держись,
И придет к тебе иное
Долголетье:
Заслужил вторую жизнь –
В царстве божьем за вторую
Будет третья».

XXXVIII

[Responde el Maestro:]	"The eternal life, beyond the sky,
"Non tengamos tiempo ya	Wealth cannot purchase, nor the high
en esta vida mesquina	And proud estate;
por tal modo,	The soul in dalliance laid, the spirit
que mi voluntad está	Corrupt with sin, shall not inherit
conforme con la divina	A joy so great.
para todo;	"But the good monk, in cloistered cell,
e consiento en mi morir	Shall gain it by his book and bell,
con voluntad plazentera,	His prayers and tears;
clara e pura,	And the brave knight, whose arm endures
que querer hombre vivir	Fierce battle, and against the Moors
cuando Dios quiere que muera,	His standard rears.
es locura."	

(Отвечает дон Родриго)

«В добрый путь тогда, вперед.
Плакать, сердце сокруша,
Теперь напрасно.
Время более не ждет,
С божьим промыслом душа
Во всем согласна.
Как судьбе ни прекословь,
Сбросить немощную плоть
Пора приспела,
А за жизнь цепляться вновь,
Раз призвал тебя Господь, –
Пустое дело.

XXXIX

[Del maestro a Jesús]
"Tú que, por nuestra maldad,
tomaste forma servil
e baxo nombre;
tú, que a tu divinidad
juntaste cosa tan vil
como es el hombre;
tú, que tan grandes tormentos
sofriste sin resistencia
en tu persona,
non por mis merescimientos,
mas por tu sola clemencia
me perdona".

"And thou, brave knight,
whose hand has poured
The life-blood of the Pagan horde
O'er all the land,
In heaven shalt thou receive, at length,
The guerdon of thine earthly strength
And dauntless hand.
"Cheered onward by this promise sure,
Strong in the faith entire and pure
Thou dost profess,
Depart, thy hope is certainty,
The third, the better life on high
Shalt thou possess."

(Дон Родриго к Иисусу)

Ты, за наш всеобщий грех
Взявший смертное обличье
С колыбели,
Вознесенный выше всех,
Скрывший царское величье
В брэнном теле,
Ты, приявший столько мук
С мудрой кротостью, с иной,
Нездешней силой,
Не из-за моих заслуг,
А по милости одной
Меня помилуй!»

XL

FIN

Assí, con tal entender,
todos sentidos humanos
conservados,
cercado de su mujer
y de sus hijos e hermanos
e criados,
dio el alma a quien gela dio
(el cual la ponga en el cielo
en su gloria),
que aunque la vida perdió,
dexónos harto consuelo
su memoria.

"O Death, no more, no more delay;
My spirit longs to flee away,
And be at rest;
The will of Heaven my will shall be,
I bow to the divine decree,
To God's behest.
"My soul is ready to depart,
No thought rebels, the obedient heart
Breathes forth no sigh;
The wish on earth to linger still
Were vain, when 't is God's sovereign
will
That we shall die.

(Заключение)

Так свершил он путь земной,
Дни окончив между нами
В тесном круге,
И, оплаканный женой,
Братьями и сыновьями,
Рядом – слуги,
Отлетел душой туда,
Где ее в хоромах вешних
Встретит пенье,
Нам оставив навсегда
Память – лучшее из здешних
Утешенье.
Перевод Н. Ванханен

XLI

"O thou, that for our sins didst take
A human form, and humbly make
Thy home on earth;
Thou, that to thy divinity
A human nature didst ally
By mortal birth,
"And in that form didst suffer here
Torment, and agony, and fear,
So patiently;
By thy redeeming grace alone,
And not for merits of my own,
O, pardon me!"

XLII

As thus the dying warrior prayed,
Without one gathering mist or shade
Upon his mind;
Encircled by his family,
Watched by affection's gentle eye
So soft and kind;
His soul to Him, who gave it, rose;
God lead it to its long repose,
Its glorious rest!
And, though the warrior's sun has set,
Its light shall linger round us yet,
Bright, radiant, blest.

Translated Henry Longfellow

ИТАЛЬЯНСКАЯ ШКОЛА

Garsilaso de la Vega

Soneto XI

Hermosas ninfas que, en el río metidas,
contentas habitáis en las moradas
de relucientes piedras fabricadas
y en colunas de vidrio sostenidas:

Agora estéis labrando embebecidas,
o tejiendo las telas delicadas;
agora unas con otras apartadas,
contándoos los amores y las vidas;

dejad un rato la labor, alzando
vuestras rubias cabezas a mirarme,
y no os detendréis muchos, según ando;

que o no podréis de lástima escucharme,
o convertido en agua aquí llorando,
podréis allá de espacio consolarme.

Francesco Petrarca

Sonetto CCCIII

Amor, che meco al buon tempo ti stavi
fra queste rive, a' pensier' nostri amiche,
et per saldar le ragion' nostre antiche
meco et col fiume ragionando andavi;

fior', frondi, herbe, ombre, antri, onde, aure soavi,
valli chiuse, alti colli et piagge apriche,
porto de l'amorose mie fatiche,
de le fortune mie tante, et si gravi;

o vaghi habitator' de' verdi boschi,
o ninphe, et voi che 'l fresco herboso fondo
del liquido cristallo alberga et pasce:

i di miei fur si chiari, or son si foschi,
come Morte che 'l fa; cosi nel mondo
sua ventura a ciascun dal di che nasce.

Amor, que mi bonanza acompañaste
en esta margen, a mi cuita amiga,
y, por saldar el mal de mi enemiga,
conmigo hablando y con el río andaste;

verdura, sombra, flor, suave contraste,
hermoso llano que este valle abriga,
parto de mi amorosa y fiel fatiga,
que a mi fortuna a tanto mal llevaste;

Oh habitantes de los verdes prados,
oh ninfas y vosotros que el profundo
del líquido cristal alberga y pace;

mis días claros ved ahora turbados,
según la muerte obró, que esta en el mundo
es la ventura de quien hombre nace.

Traducción de Jorge de Montemayor

**Гарсиласо де ла Вега
Сонет XI**

О нимфы златокудрые, в ущелье
С хрустальной колоннадой в глубине,
Среди блестящих глыб, на мягком
дне.

То служит вам и домом и постелью,

Живущие в довольстве и веселье –
Кто крутит пряжу на веретене,
Кто шепчется с подружкой в
стороне,

Кто замечтался, сев за рукоделье –

Когда в слезах я вдоль реки бреду,
Дела свои прервите на мгновенье
И оглянитесь на мою беду,

Не то, не в силах выплакать
мученье,

Я, превратясь во влагу, здесь найду
Навеки и покой, и утешенье.

Перевод В. Резниченко

**Франческо Петрарка
Сонет СССIII**

Амур, что был со мною неразлучен
На этих берегах до неких пор
И продолжал со мной, с волнами
спор,

Который не был никому докучен;

Зефир, цветы, трава, узор излучин,
Холмами ограниченный простор,
Невзгод любовных порт под сенью
гор,

Где я спасался, бурями измучен;

О в зарослях лесных певцы весны,
О нимфы, о жильцы кристальных
недр,

Где в водорослях можно
заблудиться, –

Услышьте: дни мои омрачены
Печатью смерти. Мир настолько
щедр,

Что каждый под своей звездой
родится!

Перевод Е. Солоновича

Sonnet XI

Beautiful nymphs who through the river pass,
living in contentment on your own
in your mansions built of shimmering stone
and upheld by columns made of glass:

now, one embroiders lovely trifles as
another weaves a cloth of delicate tone;
and now, a few of you go off alone,
each telling of the life and loves she has;

for a while, put your work aside
and lift your golden heads to look at me,
and I won't keep you long, I confide;

you'll be too sad to listen, or I'll be
changed to water crying at your side,
and then there will be time for sympathy.

Translated Mary Rae

Love who stayed with me when times were good
among these banks, friendly to our thoughts,
and to settle our old arguments
went talking with the river and with me:

flowers, leaves, turf, shade, cave, wave, gentle
breeze,
closed valley, high hills and sunlit slopes,
a refuge from my lovers' troubles,
from my overwhelming, heavy fate:

O wandering dwellers in the green wood,
O nymphs, and you whom the fresh weed-filled
depths
of liquid crystal feed and grant a home:

my day was so clear, and now's so dark,
like Death that made it so: in this world
each has his destiny from the day he's born.

Translated A. S. Kline

Garcilaso de la Vega
Soneto XIV

Como la tierna madre que el doliente
hijo le está con lágrimas pidiendo
alguna cosa, de la cual comiendo,
sabe que ha de doblarse el mal que siente,

y aquel piadoso amor no le consiente
que considere el daño que haciendo
lo que le pide hace, va corriendo,
y dobla el mal, y aplaca el accidente:

así a mi enfermo y loco pensamiento,
que en su daño os me pide, yo querría
quitar este mortal mantenimiento,

mas pídemelo, y llora cada día
tanto que cuanto quiere le consiento,
olvidando su muerte y aun la mía.

Гарсиласо де ла Вега
Сонет XIV

Как то дитя, что гаснет на виду
У матери, охваченной тоскою,
И слёзно просит что-нибудь такое,
Что для больного к пущему вреду,

И всё же мать идёт на поводу,
Спешит, даёт и собственной рукою
В угоду мимолётному покою
Торопит неминуемую беду,

Так жизнь мою, утратившую разум,
К Вам тянет, словно к смертному питью,
И был бы рад ответить я отказом,

Да всё надрывней плач, и я даю,
От жалости забыв и думать разом
И про её судьбу, и про свою.

Перевод А. Гелескула

Garcilaso de la Vega
Sonnet XIV

Just like the doting mother whose infirm
young child with bitter tears keeps begging for
something, which once he's done with eating it
she realizes will make him suffer more,

and her devoted love will not allow
her to consider that she will increase
the harm by doing it, and she gives in,
and more he suffers, though his tears do cease:

I likewise, when my fevered, witless mind,
which to its own harm begs for you, should want
to keep from it this fatal nourishment,

but still it begs, and every day is spent
in tears, so everything it wants I grant,
forgetting that both it and I will end.

Translated Alix Ingber

As a fond mother, whose sick infant lies
Weeping, importunate for what she knows
If giv'n will double all his pangs and woes,
In tenderest mercy his desire denies;

Till, moved to pity by his streaming eyes,
She can withstand no longer, but in haste
Submits the flavourous mischief to his taste,
And seals his ruin, though she stills his cries;

So to my sick and frenzied thoughts that yearn
And plead to me for thee, I would deny
The fatal fruit with merciful concern;

But night and day they murmur, weep, and pine,
Till I, alas, consent to soothe their cry,
Forgetful of their death, and ev'n of mine !

Translated Jeremiah Holmes Wiffen

Garcilaso de la Vega
Soneto XVIII

Si a vuestra voluntad yo soy de cera,
y por sol tengo sólo vuestra vista,
la cual a quien no inflama, o no conquista
con su mirar, es de sentido fuera;

de do viene una cosa, que si fuera
menos veces de mí probada y vista,
según parece que a razón resista,
a mi sentido mismo no creyera,

y es que yo soy de lejos inflamado
de vuestra ardiente vista y encendido
tanto, que en vida me sostengo apenas.

Mas si de cerca soy acometido
de vuestros ojos, luego siento helado
cuajárseme la sangre por las venas.

If I am wax submitting to your will,
and take to be the sun only your eyes,
which anyone their glance does not ignite
with their gaze surely is of sense deprived;

from which I can deduce that if I were
of seeing them and feeling them relieved,
as it appears that reason they resist,
my very senses I would not believe,

for I am from afar engulfed in flames
by your impassioned gaze, and I am so
burned up that my life is but scarce maintained.

But if from close up I am set upon
by your eyes, then I feel, in frozen state
my very blood congeal within my veins.

Translated Alix Ingber

Гарсиласо де ла Вега
Сонет XVIII

Я словно воск под солнцем ваших глаз,
Расплавленный их пламенем и жаром,
Не покориться может вашим чарам
Лишь тот, в ком разум навсегда погас.

И всё ж, не убедись я столько раз,
Что это – явь, я счел бы, что не даром
Подвержен наважденьям и кошмарам,
Боюсь я помешаться из-за вас.

Ведь если вдалеке от вас мгновенно
Я вспыхиваю, вашим знойным взглядом
Сраженный насмерть, отчего ж тогда,

Когда оказываюсь с вами рядом
Я цепенею так, что стынут вены
И кровь смерзается под коркой льда.

Перевод В. Резниченко

Да, мягче воска я по вашей воле.
Да, ваши очи — солнца жаркий свет.
Они еще не подожгли весь свет —
По недоразумению, не боле.

Так объяснил бы кто-нибудь мне, что ли,
Престранного явления секрет.
Я сам в него бы не поверил, нет,
Но вынуждает опыт поневоле,

Пожаром ваших глаз воспламенясь,
Едва лишь вас издалека замечу,
Охваченный огнем спешу навстречу.

Когда же наконец я подле вас,
То стыну вдруг и не владею речью
Под ледяным свеченьем ваших глаз.

Перевод С. Гончаренко

Garcilaso de la Vega
Soneto XXIII

En tanto que de rosa y azucena
se muestra la color en vuestro gesto,
y que vuestro mirar ardiente, honesto
enciende el corazón y lo refrena;

y en tanto que el cabello, que en la vena
del oro se escogió, con vuelo presto,
por el hermoso cuello blanco, enhiesto,
el viento mueve, esparce y desordena;

coged de vuestra alegre primavera
el dulce fruto, antes que el tiempo airado
cubra de nieve la hermosa cumbre.

Marchitará la rosa el viento helado,
todo lo mudará la edad ligera,
por no hacer mudanza en su costumbre.

Гарсиласо де ла Вега
Сонет XXIII

Пока лишь розы в вешнем их
наряде
тягаться могут с цветом ваших
щек,
пока огонь, что сердце мне
зажег,
пылает в горделивом вашем
взгляде,
пока густых волос витые пряди
просыпаны, как золотой песок,
на плавность ваших плеч, и
ветерок
расплескивает их, любовно
глядя, –
вкушайте сладость спелого
плода:
уйдет весна, и ярость непогоды
на золото вершин обрушит снег,
цветень роз иссушат холода,
изменят все стремительные
годы –
уж так заведено из века в век.

Перевод В. Резниченко

Garcilaso de la Vega
Sonnet XXIII

As, love, the lily and purpleal rose
Show their sweet colours on thy chaste warm
cheek,
Thy radiant looks, angelically meek,
Serenes the tempest to divine repose,

And as thy hair, which for its birthright chose
The opal's dye, upon the whitest neck
Waved by the winds of heaven without a check,
In exquisite disorder falls and flows ;

Gather the rich fruit of thy mirthful spring,
Ere angry Time around thy temples shed
The snows of hasting age ; his icy wing

Will wither the fresh rose, however red ;
And changing not his custom, quickly change
The glory of all objects in his range.

Translated Jeremiah Holmes Wiffen

Garcilaso de la Vega
Sonnet XXIII

So long as of red rose and lily white
the proper colors of your face now show,
and your impassioned, fervent, honest glance
inflames the heart and holds it close in tow;

and so long as your hair, which in a vein
of gold was mined, endowed with rapid flight,
around your lovely white, and haughty throat
the wind can still move, scatter, and uncomb;

go, pluck now from the spring of your delight
the sweetest fruit, before the angry years
can wrap the lovely peak in snowy scenes.

The icy wind will cause the rose to wilt,
and all things will be changed by fickle time,
so as to never change its own routine.

Translated Alix Ingber

Garcilaso de la Vega
**Sonnet XXIII (alternate version in
tetrameter)**

While of red rose and lily white
the colors of your face now show
and your impassioned, honest glance
the heart inflames and holds in tow;

and while your hair, which in a vein
of gold was mined, with rapid flight
around your white, and haughty throat
the wind moves, scatters, and uncombs;

go, pluck now from your happy spring
the sweetest fruit, ere angry time
covers with snow the lovely peak.

The icy wind will wilt the rose:
to make no change in its routine
age, fickle, alters everything.

Translated Alix Ingber

While rose's charming blush and lily's white
Are still the colours radiant on your face,
And while your fiery gaze with candid grace
Still checks the burning flame it set alight,

And while your flaxen hair, still gleaming bright,
Mined from some vein of gold, falls out of place
(Your neck - that marble pillar! - to embrace)
By wayward breezes spread and set in flight,

The ripening harvest of your happy spring
Now gather in, before destructive Time
Lays waste with snow the summit of your head.

Cold winds will blast the rose now in its prime,
And fickle Age will alter everything,
So not to change his own old ways instead.

Translated Alan Croke

While yet the lily and the rose
display their colours in your cheek,
your fiery glance, though often meek,
conquers and burns where'er it goes;

while yet your hair, from finest seams
the choicest gold, that wanton air
may scatter and toss about your fair
white throat, in quick disorder streams;

enjoy your gay spring's sweetest fruit
before stern Time's relentless snows
have blanched the beauty of your head.

The icy wind will fade the rose,
Immutably, Time must transmute
and how may swift Age be gainsaid?

Translated Nick Mascall

Garcilaso de la Vega
Soneto XXXV

Mario, el ingrato amor, como testigo
de mi fe pura y de mi gran firmeza,
usando en mí su vil naturaleza,
que es hacer más ofensa al más amigo;

teniendo miedo que si escribo o digo
su condición, abajo su grandeza,
no bastando su fuerza a su crueza,
ha esforzado la mano a su enemigo.

Y así, en la parte que la diestra mano
gobierna, y en aquella que declara
los concetos del alma, fuí herido.

Mas yo haré que aquesta ofensa, cara
le cueste al ofensor, que ya estoy sano,
libre, desesperado y ofendido.

Гарсиласо де ла Вега
Сонет XXXV

Друг Марио, Амур — коварный бог:
Он знает пыл мой, чистый, верный, правый,
И все ж на мне являет низость нрава —
Он к самым преданным вдвойне жесток,

К тому же он моих страшится строк:
Коль правду я скажу, худая слава
Пойдет о нем; и вот божок лукавый,
Со мной не сладив, недругу помог.

И был я ранен: не могла десница
Ни жизнь души поведать, ни сразиться,
Урон обидой был усугублен.

Но мне обидчик дорого заплатит:
Надежду я утратил, силы хватит —
Ведь я здоров, свободен, оскорблен.

Перевод А. Косс

Garcilaso de la Vega

Sonet XXXV

To Mario at a time when according to some the poet
was wounded in the tongue and the arm

Mario, Love the ingrate having observed
the purity of my faith, my constancy,
resolved to use on me the baseness he
reserves for those by whom he best is served;

and fearing to lose face if men understand
his true nature from what I write or say,
yet lacking strength of his own to satisfy
his cruelty, he annexed my enemy's hand;

and so, in the part which manages my right
hand and in that which clothes in speaking sense
the concepts of the soul, I have been wounded.

But I will make sure this cowardly offence
costs the offender dear, for now I'm fit
and free and desperate and offended.

Translated by John Dent Young

My friend, ungrateful Love, who well must know
with what pure constancy my faith I keep,
exerting his base pride, which is to heap
upon his dearest friend his heaviest woe, —

fearing that if I write, and publish so
his deeds, his grandeur I abate, his force
not equalling his spite, has had recourse
to the fierce intervention of my foe;

and in the noble part with which I wield
the sword, and that which gives intelligence
of our conceptions, I have wounded been;

but I will take good care that the offence
shall cost the offender dear, now I am healed,
offended, free, and for repayment keen.

Translated Jeremiah Holmes Wiffen

Garcilaso de la Vega
Soneto XXXVI

A la entrada de un valle, en un desierto,
do nadie atravesaba ni se vía,
vi que con estrañeza un can hacía
estremos de dolor con desconcierto;

ahora suelta el llanto al cielo abierto,
ora va rastreando po la vía;
camina, vuelve, para, y todavía
quedaba desmayado como muerto.

Y fue que se apartó de su presencia
su amo, y no le hallaba, y esto siente;
mirad hasta dó llega el mal de ausencia.

Movióme a compasión ver su accidente;
déjele lastimado: Ten paciencia,
que yo alcanzo razón, y estoy ausente.

Гарсиласо де ла Вега
Сонет XXXVI

На пустоши, на полдороге к логоу,
Где не слышны людские голоса,
Я повстречал измученного пса,
Повергнутого в горе и тревогу.

Он мечется, слабея понемногу,
Ища следы, где смыла их роса,
То заскулит в пустые небеса,
То падает как мертвый на дорогу.

Он потерял хозяина в степи
И верил, что найдет и страхи минут,
Но кружит, как сорвавшийся с цепи.

Не мне ли знать, как брошенные гибнут!
И братски я сказал ему: «Терпи
И выстоишь, я тоже был покинут»

Перевод А. Гелескула

Garcilaso de la Vega
Sonet XXXVI

Within a valley's entrance, in a desert,
Where none pass through nor leave this barren setting,
I saw, though strange it seemed, a dog was fretting;
In pain he cried, in agony bewildered,

To open skies he hurls his dirge untethered,
And now along the path he tracks, retreading;
He ambles on, he turns, he stops, and yet he
Retains the ashen pallor of cadavers.

And this because his master left his presence;
He cannot find his master, this he senses;
Behold how far the reach of painful absence.

To see his hardship moved me to compassion;
In pity I exhorted him: Have patience,
For I can fathom reason and am absent.

Translated Tyler Fisher

Entering a valley in a sandy waste
Which none was journeying save myself alone,
A dog I noticed, which with piteous tone
In disconcerted grief the wild sands paced;

Now to the sky it howled, its way now traced,
Snuffing the dew, now ran, now turned, now stayed,
And its concern by every mark betrayed
Of desolate delay or restless haste.

It was that it had missed its lord that morn,
And felt the separation; mark the pain
Of absence ! Much did its distraction move

My pity, and "have patience, poor forlorn"
I cried — "I, thy superior, from my love
Am absent too, yet my regret restrain".

Translated Jeremiah Holmes Wiffen

Juan Boscán

Dulce soñar y dulce congojarme,
cuando estaba soñando que soñaba;
dulce gozar con lo que me engañaba,
si un poco más durara el engañarme;

dulce no estar en mí, que figurarme
podía cuanto bien yo deseaba;
dulce placer, aunque me importunaba
que alguna vez llegaba a despertarme:

¡oh sueño, cuánto más leve y sabroso
me fueras si vinieras tan pesado
que asentaras en mí con más reposo!

Durmiendo, en fin, fui bienaventurado,
y es justo en la mentira ser dichoso
quien siempre en la verdad fue desdichado.

Garcilaso de la Vega Sonet XIII

A Dafne ya los brazos le crecían
y en luengos ramos vueltos se mostraban;
en verdes hojas vi que se tornaban
los cabellos qu'el oro escurecían;

de áspera corteza se cubrían
los tiernos miembros que aun bullendo 'staban;
los blancos pies en tierra se hincaban
y en torcidas raíces se volvían.

Aquel que fue la causa de tal daño,
a fuerza de llorar, crecer hacía
este árbol, que con lágrimas regaba.

¡Oh miserable estado, oh mal tamaño,
que con llorarla crezca cada día
la causa y la razón por que lloraba!

Хуан Боскан

Как сладко спать и мучиться тоскою.
Что это сон, который только снится;
Как сладко забываться небылицей
И сознавать, что краткою такою;

Как сладко мыслью в бытие другое,
Недостижимое, переселиться;
Как сладко до утра смежить ресницы,
Хоть пробужденье не дает покоя.

О сон! Когда б под тяжестью твоею
И день и ночь не размыкались веки,
Ты стал бы мне и легче и желанней!

Дай, наконец, уснуть не сожалея;
И правдой обездоленный вовеки
Пусть обретет отраду хоть в обмане!

Перевод Б. Дубина

Sweet dream it was and also sweet affliction,
when I was dreaming that it was a dream;
a sweet delight I'd take in what deceived me,
if only that deception longer seemed;

a sweet not being in myself, I saw
every good thing I'd ever want to see;
a sweet pleasure it was, though so intense
that sometimes it would just awaken me:

oh sleep, how much more gentle and delightful
you'd be if you would come so heavily
that with more calm you'd set on me your weight!

For while I slept, in short, I was in bliss,
and it is right that one be blessed in lies
who's always been in truth unfortunate.

Translated Alix Ingber

Гарсиласо де ла Вега Сонет XIII

Гляжу на Дафну я оторопело:
Извивы веток вижу вместо рук,
Корона золоченых прядей вдруг
Зеленой кроной лавра зазвенела,

Вот облекла трепещущее тело
Кора чугунной чешуей вокруг,
А нежная ступня, вращая в луг,
Корявым корнем стать уже успела.

Виновник же всего вотще хотел
Помочь беде слезами, лишь ускоря
Проливой влагой рост густой
листвы.

О жалкая судьба! О злой удел!
Увы, чем горше плачем мы о горе,
Тем глубже в нас врастает боль,
увы!

Перевод С. Гончаренко

Strange icy throes the arms of Daphne bind,
Which shoot, and spread, and lengthen into
boughs;
And into green leaves metamorphosed shows
The head whose locks, wooed by the summer wind,
Made the fine gold seem dim ; the rigorous rind
Clothes the soft members that still pant; her feet,
Snowy as swift, in earth fast rooted meet,
By thousand tortuous fibres intertwined.

The author of an injury so great,
With virtue of his tears this laurel fed,
Which flourished thus, perpetual greenness
keeping;

Oh fatal growth! oh miserable estate !
That from his weeping each fresh day should
spread
The very cause and reason of his weeping.

Translated Jeremiah Holmes Wiffen

Juan Boscán
Soneto III

Como'l patrón que, 'n golfo navegando,
lleva su nao, y viendo claro'l cielo,
está más lexos de tener recelo
que si'stuviese en tierra paseando:

así yo por lo hondo travesando
de mi querer, que nunca tuvo suelo,
el rato que me hallo'star sin duelo,
que voy seguro luego'stoy pensando.

Pero después si el viento mueve guerra
y la braveza de la mar levanta,
acude'l nunca más entrar en barca,

y el voto d'ir a ver la casa santa,
y el desear ser labrador en tierra,
mucho más que'n la mar un gran monarca.

Juan Boscán
Soneto XVII

Ya canso al mundo y bivo todavía;
llevo tras mí mis años arrastrando;
mis amigos de mí van murmurando;
yo ando ya ascondiéndome del día.

La noche sigo, mas mi fantasía
me stá entre las tinieblas espantando.
La soledad doquiera voy buscando,
pero a las vezes busco compañía.

Viene mi mal con tan cruda figura
que'l alma no le tiene el rostro firme:
quiere huir de tanta desventura.

Yo deseo también tras ella irme;
mas amor, la costumbre y la ventura,
me salen y me tienen al partirme.

Хуан Боскан
Сонет III

Моряк встревожен небом грозовым,
но стоит солнцу вспыхнуть на просторе,
он все тревоги забывает вскоре,
как будто почва твердая под ним.

И я плыву по волнам штормовым,
любовь моя бездонна, словно море;
но, лишь на краткий миг утихнет горе,
мне чудится, что я неуязвим.

Когда ж на судно вновь свой гнев
обрушит
свирепый вихрь, вздымая гладь валами,
моряк дает обет не плавать впредь

и замолить грехи в господнем храме —
ведь лучше землепашцем быть на суше,
чем властелином в бездне умереть.

Перевод В. Резниченко

Хуан Боскан
Сонет XVII

Я жив ещё, хоть жить уже невмочь,
Хоть вслед мне — хохот и насмешки
злые;
Влачу, как цепи, годы прожитые,
Сиянью дня предпочитаю ночь,
Но даже мрак не в силах мне помочь:
Усталый ум рождает сны дурные;
Порой зову друзей, как в дни былые,
Но чаще, заскучав, гоню их прочь.

Невзгоды, на пути моём маяча,
Свой страшный круг сжимают всё
тесней;
Душа о бегстве помышляет, плача,
Я был бы рад последовать за ней,
Когда б любовь, привычка и удача
Не помогали мне в беде моей.

Перевод В. Резниченко

Живу, хоть и не в радость никому;
Друзья тайком вздохнут о нелюдипе;
Бреду с годами, втуне прожитыми,
И от рассвета хоронюсь во тьму.

А ночь настанет — мыслей не уйму,
И темнота ещё невыносимей;
Спасаясь от людей — мне тяжело с
ними,
Но тяжелей порою одному.

Так безотраден вид моей недоли,
Что в ужасе я опускаю взгляд,
И рвётся дух избавиться от боли.

И я за ним последовать бы рад,
Но держит вновь привычка поневоле,
Любовь и счастье на пути стоят.

Перевод Б. Дубина

Hernando de Acuña
Soneto sobre la red de amor

Dígame quién lo sabe: ¿cómo es hecha
la red de Amor, que tanta gente prende?
¿Y cómo, habiendo tanto que la tiende,
no está del tiempo ya rota o deshecha?

¿Y cómo es hecho el arco que Amor flecha,
pues hierro ni valor se le defiende?
¿Y cómo o dónde halla, o quién le vende,
de plomo, plata y oro tanta flecha?

Y si dicen que es niño, ¿cómo viene
a vencer los gigantes? Y si es ciego,
¿cómo toma al tirar cierta la mira?

Y si, como se escribe, siempre tiene
en una mano el arco, en otra el fuego,
¿cómo tiende la red y cómo tira?

Gutierre de Cetina

Ponzoña que se bebe por los ojos,
dura prisión, sabrosa al pensamiento,
lazo de oro crüel, dulce tormento,
confusión de locuras y de antojos;

bellas flores mezcladas con abrojos,
manjar que al corazón trae hambriento,
daño que siempre huye el escarmiento,
minero de placer lleno de enojos;

esperanzas inciertas, engañosas,
tesoro que entre el sueño se parece,
bien que no tiene en sí más que la sombra;

inútiles riquezas trabajosas,
puerto que no se halla aunque parece;
son efectos de aquel que Amor se nombra.

Эрнандо де Акунья
Сонет о сетях любви

Как соткана она, кто мне ответит.
Та сеть, куда Амур, лихой ловец.
Заманивает множество сердец,
И отчего нет сносу этой сети?

Как сделан лук его, чтоб все на свете
Доспехи пробивать, и, наконец,
Как выковал неведомый кузнец
Из серебра и злата стрелы эти?

«Амур — мальчишка», говорят порой,
Но как тогда мужчин он побеждает?
«Он слеп». Что ж точен так его прицел?

И если лук в руке его одной.
В другой же — факел, как он успевает
Расставить сеть, пуская тучи стрел?

Перевод В. Резниченко

Гутьерре де Сетина

Смертельный яд, который выпит взглядом,
Жестокий плен, желанным ставший вдруг,
Златые цепи, сладостный недуг,
Пустая прихоть с безрассудством рядом,

Чертополох в соседстве с пышным садом,
Богатство, что уплыло между рук,
Бальзам для сердца, не унявший мук,
Вкус горечи, примешанный к усладам,

Сокровища, растаявшие в снах,
Удар свирепый, не повлекший мести,
Надежда, что, блеснув, погасла вновь,

Удача, обращённая во прах,
Ненайденный причал - всё это вместе
Одним зовётся именем: любовь.

Перевод В. Резниченко

Hernando de Acuña
Soneto al rey nuestro Señor

Ya se acerca, señor, o es ya llegada
la edad gloriosa en que promete el cielo
una grey y un pastor solo en el suelo,
por suerte a vuestros tiempos reservada.

Ya tan alto principio, en tal jornada,
os muestra el fin de vuestro santo celo
y anuncia al mundo, para más consuelo,
un monarca, un imperio y una espada.

Ya el orbe de la tierra siente en parte,
y espera en todo, vuestra monarquía,
conquistada por vos en justa guerra:

que a quien ha dado Cristo su estandarte
dará el segundo más dichoso día
en que, vencido el mar, venza la tierra.

**Эрнандо де Акунья
Императору**

Он близок, государь мой, он грядет,
Блаженный век, обещанный богами,
Чтоб волею судеб под небесами
Единый пастырь пас один народ.

Вы вовремя замыслили поход,
И цель желанная не за горами.
Склоняется перед вашими полками
Враги, и мир на Землю снизойдет.

Уже полсвета вашей воле служит,
И с радостью во всех его концах
Внимают вести о великом муже.

Ведь тот, кому Господь вручил свой стяг
И даровал победу на морях.
По праву должен властвовать на суше.

Перевод В. Михайлова

Now there approaches, sire, or now is here,
the glorious age for which heaven portends
one flock and one sole shepherd on this earth,
which happily for your own time's reserved.

Now so great a start, on this long trek,
shows you the object of your holy zeal
announcing to the world, as a reward,
one monarch, and one empire, and one sword.

Now the earthly sphere has seen in part –
and waits for all of it – your monarchy,
in which you, after righteous war, command:

for he to whom Christ gave His own device,
He'll also give the next, auspicious, day
on which, the oceans won, he'll win the land.

Translated Alix Ingber

Garcilaso de la Vega

Égloga I

Al Virrey de Nápoles

Personas: Salicio, Nemoroso

I

El dulce lamentar de dos pastores,
Salicio juntamente y Nemoroso,
he de contar, sus quejas imitando;
cuyas ovejas al cantar sabroso
estaban muy atentas, los amores, 5
(de pacer olvidadas) escuchando.
Tú, que ganaste obrando
un nombre en todo el mundo
y un grado sin segundo,
agora estés atento sólo y dado 10
el ínclito gobierno del estado
Albano; agora vuelto a la otra parte,
resplandeciente, armado,
representando en tierra el fiero Marte;

II

agora de cuidados enojosos 15
y de negocios libre, por ventura
andes a caza, el monte fatigando
en ardiente jinete, que apresura
el curso tras los ciervos temerosos,
que en vano su morir van dilatando; 20
espera, que en tornando
a ser restituido
al ocio ya perdido,
luego verás ejercitar mi pluma
por la infinita innumerable suma 25
de tus virtudes y famosas obras,
antes que me consuma,
faltando a ti, que a todo el mundo sobras.

III

En tanto que este tiempo que adivino
viene a sacarme de la deuda un día, 30
que se debe a tu fama y a tu gloria
(que es deuda general, no sólo mía,
mas de cualquier ingenio peregrino
que celebra lo digno de memoria),
el árbol de victoria, 35
que ciñe estrechamente
tu gloriosa frente,
dé lugar a la hiedra que se planta
debajo de tu sombra, y se levanta
poco a poco, arrimada a tus loores; 40
y en cuanto esto se canta,
escucha tú el cantar de mis pastores.

Гарсиласо де Ла Вега

Эклога I

Вице-королю Неаполя
Салисио, Неморосо

I

Я о любви печальных пастухов,
Салисио и Неморосо скромных
Поведаю, их боль передавая;
Тех, чьи стада, под властью жалоб
томных,
Пастись забыли среди своих лугов,
Их песни звукам сладостным внимая.
Ты, кто, вовеки устали не зная,
Завоевал себе повсюду славу,
Делами создал кто свою державу,
Ты, кто порой со тщаньем и терпеньем
Своих владений занят управленьем,
Порой же, забывая о покое,
Ведешь войну, блестя вооруженьем,
Как Марса воплощение земное;

II

Порою же, освобожден от пеней
И от трудов, в неведение счастливым
Охоте предан, горы попирая,
И мчишься на коне нетерпеливом,
Преследуя опасных оленей,
Что делят свои мученья, убягая, —
Увидишь: возмещая
Досуг, что мной утрачен,
Я, рвением охвачен,
Мое перо позднее так направлю,
Что множество бесчисленное прослаблю
Тех добродетелей, что ты являешь;
Умру, но не убавлю
Хвалы тебе, что многих превышаешь.

III

Покуда же досуг мне не дарован
И долг исполнить не настало время
Перед твоею славою и силой —
Что должен быть не мной одним, а
всеми
Исполнен, кто делами очарован
Достойными, чтоб память их хранила,
Та ветвь, что послужила
Тебе венцом победным,
Отступит пусть пред бедным
Плющом, что разрастется
В твоей тени и тихо вверх завьется,
Высокой славы приобщась даров.
Покуда слава о тебе поется,
Послушай песню скромных пастухов.

Garcilaso de la Vega

Eclogue I

To viceroy of Naples
Salicio, Nemoroso

The sweet lament of two Castilian swains,
Salicio's love and Nemoroso's tears,
In sympathy I sing, to whose loved strains
Their flocks, of food forgetful, crowding round,
Were most attentive: Pride of Spanish peers!
Who, by thy splendid deeds, hast gained a name
And rank on earth unrivaled, — whether
crowned
With cares, Alvano, wielding now the rod
Of empire, now the dreadful bolts that tame
Strong kings, in motion to the trumpet's sound,
Express vicegerent of the Thracian God;
Or whether, from the cumbrous burden freed
Of state affairs, thou seek'st the echoing plain,
Chasing, upon thy spirited fleet steed,
The trembling stag that bounds abroad, in vain
Lengthening out life, — though deeply now
engrossed
By cares, I hope, so soon as I regain
The leisure I have lost,
To celebrate, with my recording quill,
Thy virtues and brave deeds, a starry sum,
Ere grief, or age, or silent death turn chill
My poesy's warm pulse, and I become
Nothing to thee, whose worth the nations blaze,
Failing thy sight, and songless in thy praise.
But till that day, predestined by the Muse,
Appears to cancel the memorial dues
Owed to thy glory and renown — a claim
Not only upon me, but which belongs
To all fine spirits that transmit to fame
Ennobling deeds in monumental songs, —
Let the green laurel whose victorious boughs
Clasp in endearment thine illustrious brows,
To the weak ivy give permissive place,
Which, rooted in thy shade, thou first of trees,
May hope by slow degrees
To tower aloft, supported by thy praise ;
Since Time to thee sublimer strains shall bring,
Hark to my shepherds, as they sit and sing.

IV

Saliendo de las ondas encendido,
rayaba de los montes al altura
el sol, cuando Salicio, recostado 45
al pie de un alta haya en la verdura,
por donde un agua clara con sonido
atravesaba el fresco y verde prado,
él, con canto acordado
al rumor que sonaba, 50
del agua que pasaba,
se quejaba tan dulce y blandamente
como si no estuviera de allí ausente
la que de su dolor culpa tenía;
y así, como presente, 55
razonando con ella, le decía:

V

Salicio:

¡Oh más dura que mármol a mis quejas,
y al encendido fuego en que me quemo
más helada que nieve, Galatea!,
estoy muriendo, y aún la vida temo; 60
témola con razón, pues tú me dejas,
que no hay, sin ti, el vivir para qué sea.
Vergüenza he que me vea
ninguno en tal estado,
de ti desamparado, 65
y de mí mismo yo me corro agora.
¿De un alma te desdeñas ser señora,
donde siempre moraste, no pudiendo
de ella salir un hora?
Salid sin duelo, lágrimas, corriendo. 70

VI

El sol tiende los rayos de su lumbré
por montes y por valles, despertando
las aves y animales y la gente:
cuál por el aire claro va volando,
cuál por el verde valle o alta cumbre 75
paciendo va segura y libremente,
cuál con el sol presente
va de nuevo al oficio,
y al usado ejercicio
do su natura o menester le inclina, 80
siempre está en llanto esta ánima mezquina,
cuando la sombra el mundo va cubriendo,
o la luz se avecina.
Salid sin duelo, lágrimas, corriendo.

IV

Из ясных вод поднявшись, огневое
Сияло солнце, светом достигая
Вершин, когда под деревом зеленым
Лежал Салисио, в прохладе отдыхая
Там, где чрез луг со свежеею травою
Прозрачный ручеек бежал со звоном.
Он пел, и словно стоном
Звучала песнь простая,
Потоку отвечая,
И в жалобе его не слышно было гнева,
Словно ее могла услышать дева,
Такое причинившая мученье,
И скорбного напева
Понять и чувство и предназначенье.

V

Салисио
Ты тверже мрамора моим стенаньям
И жаркому огню, где я стораю,
Ты холоднее снега, Галатея!
Я жить боюсь, хотя уж умираю,
Я жизнь отныне отдал бы страданьям,
Жить без тебя иначе не умея;
И от стыда не смея
Перед людьми явиться,
Решил я схорониться
И от себя, от собственного взора.
Зачем покинуть хочешь ты так скоро
Ту душу, что была твое владенье,
И алчешь лишь простора?
О, лейтесь, лейтесь, слезы сожаленья!

VI

Уж солнце шлет свои лучи златые
На горы и поляны, пробуждая
От дремы птиц, животных и людей:
Одни взмывают в воздух, улетаая,
По горным кручам разбрелись другие
Или пасутся мирно средь полей;
Чуть станет посветлей,
Спешат уж третьи на работу,
Обычную явив заботу,
Как им и склонности и долг
повелевают.
Мои лишь слезы все не иссякают,
Покроется ли мир ночью тенью,
Или лучи сверкают.
О, лейтесь, лейтесь, слезы сожаленья!

The sun, from rosy billows risen, had rayed
With gold the mountain tops, when at the foot
Of a tall beech romantic, whose green shade
Fell on a brook, that, sweet-voiced as a lute,
Through lively pastures wound its sparkling way,
Sad on the daisied turf Salicio lay ;
And with a voice in concord to the sound
Of all the many winds, and waters round,
As o'er the mossy stones they swiftly stole,
Poured forth in melancholy song his soul
Of sorrow with a fall
So sweet, and aye so mildly musical,
None could have thought that she whose seeming guile
Had caused his anguish, absent was the while,
But that in very deed the unhappy youth
Did, face to face, upbraid her questioned truth.

Salicio:

More hard than marble to my mild complaints,
And to the lively flame with which I glow,
Cold, Galatea, cold as winter snow !
I feel that I must die, my spirit faints,
And dreads continuing life ; for, alienate
From thee, life sinks into a weary weight,
To be shook off with pleasure; from all eyes
I shrink, ev'n from myself despised I turn,
And left by her for whom alone I yearn,
My cheek is tinged with crimson ; heart of ice !
Dost thou the worshipped mistress scorn to be
Of one whose cherished guest thou ever art ;
Not being able for an hour to free
Thine image from my heart ?
This dost thou scorn ? in gentleness of woe
Flow forth, my tears, 'tis meet that ye should flow!

The sun shoots forth the arrows of his light
O'er hills and valleys, wakening to fresh birth
The birds, and animals, and tribes of earth,
That through the crystal air pursue their flight,
That o'er the verdant vale and craggy height
In perfect liberty and safety feed,
That with the present sun afresh proceed
To the due toils of life,
As their own wants or inclinations lead ;
This wretched spirit is alone at strife
With peace, in tears at eve, in tears when bright
The morning breaks ; in gentleness of woe,
Flow forth my tears, 'tis meet that ye should flow!

VII

¿Y tú, de esta mi vida ya olvidada, 85
sin mostrar un pequeño sentimiento
de que por ti Salicio triste muera,
dejas llevar (¡desconocida!) al viento
el amor y la fe que ser guardada
eternamente sólo a mí debiera? 90
¡Oh Dios!, ¿por qué siquiera,
(pues ves desde tu altura
esta falsa perjura
causar la muerte de un estrecho amigo)
no recibe del cielo algún castigo? 95
Si en pago del amor yo estoy muriendo,
¿qué hará el enemigo?
Salid sin duelo, lágrimas, corriendo.

VIII

Por ti el silencio de la selva umbrosa,
por ti la esquividad y apartamiento 100
del solitario monte me agradaba;
por ti la verde hierba, el fresco viento,
el blanco lirio y colorada rosa
y dulce primavera deseaba.
¡Ay, cuánto me engañaba! 105
¡Ay, cuán diferente era
y cuán de otra manera
lo que en tu falso pecho se escondía!
Bien claro con su voz me lo decía
la siniestra corneja, repitiendo 110
la desventura mía.
Salid sin duelo, lágrimas, corriendo.

IX

¡Cuántas veces, durmiendo en la floresta,
(reputándolo yo por desvarío)
vi mi mal entre sueños, desdichado! 115
Soñaba que en el tiempo del estío
llevaba, por pasar allí la sienta,
a beber en el Tajo mi ganado;
y después de llegado,
sin saber de cuál arte, 120
por desusada parte
y por nuevo camino el agua se iba;
ardiendo yo con la calor estiva,
el curso enajenado iba siguiendo
del agua fugitiva. 125
Salid sin duelo, lágrimas, corriendo.

VII

А ты, меня забывшая беспечно,
Ты и сочувствием того не одарила,
Кто здесь из-за тебя умрет в печали,
Ты ветру веру и любовь вручила,
Что мне лишь одному принадлежали!
О господи, нельзя ли
(Тебе с высот возможно
Знать, кто клянется ложно),
Чтоб столь жестокою с печальным
другом
Само судило небо по заслугам?
Раз другу за любовь дарят одни
мученья,
Врага дарят досугом, —
О, лейтесь, лейтесь, слезы сожаленья!

VIII

Из-за тебя тенистых рощ молчанье,
Из-за тебя вершин уединенных
Безлюдье и покой меня пленили.
Из-за тебя я жаждал трав зеленых,
И сладкого весны благоуханья,
И алых роз, и белоснежных лилий.
О, как отличны были
Те чувства, что до срока
Таила ты глубоко,
О, как я был несчастлив, заблуждаясь!
Недаром грай вороний, повторяясь,
Вещал одни обманы и мученья,
Зловеще раздаваясь.
О, лейтесь, лейтесь, слезы сожаленья!

IX

О, сколько раз в лесу, объятый дремой
(Порой сродни бывавшею кошмару),
Терзался я и в снах моей судьбою!
Мне снилось, что гоню мою отару
На берег Тахо, издавна знакомый, —
Чтоб отдохнула в полдень, — к водопою.
Иду свой тропую,
И вдруг, необъяснимо,
Поток, бегущий мимо,
Путь новый и нежданный избирает.
И, чувствуя, как зной меня сжигает,
Спешу вдоль незнакомого течения
Воды, что убегает.
О, лейтесь, лейтесь, слезы сожаленья!

And thou, without one pensive memory
Of this my life, without the slightest sign
Of pity for my pangs, dost thou consign
To the stray winds, ungrateful, every tie
Of love and faith, which thou didst vow should be
Locked in thy soul eternally for me ?
Oh righteous Gods! if from on high ye view
This false, this perjured maid
Work the destruction of a friend so true,
Why leave her crime of justice unrepaid ?
Dying I am with hopeless, sharp concern ;
If to tried friendship this is the return
She makes, with what will she requite her foe ?
Flow forth, my tears, 'tis meet that ye should flow!

Through thee the silence of the shaded glen,
Through thee the horror of the lonely mountain
Pleased me no less than the resort of men ;
The breeze, the summer wood, and lucid fountain,
The purple rose, white lily of the lake,
Were sweet for thy sweet sake ;
For thee the fragrant primrose, dropt with dew,
Was wished when first it blew !
Oh how completely was I in all this
Myself deceiving! oh the different part
That thou wert acting, covering with a kiss
Of seeming love, the traitor in thy heart !
This my severe misfortune, long ago,
Did the soothsaying raven, sailing by
On the black storm, with hoarse sinister cry,
Clearly presage ; in gentleness of woe,
Flow forth, my tears, 'tis meet that ye should flow!

How oft, when slumbering in the forest brown,
(Deeming it Fancy's mystical deceit,)
Have I beheld my fate in dreams foreshown I
One day, methought that from the noontide heat
I drove my flocks to drink of Tagus' flood,
And, under curtain of its bordering wood,
Take my cool siesta; but, arrived, the stream,
I know not by what magic, changed its track,
And in new channels, by an unused way,
Rolled its warped waters back ;
Whilst I, scorched, melting with the heat extreme,
Went ever following in their flight, astray,
The wizard waves ; in gentleness of woe,
Flow forth, my tears, 'tis meet that ye should flow!

X

Tu dulce habla ¿en cuya oreja suena?
Tus claros ojos ¿a quién los volviste?
¿Por quién tan sin respeto me trocaste?
Tu quebrantada fe ¿dó la pusiste? 130
¿Cuál es el cuello que, como en cadena,
de tus hermosos brazos anudaste?
No hay corazón que baste,
aunque fuese de piedra,
viendo mi amada hiedra, 135
de mí arrancada, en otro muro asida,
y mi parra en otro olmo entretejida,
que no se esté con llanto deshaciendo
hasta acabar la vida.
Salid sin duelo, lágrimas, corriendo. 140

XI

¿Qué no se esperará de aquí adelante,
por difícil que sea y por incierto?
O ¿qué discordia no será juntada?,
y juntamente ¿qué tendrá por cierto,
o qué de hoy más no temerá el amante, 145
siendo a todo materia por ti dada?
Cuando tú enajenada
de mi cuidado fuiste,
notable causa diste,
y ejemplo a todos cuantos cubre el cielo, 150
que el más seguro tema con recelo
perder lo que estuviere poseyendo.
Salid fuera sin duelo,
salid sin duelo, lágrimas, corriendo.

XII

Materia diste al mundo de esperanza 155
de alcanzar lo imposible y no pensado,
y de hacer juntar lo diferente,
dando a quien diste el corazón malvado,
quitándolo de mí con tal mudanza
que siempre sonará de gente en gente. 160
La cordera paciente
con el lobo hambriento
hará su ayuntamiento,
y con las simples aves sin ruido
harán las bravas sierpes ya su nido; 165
que mayor diferencia comprendo
de ti al que has escogido.
Salid sin duelo, lágrimas, corriendo.

Х

Чьи уши сладкими чаруешь ты
речами?
Чью шею нежными руками
обвиваешь?
Кем ты меня так скоро заменила?
И на кого ты ласково взираешь
Теперь своими ясными очами?
И верность ложную кому ты подарила?
Из камня сердце б было,
Когда бы, плющ знакомый
Вдоль стен чужого дома
И милую лозу вокруг дерева чужого
Узрев, в слезах растаять в те
мгновенья
Уж не было готово.
О, лейтесь, лейтесь, слезы сожаленья!

XI

Каких еще потерь, какого краха
Какого в чувствах нового разлада,
Скажи, отныне ожидать пристало?
И что теперь считать надежным надо,
Пред чем влюбленный не познает
страха,
Раз положила ты всему начало?
Когда ты покидала
Меня с моей тоскою,
Явила ты собою
Дурной пример для всех под небесами,
Ведь даже за надежными замками
Боишься потерять любимое именье;
Струитесь же ручьями,
О, лейтесь, лейтесь, слезы сожаленья!

XII

Начало ты дала моей надежде
Достичь того, что чуждо, незнакомо,
И сочетать, что несоединимо,
Раз злое сердце отдано другому,
А у моей любви отъято прежде.
То будет вечно каждому вестимо:
Змея вползет незримо
В гнездо невинной птицы,
И станет единиться
Голодный волк со смирной овцою;
Между твоим избранным и тобою
Я большее увидел расхожденье;
Так я гоним судьбою.
О, лейтесь, лейтесь, слезы сожаленья!

In the charmed ear of what beloved youth
Sounds thy sweet voice? on whom revolvest thou
Thy beautiful blue eyes? on whose proved truth
Anchors thy broken faith? who presses now
Thy laughing lip, and hopes thy heaven of charms,
Locked in the' embraces of thy two white arms?
Say thou, for whom hast thou so rudely left
My love, or stolen, who triumphs in the theft ?
I have not yet a bosom so untrue
To feeling, nor a heart of stone, to view
My darling ivy, torn from me, take root
Against another wall or prosperous pine,
To see my virgin vine
Around another elm in marriage hang
Its curling tendrils and empurpled fruit,
Without the torture of a jealous pang,
Ev'n to the loss of life ; in gentle woe,
Flow forth, my tears, 'tis meet that ye should flow!

What may not now be looked for to take place
In any certain or uncertain case?
What are too adverse now to join, too wild
For love to fear, too dissonant to agree?
What faith is too secure to be beguiled?
Matter for all thus being given by thee.
A signal proof didst thou, when, rude and cold,
Thou left'st my bleeding heart to break, present
To all loved youths and maids
Whom heaven in its blue beauty overshades,
That ev'n the most secure have cause to fear
The loss of that which they as sweet or dear
Cherish the most ; in gentleness of woe,
Flow forth, my tears, 'tis meet that ye should flow!

Thou hast giv'n room for hope that now the mind
May work impossibilities most strange,
And jarring natures in concordance bind ;
Transferring thus from me to him thy hand
And fickle heart in such swift interchange,
As ever must be voiced from land to land.
Now let mild lambs in nuptial fondness range
With savage wolves from forest brake to brake ;
Now let the subtle snake
In curled caresses nest with simple doves,
Harming them not, for in your ghastly loves
Difference is yet more great ; in gentle woe,
Flow forth, my tears, 'tis meet that ye should flow !

XIII

Siempre de nueva leche en el verano
y en el invierno abundo; en mi majada 170
la manteca y el queso está sobrado;
de mi cantar, pues, yo te vi agradada
tanto que no pudiera el mantuano
Títiro ser de ti más alabado.
No soy, pues, bien mirado, 175
tan disforme ni feo;
que aún agora me veo
en esta agua que corre clara y pura,
y cierto no trocara mi figura
con ese que de mí se está riendo; 180
¡trocara mi ventura!
Salid sin duelo, lágrimas, corriendo.

XIV

¿Cómo te vine en tanto menosprecio?
¿Cómo te fui tan presto aborrecible?
¿Cómo te faltó en mí el conocimiento? 185
Si no tuvieras condición terrible,
siempre fuera tenido de ti en precio,
y no viera de ti este apartamiento.
¿No sabes que sin cuento
buscan en el estío 190
mis ovejas el frío
de la sierra de Cuenca, y el gobierno
del abrigado Estremo en el invierno?
Mas ¡qué vale el tener, si derritiendo
me estoy en llanto eterno! 195
Salid sin duelo, lágrimas, corriendo.

XV

Con mi llorar las piedras enternecen
su natural dureza y la quebrantan;
los árboles parece que se inclinan:
las aves que me escuchan, cuando cantan, 200
con diferente voz se condolecen,
y mi morir cantando me adivinan.
Las fieras, que reclinan
su cuerpo fatigado,
dejan el sosegado 205
sueño por escuchar mi llanto triste.
Tú sola contra mí te endureciste,
los ojos aún siquiera no volviendo
a lo que tú hiciste.
Salid sin duelo, lágrimas, corriendo. 210

XIII

Парное молоко вкушаю летом
И хладною зимой, моя отара
Дает мне сыр и масло в изобилье;
Ты моего не отвергала дара
И песнь мою встречала ты приветом,
Как будто пред тобою сам Вергилий.
Сдается, не явили
Мои черты уродства,
Не чужды благородства
Они и самому мне показались,
Когда в ручье прозрачном отражались;
Я с тем не поменял бы отраженья,
С кем счастьем поменялись.
О, лейтесь, лейтесь, слезы сожаленья!

XIV

Как понят был столь мало я тобою?
Чем заслужил подобную брезгливость?
Как ненавистен сделался столь скоро?
Не будь в твоей душе такая лживость,
Я был бы век ценим одной ценою
И между нами не было б раздора.
Ты знаешь, без надзора
Порою летней стадо
Прохладе свежей радо
Гористой Куэнки, а зимой суровой
Эстремадуры ищет лес дубовый.
Но что все блага? Мне одни томленья
Даны судьбою новой.
О, лейтесь, лейтесь, слезы сожаленья!

XV

Моим рыданиям камни сострадают,
Свою теряя твердость и ломаясь,
И деревья склоняются в печали,
И даже птицы, трелью заливаясь,
Меня услышав, голос свой меняют,
Как будто смерть мою предугадали.
И звери, что дремали,
Устав, в лесу прохладном,
Забыв о сне отрадном,
От моего печалуются стона.
Одна лишь ты доньине непреклонна,
Твоя душа не знает угрызенья
От моего урона.
О лейтесь, лейтесь, слезы сожаленья!

My dairies always with new milk abound,
Summer and winter, all my vats run o'er
With richest creams, and my superfluous store
Of cheese and butter is afar renowned ;
With as sweet songs have I amused thine ear
As could the Mantuan Tityrus of yore,
And more to be admired ; nor am I, dear,
If well observed, or so uncouth or grim,
For in the watery looking-glass below
My image I can see — a shape and face
I surely never would exchange with him
Who joys in my disgrace ;
My fate I might exchange ; in gentle woe,
Flow forth, my tears, 'tis meet that ye should flow!

How have I fallen in such contempt, how grown
So suddenly detested, or in what
Attentions have I failed thee? wert thou not
Under the power of some malignant spell,
My worth and consequence were known too well ;
I should be held in pleasurable esteem,
Nor left thus in divorce, alone — alone!
Hast thou not heard, when fierce the Dogstar smites
These plains with heat and drouth,
What countless flocks to Cuenca's thymy heights
Yearly I drive, and in the winter breme,
To the warm valleys of the sheltering south ?
But what avails my wealth if I decay,
And in perpetual sorrow weep away
My years of youth ! in gentleness of woe,
Flow forth, my tears, 'tis meet that ye should flow!

Over my griefs the mossy stones relent
Their natural durability, and break ; the trees
Bend down their weeping boughs without a breeze,
And full of tenderness, the listening birds,
Warbling in different notes, with me lament,
And warbling prophesy my death ; the herds
That in the green meads hang their heads at eve,
Wearied, and worn, and faint,
The necessary sweets of slumber leave,
And low, and listen to my wild complaint.
Thou only steel'st thy bosom to my cries,
Not ev'n once rolling thine angelic eyes
On him thy harshness kills ; in gentle woe,
Flow forth, my tears, 'tis meet that ye should flow!

XVI

Mas ya que a socorrerme aquí no vienes,
no dejes el lugar que tanto amaste,
que bien podrás venir de mí segura;
yo dejaré el lugar do me dejaste;
ven, si por sólo esto te detienes; 215
ves aquí un prado lleno de verdura,
ves aquí una espesura,
ves aquí una agua clara,
en otro tiempo cara,
a quien de ti con lágrimas me quejo. 220
Quizá aquí hallarás (pues yo me alejo)
al que todo mi bien quitarme puede;
que pues el bien le dejo,
no es mucho que el lugar también le quede. 225

XVII

Aquí dio fin a su cantar Salicio,
y suspirando en el postrero acento,
soltó de llanto una profunda vena.
Queriendo el monte al grave sentimiento
de aquel dolor en algo ser propicio, 230
con la pesada voz retumba y suena.
La blanca Filomena,
casi como dolida
y a compasión movida,
dulcemente responde al son lloroso. 235
Lo que cantó tras esto Nemoroso
decidlo vos Piérides, que tanto
no puedo yo, ni oso,
que siento enflaquecer mi débil canto.

XVIII

Nemoroso:

Corrientes aguas, puras, cristalinas,
árboles que os estáis mirando en ellas, 240
verde prado, de fresca sombra lleno,
aves que aquí sembráis vuestras querellas,
hiedra que por los árboles caminas,
torciendo el paso por su verde seno:
yo me vi tan ajeno 245
del grave mal que siento,
que de puro contento
con vuestra soledad me recreaba,
donde con dulce sueño reposaba,
o con el pensamiento discurría 250
por donde no hallaba
sino memorias llenas de alegría.

XVI

Но если помощи ты мне не оказала,
Не оставляй места, что так прекрасны,
И верь в мое смиренье: я покину
Места, где я покинут был, несчастный:
Я не хочу, чтоб ты их забывала,
Коли я верно угадал причину.
Ты помнишь ли долину
Со свежеею травою,
С прозрачною струею,
Любезною тому, кто плачет одиноко?
Ты здесь найдешь, когда уйду далеко,
Похитившего клад, что мне всего дороже;
Не будет уж жестоко,
Похитив клад, отнять долину тоже.

XVII

Окончил песнь Салисио и стенанье,
И вздох последний испустил глубокий,
И слезы горькие потоком полились.
Тому, кто здесь томится, одинокий,
Явили даже горы состраданье
И эхом горестным вдали отозвались,
И трели раздались,
Как будто Филомела
Сочувствием хотела
Нежнейшим на его ответить муки.
Как Неморосо начал песнь разлуки,
Скажите вы, Пиериды, я не смею
Поведать эти звуки
Слабеющею лирою моею.

XVIII

Неморосо:

Бегущие струи, прозрачны, чисты,
И древесна, чья в них глядится крона,
И плющ, что крадется извилистой
тропою,
Пышнозеленое пересекая лоно,
И птицы, в небе сеющие свисты,
И луг тенистый с нежною травою,
Когда с моей бедою
Еще я не спознался,
То вдоволь наслаждался
Чудесным вашим я уединеньем,
Порой охвачен сладким сновиденьем,
Порою погружен в раздумья и мечтанья,
Не мучился сомненьем,
И были радостны мои воспоминанья.

But though thou wilt not come for my sad sake,
Leave not the landscape thou hast held so dear;
Thou may'st come freely now, without the fear
Of meeting me, for though my heart should break,
Where late forsaken I will now forsake.
Come then, if this alone detains thee, here
Are meadows full of verdure, myrtles, bays,
Woodlands, and lawns, and running waters clear,
Beloved in other days,
To which, bedewed with many a bitter tear,
I sing my last of lays.
These scenes perhaps, when I am far removed,
At ease thou wilt frequent
With him who rifled me of all I loved ;
Enough! my strength is spent;
And leaving thee in his desired embrace,
It is not much to leave him this sweet place.

Here ceased the youth his Doric madrigal,
And sighing, with his last laments let fall
A shower of tears; the solemn mountains round,
Indulgent of his sorrow, tossed the sound
Melodious from romantic steep to steep,
In mild responses deep;
Sweet Echo, starting from her couch of moss,
Lengthened the dirge, and tenderest Philomel,
As pierced with grief and pity at his loss,
Warbled divine reply, nor seemed to trill
Less than Jove's nectar from her mournful bill.
What Nemoroso sang in sequel, tell
Ye, sweet-voiced Sirens of the sacred hill!
Too high the strain, too weak my groveling reed,
For me to dare proceed.

Nemoroso:

Smooth-sliding waters, pure and crystalline!
Trees, that reflect your image in their breast!
Green pastures, full of fountains and fresh shades!
Birds, that here scatter your sweet serenades!
Mosses, and reverend ivies serpentine,
That wreath your verdurous arms round beech and
pine,
And, climbing, crown their crest!
Can I forget, ere grief my spirit changed,
With what delicious ease and pure content
Your peace I wooed, your solitudes I ranged,
Enchanted and refreshed where'er I went!
How many blissful noons I here have spent
In luxury of slumber, couched on flowers,
And with my own fond fancies, from a boy,
Discoursed away the hours,
Discovering nought in your delightful bowers,
But golden dreams, and memories fraught with joy!

XIX

Y en este mismo valle, donde agora
me entristezco y me canso, en el reposo
estuve ya contento y descansado. 255
¡Oh bien caduco, vano y presuroso!
Acuérdome, durmiendo aquí alguna hora,
que despertando, a Elisa vi a mi lado.
¡Oh miserable hado!
¡Oh tela delicada, 260
antes de tiempo dada
a los agudos filos de la muerte!
Más conveniente fuera aquesta suerte
a los cansados años de mi vida,
que es más que el hierro fuerte, 265
pues no la ha quebrantado tu partida.

XX

¿Dó están agora aquellos claros ojos
que llevaban tras sí, como colgada,
mi ánima doquier que ellos se volvían?
¿Dó está la blanca mano delicada, 270
llena de vencimientos y despojos
que de mí mis sentidos le ofrecían?
Los cabellos que vían
con gran desprecio al oro,
como a menor tesoro, 275
¿adónde están? ¿Adónde el blando pecho?
¿Dó la columna que el dorado techo
con presunción graciosa sostenía?
Aquesto todo agora ya se encierra,
por desventura mía, 280
en la fría, desierta y dura tierra.

XXI

¿Quién me dijera, Elisa, vida mía,
cuando en aqueste valle al fresco viento
andábamos cogiendo tiernas flores,
que había de ver con largo apartamiento 285
venir el triste y solitario día
que diese amargo fin a mis amores?
El cielo en mis dolores
cargó la mano tanto,
que a sempiterno llanto 290
y a triste soledad me ha condenado;
y lo que siento más es verme atado
a la pesada vida y enojosa,
solo, desamparado,
ciego, sin lumbre, en cárcel tenebrosa. 295

XIX

В долине этой, где сейчас тоскую,
Я наслаждался отдыхом беспечно,
Взирая на зеленые просторы.
О счастье, как ты пусто, быстротечно!
Я помню, как в минуту дорогую,
Здесь пробудясь, Элисы встретил
взоры.
О рок, зачем так скоро
Такою нежной тканью
Одаривать, как данью,
Смерть с острою ее косою?
Уж лучше бы подобною судьбою
Мои усталые замкнулись годы:
С потерей такую
Живя, я, верно, каменной породы.

XX

Где очи ясные и томные где вежды,
Что за собой повсюду увлекали
Мой дух, куда б они ни обратились?
Где руки белые, что нежно отобрали
Всё у меня — и чувства и надежды?
Где пряди, что пред золотом
Гордились? Так ярко золотились,
Что злато с ними рядом
Казалось меньшим кладом?
Где грудь высокая, где стройная
колонна,
Что купол золотой так непреклонно,
С такою милой грацией носила?
Теперь, увы! сокрыто все, что мною
Любимо в жизни было,
Пустынной, хладной, жесткою землею.

XXI

Элиса, друг, кто б угадал заранее,
Когда вдвоем под свежими ветрами
Мы здесь с тобой бродили, отдыхая,
Когда, любуясь пестрыми цветами,
Их собирали вместе на поляне,
Что я останусь сир, о прошлом
воздыхая?
Пришла минута злая,
И горестному небу
Свою принес я требу —
Оно мне одиночество сулило.
И тяжелей всего, что я уныло
Тропою жизни осужден влачиться,
Что мне ничто не мило,
Слепцу без света в сумрачной
темнице.

And in this very valley where I now
Grow sad, and droop, and languish, have I lain
At ease, with happy heart and placid brow;
Oh pleasure fragile, fugitive, and vain!
Here, I remember, waking once at noon,
I saw Eliza standing at my side ;
Oh cruel fate! oh finespun web, too soon
By Death's sharp scissors clipt! sweet, suffering
bride,
In womanhood's most interesting prime,
Cut off, before thy time!
How much more suited had his surly stroke
Been to the strong thread of my weary life!
Stronger than steel, since in the parting strife
From thee, it has not broke.

Where are the eloquent mild eyes that drew
My heart where'er they wandered? where the hand,
White, delicate, and pure as melting dew,
Filled with the spoils that, proud of thy command,
My feelings paid in tribute? the bright hair
That paled the shining gold, that did contemn
The glorious opal as a meaner gem,
The bosom's ivory apples, where, ah where I
Where now the neck, to whiteness overwrought,
That like a column with genteelest scorn
Sustained the golden dome of virtuous thought ?
Gone! ah, for ever gone
To the chill, desolate, and dreary pall,
And mine the grief — the wormwood and the gall!

Who would have said, my love, when late through
this
Romantic valley, we from bower to bower
Went gathering violets and primroses,
That I should see the melancholy hour
So soon arrive that was to end my bliss,
And of my love destroy both fruit and flower?
Heaven on my head has laid a heavy hand;
Sentencing, without hope, without appeal,
To loneliness and ever-during tears
The joyless remnant of my future years;
But that which most I feel,
Is to behold myself obliged to bear
This condemnation to a life of care;
Lone, blind, forsaken, under sorrow's spell,
A gloomy captive in a gloomy cell.

XXII

Después que nos dejaste, nunca pace
en hartura el ganado ya, ni acude
el campo al labrador con mano llena.
No hay bien que en mal no se convierta y mude:
la mala hierba al trigo ahoga, y nace 300
en lugar suyo la infelice avena;
la tierra, que de buena
gana nos producía
flores con que solía
quitar en sólo vellas mil enojos, 305
produce agora en cambio estos abrojos,
ya de rigor de espinas intratable;
yo hago con mis ojos
crecer, llorando, el fruto miserable.

XXIII

Como al partir del sol la sombra crece, 310
y en cayendo su rayo se levanta
la negra escuridad que el mundo cubre,
de do viene el temor que nos espanta,
y la medrosa forma en que se ofrece
aquello que la noche nos encubre, 315
hasta que el sol descubre
su luz pura y hermosa:
tal es la tenebrosa
noche de tu partir, en que he quedado
de sombra y de temor atormentado, 320
hasta que muerte el tiempo determine
que a ver el deseado
sol de tu clara vista me encamine.

XXIV

Cual suele el ruiseñor con triste canto
quejarse, entre las hojas escondido, 325
del duro labrador, que cautamente
le despojó su caro y dulce nido
de los tiernos hijuelos, entre tanto
que del amado ramo estaba ausente,
y aquel dolor que siente 330
con diferencia tanta
por la dulce garganta
despide, y a su canto el aire suena,
y la callada noche no refrena
su lamentable oficio y sus querellas, 335
trayendo de su pena
al cielo por testigo y las estrellas;

XXII

Все без тебя вокруг переменилось:
Стада в лугах так вольно уж не бродят
И в помощь землепашцу над полями
Колосья золотистые не всходят.
И нет добра, что б в зло не обратилось:
Пшеница тучная глушится сорняками
И дикими овсами.
Земля, что взорам нашим
Дала цветы, что краше
И не найдешь, чтоб радовали око,
Один репей сейчас родит жестоко,
И плод его, ненужный и колючий,
Я, плача одиноко,
Сам возрастил моей слезой горючей.

XXIII

Как при заходе солнца тень ложится,
А под его лучами прочь уходит
Густая тьма, что землю одеваает,
Откуда страх на душу к нам нисходит
И формы странные, в какие
облачиться
Готово все, что ночь от нас скрывает,
Пока не воссияет
Светила свет лучистый, —
Такой казалась мгlistой
Ночь, что тебя взяла, и той порою
Остался мучим страхом я и тьмою,
Покуда не укажет смерть порога
И я, ведом тобою,
Как солнцем, не увижу, где дорога.

XXIV

Как соловей, чье так печально пенье,
Когда, сокрыт в густой листве, он
свищет,
На землепашца жалуясь злого,
Что детушек его лишил жилища,
Пока, летая, был он в отдаленье
От милой ветви и гнезда родного,
И боль свою все снова
И так разноцветисто
Выводит горлом чистым,
Что самый воздух полнится звучаньем,
И ночь суровая, с ее молчаньем,
Не властна над его печальными
делами:
В свидетели страданьям
Он небо призывает со звездами;

Since thou hast left us, fullness, rest, and peace
Have failed the starveling flocks; the field supplies
To the toiled hind but pitiful increase;
All blessings change to ills; the clinging weed
Chokes the thin corn, and in its stead arise
Pernicious darnel, and the fruitless reed.
The enamelled earth, that from her verdant breast
Lavished spontaneously ambrosial flowers,
The very sight of which can soothe to rest
A thousand cares, and charm our sweetest hours,
That late indulgence of her bounty scorns,
And in exchange shoots forth but tangled bowers,
But brambles rough with thorns;
Whilst with the tears that falling steep their root,
My swollen eyes increase the bitter fruit.

As at the set of sun the shades extend,
And when its circle sinks, that dark obscure
Rises to shroud the world, on which attend
The images that set our hair on end,
Silence, and shapes mysterious as the grave;
Till the broad sun sheds once more from the wave
His lively lustre, beautiful and pure:
Such shapes were in the night, and such ill gloom
At thy departure ; still tormenting fear
Haunts, and must haunt me, until death shall doom
The so much wished-for sun to re-appear
Of thine angelic face, my soul to cheer,
Resurgent from the tomb.

As the sad nightingale in some green wood,
Closely embowered, the cruel hind arraigns
Who from their pleasant nest her plumeless brood
Has stolen, whilst she with pains
Winged the wide forest for their food, and now
Fluttering with joy, returns to the loved bough,
The bough, where nought remains:
Dying with passion and desire, she flings
A thousand concords from her various bill,
Till the whole melancholy woodland rings
With gurglings sweet, or with philippics shrill.
Throughout the silent night she not refrains
Her piercing note, and her pathetic cry,
But calls, as witness to her wrongs and pains,
The listening stars and the responding sky.

XXV

desta manera suelto yo la rienda
a mi dolor, y así me quejo en vano
de la dureza de la muerte airada. 340
Ella en mi corazón metió la mano,
y de allí me llevó mi dulce prenda,
que aquél era su nido y su morada.
¡Ay muerte arrebatada!
Por ti me estoy quejando 345
al cielo y enojando
con importuno llanto al mundo todo:
tan desigual dolor no sufre modo.
No me podrán quitar el dolorido
sentir, si ya del todo 350
primero no me quitan el sentido.

XXVI

Una parte guardé de tus cabellos,
Elisa, envueltos en un blanco paño,
que nunca de mi seno se me apartan;
descójolos, y de un dolor tamaño 355
enternecerme siento, que sobre ellos
nunca mis ojos de llorar se hartan.
Sin que de allí se partan,
con suspiros calientes,
más que la llama ardientes, 360
los enjugo del llanto, y de consuno
casi los paso y cuento uno a uno;
juntándolos, con un cordón los ato.
Tras esto el importuno
dolor me deja descansar un rato. 365

XXVII

Mas luego a la memoria se me ofrece
aquella noche tenebrosa, oscura,
que siempre aflige esta ánima mezquina
con la memoria de mi desventura
Verte presente agora me parece 370
en aquel duro trance de Lucina,
y aquella voz divina,
con cuyo son y acentos
a los airados vientos
pudieras amansar, que agora es muda. 375
Me parece que oigo que a la cruda,
inexorable diosa demandabas
en aquel paso ayuda;
y tú, rústica diosa, ¿dónde estabas?

XXV

Вот так и я вещаю бесполезно
Мое страданье, сетуя уныло
На смерти злой жестокость и коварство.
Она мне в сердце руку запустила
И унесла оттуда клад любезный,
Где было для него гнездо и царство.
Смерть! Про мое мытарство
Я небу повествую,
Из-за тебя тоскую
И полню мир стенаньями моими,
И нет моей страды неизлечимей.
И чтоб не сознать сего страданья,
Мне было бы терпимей
Уже навек лишенным быть сознанья.

XXVI

Обернутую тонкой тканью белой,
Я прядь твоих волос храню смиренно,
Их от груди моей не отрываю,
Беру их в руки и такой мгновенно
Жестокой болью поражен бываю,
Что предаюсь рыданьям без предела.
День коротаю целый
Над ними, и лишь вздохи,
Пылая, как сполохи,
Их сушат; медлю я, перебирая
По волоску, как будто их считая.
Потом, связав их тонкой бечевою
И тут лишь отдыхая
От мук моих, я предаюсь покою.

XXVII

Но вслед за тем на память мне
приходит
Той ночи сумрачной угрюмое ненастье,
Мне душу отравляя непрестанно
Воспоминаньем про мое несчастье,
И вновь пред взоры образ твой
приводит
В час смертный, под эгидою Дианы,
И голос твой избранный,
Чьи звуки неземные
Смирjali вихри злые
И что не прозвучит уже отныне.
Вновь слышу, как у сумрачной богини,
Безжалостной, ты помощи просила,
Уже близка к кончине.
А ты, богиня роц, зачем не приходила?

So I in mournful song pour forth my pain;
So I lament, — lament, alas, in vain —
The cruelty of death! untaught to spare,
The ruthless spoiler ravished from my breast
Each pledge of happiness and joy, that there
Had its beloved home and nuptial nest.
Swift-seizing death! through thy despite I fill
The whole world with my passionate lament,
Importuning the skies and valleys shrill
My tale of wrongs to echo and resent.
A grief so vast no consolation knows,
Ne'er can the agony my brain forsake,
Till suffering consciousness in frenzy close,
Or till the shattered chords of being break.

Poor, lost Eliza! of thy locks of gold,
One treasured ringlet in white silk I keep
For ever at my heart, which, when unrolled,
Fresh grief and pity o'er my spirit creep;
And my insatiate eyes, for hours untold,
O'er the dear pledge will, like an infant's, weep:
With sighs more warm than fire anon I dry
The tears from off it, number one by one
The radiant hairs, and with a love-knot tie ;
Mine eyes, this duty done,
Give over weeping, and with slight relief
I taste a short forgetfulness of grief.

But soon, with all its first-felt horrors fraught,
That gloomy night returns upon my brain,
Whichever wrings my spirit with the thought
Of my deep loss, and thine unaided pain;
Ev'n now, I seem to see thee pale recline
In thy most trying crisis, and to hear
The plaintive murmurs of that voice divine,
Whose tones might touch the ear
Of blustering winds, and silence their dispute;
That gentle voice (now mute)
Which to the merciless Lucina prayed,
In utter agony, for aid — for aid!
Alas, for thine appeal! Discourteous power,
Where wert thou gone in that momentous hour?

XXVIII

¿Ibate tanto en perseguir las fieras? 380
¿Ibate tanto en un pastor dormido?
¿Cosa pudo bastar a tal crüeza,
que, conmovida a compasión, oído
a los votos y lágrimas no dieras,
por no ver hecha tierra tal belleza, 385
o no ver la tristeza
en que tu Nemoroso
queda, que su reposo
era seguir tu oficio, persiguiendo
las fieras por los monte, y ofreciendo 390
a tus sagradas aras los despojos?
¿Y tú, ingrata, riendo
dejas morir mi bien ante los ojos?

XXIX

Divina Elisa, pues agora el cielo
con inmortales pies pisas y mides, 395
y su mudanza ves, estando queda,
¿por qué de mí te olvidas y no pides
que se apresure el tiempo en que este velo
rompa del cuerpo, y verme libre pueda,
y en la tercera rueda, 400
contigo mano a mano,
busquemos otro llano,
busquemos otros montes y otros ríos,
otros valles floridos y sombríos,
do descansar y siempre pueda verte 405
ante los ojos míos,
sin miedo y sobresalto de perderte?

XXX

Nunca pusieran fin al triste lloro
los pastores, ni fueran acabadas
las canciones que sólo el monte oía, 410
si mirando las nubes coloradas,
al tramontar del sol bordadas de oro,
no vieran que era ya pasado el día,
la sombra se veía
venir corriendo apriesa 415
ya por la falda espesa
del altísimo monte, y recordando
ambos como de sueño, y acabando
el fugitivo sol, de luz escaso,
su ganado llevando, 420
se fueran recogiendo paso a paso.

XXVIII

Иль так ты рьяно предалась охоте?
Иль так тебя завлек пастух твой
спящий?
Того тебе довольно ль, непреклонной,
Дабы не внять мольбе души скорбящей,
Отдавшись состраданию и заботе,
Дабы красы не видеть обреченной
И в землю обращенной?
Не зреть того в печали,
Деянья чьи являли
Тебе служение в охоте дерзновенной,
Когда я нес на твой алтарь священный
Мои дары, плод моего старанья?
За что ж, тобой презренный,
Я гибель зрел любимого созданья?

XXIX

Элиса дивная, что ныне свод небесный,
Его изменчивость в покое наблюдая,
Своей бессмертной меряешь стопую,
Зачем не просишь, чтобы, поспешая,
Лишило время оболочки тесной
Мой дух, меня соединив с тобою?
И мы, рука с рукою,
В пространстве третьей сферы,
Где льется свет Венеры,
Искали реки новые и горы,
Цветных лугов тенистые просторы,
Где отдохнуть, и чтоб тебя бессменно
Мои видали взоры,
Без страха потерять тебя мгновенно.

XXX

Так никогда б уже не прекратились
Те песни, что слышали только кручи,
Плач пастухов вовек бы не прервался,
Когда б, взглянув, как розовые тучи
Уже в огне заката позлатились,
Не поняли они, что день кончался.
Все шире расстилаался
Туман густой по склонам,
И тень в лесу зеленом
Вверх по горе вползала. От печальной
Они очнулись дремы. Луч прощальный
И скудный проводили грустным
взглядом;
И по дороге дальней
Ушли тихонько вслед за мирным
стадом.

Перевод И. Тыняновой

Or wert thou in the grey woods hunting deer?
Or with thy shepherd boy entranced? Could aught
Palliate thy rigorous cruelty, to turn
Away thy scornful, cold, indifferent ear
From my moist prayers, by no affliction moved,
And sentence one, so beauteous and beloved,
To the funereal urn!
Oh, not to mark the throes
Thy Nemoroso suffered, whose concern
It ever was, when pale the morning rose,
To drive the mountain beasts into his toils,
And on thy holy altars heap the spoils;
And thou, ungrateful! smiling with delight,
Could'st leave my nymph to die before my sight.

Divine Eliza! since the sapphire sky
Thou measurest now on angel- wings, and feet
Sandalled with immortality, oh why
Of me forgetful? Wherefore not entreat
To hurry on the time when I shall see
The veil of mortal being rent in twain, -
And smile that I am free?
In the third circle of that happy land,
Shall we not seek together, hand in hand,
Another lovelier landscape, a new plain,
Other romantic streams and mountains blue,
Fresh flowery vales, and a new shady shore,
Where I may rest, and ever in my view
Keep thee, without the terror and surprise
Of being sundered more!

Ne'er had the shepherds ceased these songs, to
which
The hills alone gave ear, had they not seen
The sun in clouds of gold and crimson rich
Descend, and twilight sadden o'er the green ;
But noting now, how rapidly the night
Rushed from the hills, admonishing to rest,
The sad musicians, by the blushful light
Of lingering Hesperus, themselves addressed
To fold their flocks, and step by step withdrew,
Through bowery lawns and pastures wet with dew.

Translated by Jeremiah Holmes Wiffen

Garcilaso de la Vega

Canción V

Ode ad florem Gnidi

I

Si de mi baja lira
tanto pudiese el son, que un momento
aplacase la ira
del animoso viento,
y la furia del mar y el movimiento;

II

y en ásperas montañas
con el suave canto enterneciese
las fi eras alimañas,
los árboles moviese,
y al son confusamente los trajese;

III

no pienses que cantado
sería de mí, hermosa fl or de Nido,
el fi ero Marte airado,
a muerte convertido,
de polvo y sangre y de sudor teñido;

IV

ni aquellos capitanes
en las sublimes ruedas colocados,
por quien los alemanes
el fi ero cuello atados,
y los franceses van domesticados.

V

Mas solamente aquella
fuerza de tu beldad sería cantada,
y alguna vez con ella
también sería notada
el aspereza de que estás armada;

VI

y cómo por ti sola,
y por tu gran valor y hermosura,
convertida en viola,
llora su desventura
el miserable amante en su fi gura.

VII

Hablo de aquel cativo,
de quien tener se debe más cuidado,
que está muriendo vivo,
al remo condenado,
en la concha de Venus amarrado.

**Гарсиласо де Ла Вега
Цветку Нидо**

I

Когда бы так звучала
Простая лира, что в одно мгновенье
Чудесно бы смиряла
И ветра дуновенье,
И грозных волн могучее волнение;

II

И на суровых кручах
Своей бы песней трогала живую
Она зверей могучих
И, зазвенев стрелой,
Деревья увлекала б за собою;

III

Узнай, что не воспеты,
Цветок прекрасный Нидо, мною б
были
Ни Марс, броней одетый,
Во смертоносной силе,
Кого и пыль, и кровь, и пот
покрыли;

IV

Ни эти капитаны,
Что боевую мчали колесницу,
За кем германец чванный
В тугой петле влачится,
Пред кем француз был вынужден
склониться.

V

О нет, одна лишь мною
Мощь красоты твоей была б воспета,
А вместе с красотой
(В том не сочти навета)
И холодность — души твоей
примета.

VI

И раз в печальной доле,
Терзаемый любовью запрещенной,
Вручил тоску виоле
Твой бедный друг, сраженный
Твоею красотой непреклонной,

VII

Я расскажу, как пленный,
Достойный большей жалости и веры,
В печали неизменной
Плывет, рабом галеры,
За раковиной дальнею Венеры.

**Garcilaso de la Vega
To the flower of Gnido**

I

Had I the sweet resounding lyre
Whose voice could in a moment chain
The howling wind's ungoverned ire,
And movement of the raging main;
On savage hills the leopard rein,

II

The lion's fiery soul entrance,
And lead along with golden tones
The fascinated trees and stones
In voluntary dance,
Think not, think not, fair Flower of Gnide,

III

It e'er should celebrate the scars,
Dust raised, bloodshed, or laurels dyed
Beneath the gonfalon of Mars;
Or borne sublime on festal cars,
The chiefs who to submission sank

IV

The rebel German's soul of soul,
And forged the chains that now control
The frenzy of the Frank.
No, no! its harmonies should ring
In vaunt of glories all thine own,

V

A discord sometimes from the string
Struck forth to make thy harshness known;
The fingered chords should speak alone
Of Beauty's triumphs, Love's alarms,
And one who, made by thy disdain

VI

Pale as a lily dipt in twain,
Bewails thy fatal charms.
Of that poor captive, too, contemned,
I speak, his doom you might deplore-
In Venus' galliot-shell condemned

VII

To strain for life the heavy oar.
Through thee no longer as of yore
He tames the unmanageable steed,
With curb of gold his pride restrains,
Or with pressed spurs and shaken reins

VIII

Por ti, como solía,
del áspero caballo no corrige
la furia y gallardía,
ni con freno le rige,
ni con vivas espuelas ya le aflige.

IX

Por ti, con diestra mano
no revuelve la espada presurosa,
y en el dudoso llano
huye la polvorosa
palestra como sierpe ponzoñosa.

X

Por ti, su blanda musa,
en lugar de la cítara sonante,
tristes querellas usa,
que con llanto abundante
hacen bañar el rostro del amante.

XI

Por ti, el mayor amigo
le es importuno, grave y enojoso;
yo puedo ser testigo,
que ya del peligroso
nafragio fuí su puerto y su reposo.

XII

Y agora en tal manera
vence el dolor a la razón perdida,
que ponzoñosa fi era
nunca fué aborrecida
tanto como yo dél, ni tan temida.

XIII

No fuiste tú engendada
ni producida de la dura tierra;
no debe ser notada
que ingratamente yerra
quien todo el otro error de sí destierra.

XIV

Hágate temerosa
el caso de Anajerete, y cobarde,
que de ser desdeñosa
se arrepintió muy tarde;
y así, su alma con su mármol arde.

VIII

Из-за тебя отныне
Он уж конем не правит, усмиряя
Его в лихой гордыне,
Уздою направляя
И шпоры острые в бока ему вонзая.

IX

Из-за тебя он боле
В азарте не выхватывает шпагу,
Не мчится в ратном поле,
Явив свою отвагу,
А лишь змеей крадется по оврагу.

X

Из-за тебя и Музу
Своей звенящей цитры он лишает,
Своих скорбей союзу
Ее он поручает
И горькой влагой лик свой омывает.

XI

Из-за тебя без веры
Встречает он и друга появленье;
Зачем искать примеры:
Я был в его крушенье
Надежной пристанью, где ждет
спасенье;

XII

Ну а теперь столь жгучим
Страданье сделалось для разума
больного
Что зверь в лесу дремучем
Не встречен так сурово,
Как я, и страха не внушал такого.

XIII

Уж не земли ль холодной
Тебя зачало чрево вековое?
Ведь тот душой бесплодной
Уж заблудился вдвое,
Кто заблужденье оттолкнул чужое.

XIV

Пускай тебя серьезно
Пример Анаксареты устрашает,
Раскаявшейся поздно
В том, что любви не знает,
И чья душа во мраморе сторает.

VIII

Torments him into speed.
Not now he wields for thy sweet sake
The sword in his accomplished hand,
Nor grapples like a poisonous snake,
The wrestler on the yellow sand;

IX

The old heroic harp his hand
Consults not now, it can but kiss
The amorous lute's dissolving strings,
Which murmur forth a thousand things
Of banishment from bliss.

X

Through thee, my dearest friend and best
Grows harsh, importunate, and grave;
Myself have been his port of rest
From shipwreck and the yawning wave;
Yet now so high his passions rave

XI

Above lost reason 's conquered laws,
That not the traveller ere he slays
The asp, its sting, as he my face
So dreads, or so abhors.
In snows on rocks, sweet Flower of Gnide,

XII

Thou wert not cradled, wert not born,
She who has no fault beside
Should ne'er be signalized for scorn;
Else, tremble at the fate forlorn
Of Anaxarete, who spurned

XIII

The weeping Iphis from her gate,
Who, scoffing long, relenting late,
Was to a statue turned.
Whilst yet soft pity she repelled,
Whilst yet she steeled her heart in pride,

XIV

From her friezed window she beheld
Aghast, the lifeless suicide;
Around his lily neck was tied
What freed his spirit from her chains,
And purchased with a few short sighs

XV

Estábase alegrando
del mal ajeno el pecho empedernido,
cuando abajo mirando,
el cuerpo muerto vido
del miserable amante, allí tendido.

XVI

Y al cuello el lazo atado,
con que desenlazó de la cadena
el corazón cuitado,
que con su breve pena
compró la eterna punición ajena.

XVII

Sintió allí convertirse
en piedad amorosa el aspereza.
¡Oh tarde arrepentirse!
¡Oh última terneza!
¿Cómo te sucedió mayor dureza?

XVIII

Los ojos se enclavaron
en el tendido cuerpo que allí vieron,
los huesos se tornaron
más duros y crecieron,
y en sí toda la carne convirtieron;

XIX

las entrañas heladas
tornaron poco a poco en piedra dura;
por las venas cuitadas
la sangre su fi gura
iba desconociendo y su natura;

XX

hasta que, fi nalmente,
en duro mármol vuelta y trasformada,
hizo de sí la gente
no tan maravillada
cuanto de aquella ingratitud vengada.

XXI

No quieras tú, señora,
de Némesis airada las saetas
probar, por Dios, agora;
baste que tus perfetas
obras y hermosura a los poetas

XV

Всегда одной отрады
Она в чужом страдании искала.
Но, опустивши взгляды,
Вдруг мертвым увидела
Несчастливого, что ране презирала.

XVI

Петлей сдавило шею
Тому, кто от цепей тоски сердечной
Был мукою своею
Избавлен быстротечной,
Что обрекла гордыню каре вечной.

XVII

И тотчас обратилось
В любовь и нежность прежнее
презренье
Как поздно пробудилось
Раскаянья мученье
И как ужасно было пробужденье!

XVIII

Глаза ее глядели
На мертвого, уж свет не различая,
И кости в ней твердели,
Длиннее вырастая,
Всю плоть ее собою поглощая.

XIX

И все нутро остыло
И постепенно превратилось в
камень;
И кровь не находила,
Куда излить свой пламень,
Сухие вены не признав путями.

XX

В безмолвии великом
Свершилось в мертвый мрамор
превращенье,
Дивя не хладным ликом
Людей воображенье,
А холодностью, вызвавшей
отмщенье.

XXI

А Немезида больно
Стрелою ранит, не забудь об этом!
И славить уж довольно
Восторженным поэтам
Одну красу твою пред целым
светом.

XV

For her immortal agonies,
Imperishable pains.
Then first she felt her bosom bleed
With love and pity; vain distress!
Oh what deep rigors must succeed

XVI

This first sole touch of tenderness!
Her eyes grow glazed and motionless,
Nailed on his wavering corse, each bone
Hardening in growth, invades her flesh,
Which, late so rosy, warm, and fresh,

XVII

Now stagnates into stone.
From limb to limb the frost aspire,
Her vitals curdle with the cold;
The blood forgets its crimson fire,
The veins that e'er its motion rolled;

XVIII

Till now the virgin's glorious mould
Was wholly into marble changed,
On which the Salaminians gazed,
Less at the prodigy amazed,
Than of the crime avenged.

XIX

Then tempt not thou Fate's angry arms,
By cruel frown or icy taunt;
But let thy perfect deeds and charms
To poets' harps, Divinest, grant
Themes worthy their immortal vaunt;

XX

Else must our weeping strings presume
To celebrate in strains of woe,
The justice of some signal blow
That strikes thee to the tomb.

Translated Jeremiah Holmes Wiffen

XXII

den inmortal materia,
sin que también en verso lamentable
celebren la miseria
de algún caso notable
que por ti pase triste y miserable.

XXII

И пусть мой стих печальный
Хотя б на миг прервет очарованье,
Напомнив в час прощальный,
Потомкам в назиданье,
Тобою причиненное страданье!

Перевод И. Тыняновой

СЕВИЛЬСКАЯ ШКОЛА

Fernando de Herrera A Sevilla

Reina del grande Océano dichosa,
sin quien a España falta la grandeza,
a quien Valor, Ingenio y Nobleza
hacen más estimada y generosa;

¿cuál diré que tú seas, Luz hermosa
de Europa? Tierra, no; que tu riqueza
y gloria no se cierra en su estrechez;
cielo sí, de virtud maravillosa.

Oye, y se espanta, y no te cree el que
mira
tu poder y abundancia; de tal modo
con la presencia ve menor la fama.

No ciudad, eres orbe. En ti se admira
junto cuanto en las otras se derrama;
parte de España, mas mejor que el
todo.

Фернандо де Эррера
Севилья

О город, чьи отвага, ум и честь —
Испанского могущества основа,
Царица океана мирового,
Ты — лучшее, что у испанцев есть!

Разносится по всей Европе весть
О красоте земли твоей. Но слово
«Земля» для края подойдет любого,
А ты... ты — небо, чьих чудес не счесть.

Не увидав, нельзя себе представить
Таких богатств, такого изобилья,
А те, кто видел их, потрясены.

Ты целый мир соединишь и спавишь
Смогла в себе, и пусть ты часть страны,
Ты стоишь всей Испании, Севилья!

Перевод В. Резниченко

Fernando de Herrera

Soneto

Osé y temí: mas pudo la osadía
tanto que desprecié el temor cobarde;
subí a do el fuego más me enciende y arde
cuando más la esperanza se desvía.

Gasté en error la edad florida mía;
ahora veo el daño, pero tarde,
que ya mal puede ser que el seso guarde
a quien se entrega ciego a su porfía.

Tal vez pruebo (mas ¿qué me vale?) alzar me
del grave peso que mi cuello oprime;
aunque falta a la poca fuerza el hecho.

Sigo al fin mi furor, porque mudarme
no es honra ya, ni justo que se estime
tan mal de quien tan bien rindió su pecho.

Фернандо де Эррера

Дерзнул — и утрашился я; но вот
Страх поборола дерзость, и, смелая,
Я ринулся в огонь, что жалит злее,
Коль прав на упование не дает.

И опалил мне младость пламень тот,
Прозрел я поздно, но не сожалею:
Ведь кто упорствует, свой бред лелея,
Тот разума вовек не обретет.

Порой пытаюсь вырваться из плена,
Но силы нет, и стоит ли труда?
И вновь склоняю голову смиренно.

Что ж, да пребудет вечною беда:
Ведь не к лицу, не к чести перемена
Тому, кто честно сдался навсегда.

Перевод А. Косс

Fernando de Herrera
Sonnet

I dared and feared: but daring was so strong
that I then came to scorn cowardly fear;
I climbed to where fire most ignites and burns me
as I despaired most of hope to possess.

In error have I wasted all my youth;
now I can see the harm, but it's too late,
for common sense no longer can protect
him who surrenders, blind, to stubbornness.

At times I try (but to what end?) to rise
above the weight that presses on my neck;
although my failing strength can't pass the test.

My madness I pursue, then, for to change
now does no good, nor should one rate so low
him who so fully yielded up his breast.

Translated Alix Ingber

I dared and feared, and yet my daring
was so great I scorned craven fear;
I climbed to where the fire inflames and burns
me the further hope is lost.

I spent my youth in error, and now
I see the harm, but it's all too late;
for no amount of sense can save
someone blinded by his own stubbornness.

At times I try (to what avail?) to rise
above the heavy yoke that loads my neck;
but lack of strength then fails me.

So I pursue my madness, for now my honour
will not let me change, nor is it fair that one
who yielded up his heart so much should suffer such dispraise.

Translated Michael Smith

Fernando de Herrera

Rojo sol, que con hacha luminosa
cobras el purpúreo y alto cielo,
¿hallaste tal belleza en todo el suelo,
que iguale a mi serena Luz dichosa?

Aura süave, blanda y amorosa,
que nos halagas con tu fresco vuelo,
¿cuando se cubre del dorado velo
mi Luz, tocaste trenza más hermosa?

Luna, honor de la noche, ilustre coro
de las errantes lumbres y fijadas,
¿consideraste tales dos estrellas?

Sol puro, Aura, Luna, llamas de oro,
¿oístes vos mis penas nunca usadas?
¿Vistes Luz más ingrata a mis querellas?

Fernando de Herrera

Pensé, mas fué engañoso pensamiento,
armar de puro hielo el pecho mío;
porque el fuego de Amor al grave frío
no desatase en nuevo encendido.

Procuré no rendirme al mal que siento,
y fue todo mi esfuerzo desvarío;
perdí mi libertad, perdí mi brío,
cobré un perpetuo mal, cobré un
tormento.

El fuego al hielo destempló, en tal suerte,
que, gastando su humor, quedó ardor
hecho;
y es llama, es fuego, todo cuanto espiro.

Este incendio no puede darme muerte;
que, cuando de su fuerza más deshecho,
tanto más de su eterno afán respiro.

Фернандо де Эррера

О солнце, искрометное огниво,
воспламеняющее небеса,
скажи мне, где такая же краса,
как Светоч мой, сияет всем на
диво?

О ветер, косы треплющий игриво,
ты, многие видавший чудеса,
ответь, какая женская коса
столь же светла, пушиста и
красиво?

О полная созвездий вышина,
о лунный диск, найти ль в
безбрежной шири
огни прекрасней этих двух огней?

О солнце, ветер, звезды и луна,
есть ли Светило холоднее в мире
и есть ли боль мучительней моей?

Перевод В. Резниченко

Фернандо де Эррера

Я порешил – опасное решенье! –
Что грудь броней одену ледяною,
Дабы любовь не помыкала мною
И не был я для жгучих стрел
мишенью.

Пытался я спастись от поражения –
Напрасный бред! Я сам беде виною:
Отдав свободу, гордость, сей ценою
Обрел я безысходные мученья.

Лед в пламени растаял – тем
сильнее
Оно бушует ныне, полыхая,
Пронизывая мне дыханье жаром.

И смерти от огня я ждать не смею:
Чем пуще в сем костре я стражду
яром,
Тем пуще вечный жар его вдыхаю.

Перевод А. Косс

Fernando de Herrera

Red sun, that with thy taper shining bright,
At high midday dost fill the heavens unfurled,
Didst find such radiance in all the world,
To equal my serene, my blessed Light?

Thou cool and loving breeze, that in thy flight
Caresses us with gentleness untold,
Didst fan fair locks more like unto spun-gold
Than the bright veil that cloth enshroud my
Light?

Thou moon, glory of night, illustrious choir
Of wandering and fixed stars, could ye now
find
Such stars as ye do see within her eyes?

Thou sun, and wind, and moon, and flames of
fire.
Heard ye my never-ending plaints that rise,
Saw ye a Light more cruel, more unkind?

Translated Eleanor L. Turnbull

Fernando de Herrera

I thought, but a deceptive thought it was,
to arm this breast of mine with purest ice;
so when the fire of Love met the deep cold
it would not loose itself in a new fire.

I tried to not give in to all my grief,
but my attempt was totally in vain;
I lost my freedom, lost my spirit too,
eternal evil and torment I gained.

The fire freed up the ice, in such a way,
that, using up its humor, heat remained;
and flames, and fire, are all that I exhale.

This conflagration cannot bring me death:
the more I am unravelled by its force,
the more its endless ardor I inhale.

Translated Alix Ingber

Baltasar del Alcázar

Preso de amores

I

Tres cosas me tienen preso
de amores el corazón,
la bella Inés, el jamón
y berenjenas con queso.

II

Esta Inés (amantes) es
quien tuvo en mí tal poder,
que me hizo aborrecer
todo lo que no era Inés.

III

Trájome un año sin seso,
hasta que en una ocasión
me dio a merendar jamón
y berenjenas con queso.

IV

Fue de Inés la primer palma,
pero ya júzgase mal
entre todos ellos cuál
tiene más parte en mi alma.

V

En gusto, medida y peso
no le hallo distinción,
ya quiero Inés, ya jamón,
ya berenjenas con queso.

VI

Alega Inés su beldad,
el jamón que es de Aracena,
el queso y berenjena
la española antigüedad.

VII

Y está tan fiel en el peso
que juzgado sin pasión
todo es uno, Inés, jamón,
y berenjenas con queso.

Бальтасар дель Алькасар

I

Лишь три предмета мне желанны
И мною властвуют сполна:
Подружка Ана, ветчина
И с тертым сыром баклажаны.

II

Сначала Аною одной
Мне этот мир был озаряем:
Мне с нею он казался раем,
А без нее – кромешной тьмой.

III

Я целый год был пьян от Аны.
Но как-то раз она к вину
Мне предложила ветчину
И с тертым сыром баклажаны.

IV

И я подумал: вот те на!
Коль Ана – лакомый кусочек,
Почто ж влекут тебя, дружок,
Сыр, баклажаны, ветчина?

V

Во вкусах мы непостоянны,
И так выходит, что нужна
То Ана мне, то ветчина,
То с тертым сыром баклажаны.

VI

У Аны губы чар полны,
А ветчина – из Аресаны,
У баклажанов – несравненный
Дух андалузской старины.

VII

Вот почему, помимо Аны,
Покоя не дают и сна
Пленительная ветчина
И с тертым сыром баклажаны.

VIII

A lo menos este trato
de estos mis nuevos amores,
hará que Inés sus favores,
me los venda más barato.

IX

Pues tendrá por contrapeso
si no hiciere razón,
una lonja de jamón
y berenjenas con queso.

VIII

Такое чувство – благодать,
Поскольку Ана, из опаски
Меня лишиться, нынче ласки
Дешевле будет продавать.

IX

А я взамен за акт гуманный,
Коль это знать угодно вам,
Ветчинный окорок ей дам
И с тертым сыром баклажаны.

Перевод В. Васильева

Baltasar del Alcázar

Una cena

En Jaén, donde resido,
vive don Lope de Sosa
y diréte, Inés, la cosa
más brava de él que has oído. 5
Tenía este caballero
un criado portugués...
Pero cenemos, Inés
si te parece primero.
La mesa tenemos puesta, 10
lo que se ha de cenar junto,
las tazas del vino a punto:
falta comenzar la fiesta.
Rebana pan. Bueno está.
La ensaladilla es del cielo; 15
y el salpicón, con su ajuelo,
¿No miras qué tufo da?
Comience el vinillo nuevo
y échole la bendición; 20
yo tengo por devoción
de santiguar lo que bebo.
Franco, fue, Inés, este toque,
pero arrójame la bota;
vale un florín cada gota 25
de aqueste vinillo aloque.
¿De qué taberna se traxo?
Mas ya..., de la del Castillo
diez y seis vale el cuartillo,
no tiene vino más baxo. 30
Por nuestro Señor, que es mina
la taberna de Alcocer;
grande consuelo es tener
la taberna por vecina. 35
Si es o no invención moderna,
vive Dios que no lo sé,
pero delicada fue
la invención de la taberna.
Porque allí llego sediento, 40
pido vino de lo nuevo,
mídenlo, dánmelo, bebo,
págolo y voyme contento.
Esto, Inés, ello se alaba,
no es menester alaballo; 45
sólo una falta le hallo
que con la priesa se acaba.
La ensalada y salpicón

Бальтасар дель Алькасар

Ужин

В Хаэне у нас проживает
Некто дон Лопе де Соса.
Мы коснулись такого вопроса,
Что смешней, Инесс, не
бывает.
У него португалец лакеем
Служил, да и вдруг исчез...
Но поужинаем, Инесс,
Поболтать и после успеем.
Хочется есть до зарезу,
И хорошая ты хозяйка.
Уж в чашах вино, давай-ка,
Пора начинать трапезу.
Молодого вина – избыток,
Его я благословяю;
Я набожен и люблю
Крестить благородный
напиток.
Приступим-ка чин по чину:
Подай мне бурдюк, сестрица,
Мне красное это согдится –
За каплю дашь по флорину.
Откуда его приносят?
Ах да... из таверны «Башня»:
По десятке за четверть. Не
страшно,
Дешевле у нас не просят.
Богом клянусь, что редко
Приятней таверну найдешь;
А в общем, сладко живешь,
Когда таверна – соседка.
Старо оно или ново,
Не знаю даже примерно,
Но дивное, право слово,
Изобретенье – таверна.
Туда прихожу, алкая:
На выбор – разные вина;
Отмерят, нальют, опрокину,
Плачу – и пошел, напевая.
Можно хвалить бы вечно
Блаженство, И нес, такое,
В одном лишь вижу плохое –
Что слишком оно быстротечно.
Что нам теперь подадут?
Салат и закуски съели.
Госпожа колбаса? Неужели?
Приветствую ваш дебют!
В каком же соку и силе!

The jolly supper

In Jae'n where I'm abiding
Don Lope de Sosa dwells,
And my story, Ines, tells
Wonders past your mind's providing.
On this gentleman attended
A young squire from Portugal-
But to supper let us fall
So my hunger may be ended.
For the table is awaiting
Where together we may sup;
Forth are set the steaming cup
And the glass, no more debating,
Cut the bread, ah, what a savor!
This hors d'œuvre is Paradise!
From the salpicón arise
Odors of a heavenly flavor.
Pour the wine into the glasses
And invoke a blessing now;
Every time I drink I vow
And bless each ruby drop that passes.
That was sure a healthy portion,
Ines, pass the bottle here;
Every mouthful would appear
Worth a florin, no extortion.
In what tavern do you buy it?
From the place by the ravine;
Ten and six a measure, clean,
Fresh and good and cheap to try it.
By the Lord, it is a treasure
That Alcocer tavern wine;
Certainly, I think it's fine
To have at hand so just a measure.
Whether old or new invention,
On my faith, I do not know,
But this I see that here below
The tavern came with good intention.
For 'tis there I go a-thirsting,
Order up the newest brew,
Mixing it they serve to you.
You pay and drink yourself to bursting.
This, my Ines, is its merit,
There's no need to sing its praise
The one objection that I raise,
The fleeting joy that we inherit.
Now, the lighter dishes over,

hizo fin: ¿qué viene ahora?
 La morcilla, ¡oh gran señora,
 digna de veneración!
 ¡Qué oronda viene y qué bella! 50
 ¡Qué través y enjundia tiene!
 Paréceme, Inés, que viene
 para que demos en ella.
 Pues, sus, encójase y entre
 que es algo estrecho el camino.
 No echas agua, Inés, al vino,
 no se escandalice el vientre. 55
 Echa de lo tras añejo,
 porque con más gusto comas,
 Dios te guarde, que así tomas,
 como sabia mi consejo. 60
 Mas di, ¿no adoras y aprecias
 la morcilla ilustre y rica?
 ¡Cómo la traidora pica;
 tal debe tener de especias!
 ¡Qué llena está de piñones! 65
 Morcilla de cortesanos,
 y asada por esas manos
 hechas a cebar lechones.
 ¡Vive Dios!, que se podía
 poner al lado del Rey, 70
 puerco, Inés, á toda ley,
 que hinche tripa vacía.
 El corazón me revienta
 de placer; no sé de ti. 75
 ¿Cómo te va? Yo, por mí,
 sospecho que estás contenta.
 Alegre estoy, vive Dios:
 mas oye un punto sutil:
 ¿no pusiste allí un candil? 80
 ¿Cómo me parecen dos?
 Pero son preguntas viles;
 ya sé lo que puede ser:
 con este negro beber
 se acrecientan los candiles. 85
 Probemos lo del pichel,
 alto licor celestial;
 no es el aloquillo tal,
 no tiene que ver con el. 90
 ¡Qué suavidad! ¡Qué clareza!
 ¡Qué rancio gusto y olor!
 ¡Qué paladar! ¡Qué color!
 ¡Todo con tanta fineza!

Как стянута! Как дородна!
Сдается, Инесс, ей угодно,
Чтоб тотчас мы к ней
приступили.
Входи, кровавая, ну-тка,
Дорожка узка, осторожно...
Воду в вино? Невозможно!
Инесс, не обидь желудка!
Налей вина постарее,
Чтоб кушаньям вкусу придать;
Храни тебя Бог, не сыскать
Мне ученицы мудрее.
Еще колбасы подай-ка,
Такую бросать не дело.
Во рту прямо все сгорело –
С лучком, с чесночком,
негодяйка!
В ней есть и орешки – славно!
Чем только она не набита!
Проперчена тоже сердито.
Готовишь, сестрица, исправно.
Чувства во мне закипают
От такого блаженства. А ты?
Впрочем, твои черты
Удовольствие выражают.
Я рад, хоть шумит в голове,
Но... не думай, что я шучу:
Ты одну ведь зажгла свечу,
Почему ж их сделалось две?
Впрочем, там, где питье и еда,
Вопросов не задают:
Когда так здорово пьют,
Размножаются свечи всегда.
Попробуем тот кувшин:
Небесный в нем, знаю, ликер;
Лучшим он даст отпор
Из самых отборных вин.
Нежен-то как, прозрачен!
Приятно как горьковат!
Пряный какой аромат!
Ну до чего ж удачен!
Но на сцену выходит сыр
(Колбасу мы съели, бедняжку)
И, кажется, требует чашку,
Чтобы закончить пир.
Сыр овечий, как ты хорош!
Пою тебе гимн хвалебный;

Tell me what is coming now?
The meat-pie! blessed brow,
Worthy of such noble cover!
What a dish it is, how hollow!
What meat and luscious fat it holds !
It seems, Ines, that it unfolds
Its depths for you and ine to swallow.
But onward, onward, without question,
For straight and narrow is the road;
No more water, let the load
Of wine, Ines, invite digestion.
Pour out the three-year vintage freely,
'Twill aid your stomach in its work.
How good to see you do not shirk
But take a grown man's portion, really!
Now tell me, is it not delightful
To have a dish so fine and rare,
With all its biting flavors there,
And all its spices fresh and spiteful?
Pine-nuts in its luscious dressing
Make the brave dame's meat-pie sweet;
And roasted by her there's a treat
In suckling pig that is a blessing.
As true as heaven 'tis fit to honor
The very table of the King;
A pork, Ines, the sweetest thing
With her delicious tripe upon her!
My very heart is filled with rapture;
I don't know how it is with you,
But taking now and then a view,
You seem contentment here to capture.
Great heavens! I am full of liquor;
But I would make a sage remark ;
You brought one lamp to light the dark,
Now two before me seem to flicker.
But these are really drunken notions;
I know of course it had to be,
That with this heavy drink I'd see
The lights increasing with the potions.
Now let us try the tankard's juices,
Celestial beverage refined,
Superior to what we bind
In casks, it livelier joy produces.
What smoothness and what glassy clearness!
What taste and odor ratified!

Mas el queso sale a plaza
la moradilla va entrando,
y ambos vienen preguntando
por el pichel y la taza. 95
Prueba el queso, que es extremo,
el de Pinto no le iguala;
pues la aceituna no es mala
bien puedes bogar su remo.
Haz, pues, Inés, lo que sueles, 100
daca de la bota llena
seis tragos; hecha es la cena,
levántese los manteles.
Ya que, Inés, hemos cenado
tan bien y con tanto gusto, 105
parece que será justo
volver al cuento pasado.
Pues sabrás, Inés hermana,
que el portugués cayó enfermo... 110
Las once dan, yo me duermo;
quédese para mañana.

А вкус у маслин – волшебный.
Что, сестрица, их не берешь?
Теперь, Инесс, как обычно:
Бурдюк – и глоточков пять.
Ну, пора со стола убирать,
Мы поужинали отлично.
И поскольку с тобой на диво
Мы поели, вернуться сразу
Будет, Инес, справедливо
К прерванному рассказу.
Так слушай: тому лакею
Вздумалось вдруг
простудиться...
Бьет одиннадцать, время
ложиться;
Досказать и завтра успею.

Перевод И. Тыняновой

What touch! What color there beside
And all that makes for luscious dearness!
But now there come the cheese and berry
To take their place upon the board;
And both it seems would claim award
Of cup and tankard passing merry.
Try the cheese, the choice from many,
Quite as good as Pinto 's best;
And the olives for the rest
They can hold their own with any.
Now then, Ines, if you're able
Take six mouthfuls from the flask
There is nothing more to ask;
Clear the covers from the table.
And as we have supped and rested
To our very hearts' content
It would seem the moment meant
For the story I suggested.
'Tis a tale, Ines, to win you
For the Portuguese fell ill
Eleven striking? Wait until
Tomorrow, I'll the tale continue

Translated Thomas Walsh.

Miguel de Cervantes
Al t mulo del Rey Felipe II en Sevilla

Voto a Dios que me espanta esta
grandeza
y que diera un dobl n por describilla;
porque  a qui n no sorprende y maravilla
esta m quina insigne, esta riqueza?

Por Jesucristo vivo, cada pieza
vale m s de un mill n, y que es mancilla
que esto no dure un siglo,  oh gran
Sevilla!,
Roma triunfante en  nimo y nobleza.

Apostar  que el  nima del muerto
por gozar este sitio hoy ha dejado
la gloria donde vive eternamente.

Esto oy  un valent n, y dijo: "Es cierto
cuanto dice voac , se or soldado.
Y el que dijere lo contrario, miente."

Y luego, incontinente,
cal  el chapeo, requiri  la espada,
mir  al soslayo, fuese, y no hubo nada.

Мигель де Сервантес
На катафалк короля Филиппа II в
Севилье

Свидетель Бог, я нем; сознаться
надо,
Здесь всякий онемееет в восхищенье.
Чтоб описать сие сооруженье,
Я отдал бы червонный без досады.

Клянусь Христом, все, что доступно
взгляду,
Мильоны стоило, и, без сомненья,
Севилье в славу, Риму в
посрамленье
Столетье простоит сия громада.

Бьюсь об заклад, монарший дух,
пожалуй,
Покинул вертограды горней славы,
Чтоб насладиться этими местами.

Сие услышав, некий бравый малый
Вскричал: «Сеньор солдат, клянусь,
вы правы!
Тот подлый лжец, кто будет спорить
с вами!»

И с этими словами
Он шляпу сдвинул, огляделся лихо
И прочь пошел. И снова стало тихо.

Перевод А. Косс

Miguel de Cervantes
At the catafalque of king Philip II in Seville

I swear to God such grandeur frightens me.
I'd pay good money to describe it well;
for whom would this great structure, all this
wealth,
not hold in wonder with its awesome spell?

By Christ alive, each part of it is worth
more than a million; isn't it a shame
that it won't last a century – Great Seville! –
triumphant Rome in zeal and noble fame.

I'll bet the very soul of this here corpse
just to enjoy this spot today has quit
that heaven where he endlessly resides.

A braggart overheard these words and said:
"Oh, Mr. soldier, what you say is true.
And anyone who says it's not, he lies."

And then, quite suddenly,
he checked his sword with care, pulled down
his hat,
he looked away, moved on, and that was that.

Translated Alix Ingber

Miguel de Cervantes
A la entrada del duque de Medina en
Cádiz

Vimos en julio otra Semana Santa
atestada de ciertas cofradías,
que los soldados llaman compañías,
de quien el vulgo, no el inglés, se espanta.

Hubo de plumas muchedumbre tanta,
que en menos de catorce o quince días
volaron sus pigmeos y Golías,
y cayó su edificio por la planta.

Bramó el becerro, y púsoles en sarta;
tronó la tierra, oscurecióse el cielo,
amenazando una total ruina;

y al cabo, en Cádiz, con mesura harta,
ido ya el conde sin ningún recelo,
triunfando entró el gran duque de
Medina.

Мигель де Сервантес
На вступление герцога де
Медины в Кадис в июле 1596
года во главе войск, прошедших
подготовку в Севилье под
командованием капитана
Бесерры, и после того, как Кадис
покинули английские войска под
командованием графа Эссекса,
грабившие город в течение
двадцати четырех дней

В июле снова нам была Неделя
Страстная: страсть, какая уйма
сброду,
Но в страсть не англичанам, а
народу:
Вся рать пеклась о теле – не о деле.

А сколько перьев! Стар и млад
летели,
Как будто птичью обрели природу!
Красы подобной враг не видел
сроду,
А мы ему явить не захотели.

Взревел Бычок, бодаться стал
отважно;
Земля дрожит – быть воинской
потехе,
Померкло небо – грозная картина!

И в Кадис – не спеша, достойно,
важно, –
Когда граф Эссекс отбыл без
помехи,
Вступил с триумфом доблестный
Медина.

Перевод А. Косс

Miguel de Cervantes
On the entrance of the duke of Medina in
Cádiz

In July we saw another Holy Week
crammed full with certain confraternities –
that soldiers around here call companies –
that turn our folks, but not the English, meek.

Such a crowd of feathers loomed around,
that in barely fourteen or fifteen days
their pygmies and Goliaths flew away,
and what they'd built fell, crumbling, to the
ground.

The calf roared loud, and set them all in line;
a thunder shook the earth, the sky turned dark,
and threatened to bring everything right down;

in Cadiz, then, triumphant and refined,
with no alarm – the Count now having gone –
the great Duke of Medina entered town.

Translated Alix Ingber

Juan de Arguijo.
Al Guadalquivir

Tú, a quien ofrece el apartado polo,
hasta donde tu nombre se dilata,
preciosos dones de luciente plata
que envidia el rico Tajo y el Pactolo;

para cuya corona, como a solo
rey de los ríos, entreteje y ata
Palas su oliva con la rama ingrata
que contempla en tus márgenes Apolo;

claro Guadalquivir, si impetuoso
con crespas ondas y mayor corriente
cubrieres nuestros campos mal seguros,

de la mejor ciudad, por quien famoso
alzas igual al mar la altiva frente,
respeto humilde los antiguos muros.

Francisco de Rioja
Al Guadalquivir

Otro tiempo profundo y dilatado
te vi correr, ¡oh sacro hesperio río!
Y ya te ciñe el abrasado estío,
y tu luciente mármol seca airado.

Triste pensaba yo, nunca sobrado
sentir tal vez el ardimiento mío;
o helase al Tanais el invierno frío,
o regalase el sol su curso helado.

Pero si tú, gran lustre de Occidente,
Betis, siendo deidad, del inhumano
tiempo la ves y sientes la crudeza,

no desespero de mi ardor insano
vuelta ver en cenizas la grandeza
mientras Febo rayare en el Oriente.

**Хуан де Аргихо
Гвадалквивиру**

О ты, кому моря и океаны,
Проведав о твоей звезде счастливой,
Иным рекам на зависть и на диво
Несут свои богатства невозбранно;

Владыка вод испанских, увенчанный
Паллады благородною оливой,
Переплетенной с той лозой строптивой,
Что Аполлону светлому желанна;

О, как неистово ты затопляешь
Взбурленной, пенною волной своею
Окрестные селения с полями!

Но, подступив к Севилье, усмиряешь
Мятежный норев свой, благоговей
Перед ее старинными стенами.

Перевод Г. Кружкова

**Франсиско де Риоха
К реке Гвадалквивир**

Глубокой, полноводной и бурлящей,
Недавно любовался я тобой,
А ныне зрю: текущий мрамор твой
Жестоко иссушает зной палящий.

Так что же лучше, думаю все чаще:
Пускай над гесперийских рек красой
Свершает солнце путь свирепый свой
Иль, как над Истром, холод леденящий?

Но если лета яростного гнет,
О Бетис, гордость Западного края,
Ты терпишь, хоть и чтишься божеством,

Я, помня о величии твоём,
Уже былом, жару не проклинаяю,
Когда на горизонте Феб встает.

Перевод Л. Цивьяна

Francisco de Rioja

A Itálica

Estas ya, de la edad, canas ruinas,
que aparecen en puntas desiguales,
fueron anfiteatro, y son señales
apenas de sus fábricas divinas.

¿Oh, a cuán mísero fin, tiempo, destinas
obras que nos parecen inmortales!
Y temo, y no presumo, que mis males
así a igual fenecer los encaminas.

A este barro, que llama endureciera,
y blanco polvo humedecido atara,
¿cuánto admiró y pisó número humano!

Y ya el fausto y la pompa lisonjera
de pesadumbre tan ilustre y rara
cubre yerba, y silencio y horror vano.

Fernando de Herrera

A las ruinas de Itálica

Esta rota y cansada pesadumbre
osada muestra de soberbios pechos,
estos quebrados arcos y deshechos,
y abierto cerco de espantosa cumbre,

descubren a la ruda muchedumbre
su error ciego, y sus términos estrechos;
y sólo yo, en mis grandes males hechos,
nunca sé abrir los ojos a la lumbre.

Pienso que mi esperanza ha fabricado
edificio más firme; y aunque veo
que se derriba, sigo al fin mi engaño.

¿De qué sirve el juicio a un obstinado,
que la razón oprime en el deseo
de ver su error, y padecer más daño?

**Франсиско де Риоха
К Италике**

Повсюду зрю руины, разрушенье.
Какую скорбь внушает мне твой вид!
Амфитеатр в развалинах лежит,
И дивные повержены строенья.

Бессмертные, как мнилось нам, творенья
Седое время медленно крушит,
И жалкий сей удел меня страшит –
Меня к нему влечет невзгод теченье.

О, сколько перебивали здесь,
Ступали на расколотые плиты,
Восторга изумленного полны!

Но пышность, и величие, и спесь
Давно в былом, ковром травы укрыты.
Остался только ужас тишины.

Перевод Л. Цывьяна

**Фернандо де Эррера
Развалины Старой Севильи**

Где возвышались арки и столпы –
теперь обломков громоздится груда...
Плачевный вывод следует отсюда:
как мы в своей кичливости глупы!

Урок наглядный для тупой толпы,
погрязшего в грехах простого люда!
Лишь я, безумец, ожидаю чуда,
вконец сбиваясь с правильной тропы...

Доверившись несбыточным надеждам,
я дом в песках выстраиваю зыбких,
хоть знаю сам: моя затея – бред.

Подобно всем упрямам и невеждам,
я вижу совершенные ошибки,
но ошибаюсь вновь – себе во вред.

Перевод В. Резниченко

Francisco de Medrano

Soneto XXVI

**A las ruinas de Itálica, que ahoran
llaman Sevilla la Vieja, junto de las
quales está su eredamiento Mirarbueno**

Estos de pan llevar campos ahora,
fueron un tiempo Itálica. Este llano
fue templo. Aquí a Teodosio, allí a
Trajano
puso estatuas su patria vencedora.

En este cerco fueron Lamia y Flora
llama y admiración deel vulgo vano;
en este cerco el luchador profano
deel aplauso esperó la voz sonora.

¡Cómo feneció todo, ay!; mas erguidas,
a pesar de fortuna y tiempo, vemos
estas y aquellas piedras combatidas.

Pues si vencen la edad y los extremos
deel mal, piedras calladas y sufridas,
suframos, Amarilis, y callemos.

Francisco de Medrano

En la playa de Barcelona, volviendo de Roma

Pláceme ver el mar cuando se enoja,
y a montes de agua montes acumula,
y al experto patrón (que disimula,
prudente, su temor) puesto en congoja.

También me place verle cuando moja
la orilla malavés, y en leche adula
a quien sus culpas llevan, o su gula,
a cortejar cualquier birreta roja.

Turbio me place, y pláceme sereno;
verle seguro, digo, desde afuera,
y éste medroso ver, y éste engañado:

no porque me dé gusto el mal ajeno,
mas por hallarme libre en la ribera,
y del mar falso asaz desengañado.

Франсиско де Медрано

**На руинах Италики, ныне
именуемой Старой Севильей,
поблизости от коих находится
мое поместье «Радость очей»**

Где ныне мы проходим по полям,
Италики руины спят в молчанье:
Вот здесь народ воздвигнул
изваянья
Траяна, Феодосия, а там
Стояла Флора, а вот тут был храм;
Здесь, в цирке, слышались
рукоплесканья,
И гордый победитель состязанья
Внимал толпы ликующей хвалам.
Погибло все. Лишь кое-где доселе
Под времени безжалостной пятой
Поверженные камни уцелели.
Но коль они бессильны пред
судьбой
И коль противостать ей не сумели,
Смиримся же пред ней и мы с
тобой.

Перевод Л. Цывьяна

**Франсиско де Медрано
На берегу в Барселоне
по возвращении из Рима**

Люблю смотреть я, как за рядом
ряд
Валов громады катятся бурливо,
Когда и кормщик опытный
стыдливо,
Скрывая страх, тревожный прячет
взгляд.
Люблю, когда, лазурные, шуршат
Прибоя волны, ластясь к берегу
льстиво,
Как бы в грехах винятся торопливо
И отпущенье получить спешат.
Всегда пред морем полон
восхищенья,
Им любоваться без конца могу,
Ревет оно иль дремлет лучезарно,
Но не затем, чтоб чье-то зреть
крушенья;
Нет, здесь, на безопасном берегу,
Я вспоминаю, сколь оно коварно.

Перевод Л. Цывьяна

Francisco de Medrano

**To the ruins of Italica, now called Old
Seville, near which lie his family's estate**

These that yield up bread vast fields today,
were once Italica. This plain was shrine.
To Theodosius here, to Trajan there
raised statues their victorious fatherland.

In this precinct Lamia and Flora were
the flame and idol of the masses vain;
in this precinct the proudest warrior
the voice waited to hear of clapping hands.

How all did die, alas! but there, upright,
in spite of time and fortune, here and there,
those oft-contested stones we still can see.

If they can conquer time and the extremes
of evil, silent and long suffering stones,
we'll suffer too, my love, and silent be.

Translated Alix Ingber

**Francisco de Medrano
On the beach at Barcelona, returning from
Rome**

I love to see the ocean when it's angry,
and mountains builds of water upon mountains,
and the well-travelled pilot (who must hide,
so prudently, his fear) beset with doubt.

I also love to see it when it bathes
the shore so slightly, flattering in milk
one who is lead by guilt, or by his greed,
some scarlet Cardinal's hat to ferret out.

I love it rough, and when it is serene;
to safely see it, I say, from without,
and this man frightened see, that one deceived.

not because their ill luck pleases me,
but knowing that I'm free upon the shore,
and of the false sea finally undeceived.

Translated Alix Ingber

Rodrigo Caro
Canción a las ruinas de Itálica

Estos, Fabio, ¡ay dolor!, que ves ahora
campos de soledad, mustio collado,
fueron un tiempo Itálica famosa.
Aquí de Cipión la vencedora 5
colonia fue; por tierra derribado
yace el temido honor de la espantosa
muralla, y lastimosa
reliquia es solamente
de su invencible gente. 10
Sólo quedan memorias funerales
donde erraron ya sombras de alto
ejemplo
este llano fue plaza, allí fue templo;
de todo apenas quedan las señales. 15
Del gimnasio y las termas regaladas
leves vuelas cenizas desdichadas;
las torres que desprecio al aire fueron
a su gran pesadumbre se rindieron.
Este despedazado anfiteatro, 20
impío honor de los dioses, cuya
afrenta
publica el amarillo jaramago,
ya reducido a trágico teatro,
¡oh fábula del tiempo, representa 25
cuánta fue su grandeza y es su
estrago!
¿Cómo en el cerco vago
de su desierta arena 30
el gran pueblo no suena?
¿Dónde, pues fieras hay, está, el
desnudo
luchador? ¿Dónde está el atleta
fuerte? 35
Todo desapareció, cambió la suerte
voces alegres en silencio mudo;
mas aun el tiempo da en estos
despojos
espectáculos fieros a los ojos, 40
y miran tan confusos lo presente,
que voces de dolor el alma siente,
Aquí nació aquel rayo de la guerra,
gran padre de la patria, honor de
España, 45

Родриго Каро
Руинам Италики

Оплачем, Фабьо, сей застывший
сонно,
Увядший холм среди полей
пустынных –
Италикой в иные времена,
Колонией победной Сципиона
Была сия, сокрытая в руинах,
Суровая и славная стена,
Так сделалась она
Реликвией слепую
Печальною тропую
Герои в царство теней отошли,
Их даже память видеть перестала.
Здесь храм стоял, там площадь
клокотала,
Чей контур еле различим в пыли.
Гимназия искрошена веками,
От дивных терм остались только
камни,
А шпили башен, ранившие высь,
Ее покою вечному сдались.
Амфитеатра рухнувшие стены,
Богов жестоких славившие ране,
Унизил беспощадно желтый дрок.
В безмолвии трагической арены
Струится время, как напоминанье,
Сколь жалок давней пышности
итог.
Все поглотил песок.
Умолк народ великий,
В столетьях стихли крики.
Где тот, который на голодных львов
Шел обнаженным? Где атлет
могучий?
Здесь превращен судьбою
неминучей
В безмолвие многоголосный рев.
Но до сих пор являют нам руины
Былых ристаний страшные
картины,
И чудится душе в седых камнях
Предсмертный хрип, звучавший в
давних днях.

Rodrigo Caro
The ruins of Italica

Pabius, this region desolate and drear,
These solitary fields, this shapeless mound
Were once Italica, the far-renowned;
For Scipio the mighty planted here
His conquering colony, and now, o'erthrown,
Lie its once-dreaded walls of massive stone,
Sad relics, sad and vain
Of those invincible men
Who held the region then.
Funereal memories alone remain
Where forms of high example walked of yore.
Here lay the forum, there arose the fane
The eye beholds their places, and no more.
Their proud gymnasium and their sumptuous
baths,
Resolved to dust and cinders, strew the paths;
Their towers that looked defiance at the sky,
Fallen by their own vast weight, in fragments
lie.
This broken circus, where the rock-weeds
climb,
Flaunting with yellow blossoms, and defy
The gods to whom its walls were piled so high,
Is now a tragic theatre, where Time
Acts his great fable, spreads a stage that shows
Past grandeur's story and its dreary close.
Why, round this desert pit,
Shout not the applauding rows
Where the great people sit?
Wild beasts are here, but where the
combatants?
With his bare arms, the strong athleta where?
All have departed from this once gay haunt
Of noisy crowds, and silence holds the air.
Yet on this spot, Time gives us to behold
A spectacle as stern as those of old.
As dreamily I gaze, there seem to rise,
From all the mighty ruin, wailing cries.

The terrible in war, the pride of Spain
Trajan, his country's father, here was born;
Good, fortunate, triumphant, to whose reign
Submitted the far regions, where the morn
Rose from her cradle, and the shore whose
steeps
Overlooked the conquered Gaditanian deeps.

pío, felice, triunfador Trajano,
 ante quien muda se postró la tierra
 que ve del sol la cuna y la que baña
 el mar, también vencido, gaditano. 50
 Aquí de Elio Adriano,
 de Teodosio divino,
 de Silo peregrino,
 rodaron de marfil y oro las cunas;
 aquí, ya de laurel, ya de
 jazmines, coronados los vieron los jardines,
 que ahora son zarzales y lagunas. 55
 La casa para el César fabricada
 ¡ay!, yace de lagartos vil morada;
 casas, jardines, césares murieron,
 y aun las piedras que de ellos se escribieron.
 Fabio, si tú no lloras, pon atenta 60
 la vista en luengas calles destruidas;
 mira mármoles y arcos destrozados,
 mira estatuas soberbias que violenta
 Némesis derribó, yacer tendidas,
 y ya en alto silencio sepultados 65
 sus dueños celebrados.
 Así a Troya figuro,
 así a su antiguo muro,
 y a ti, Roma, a quien queda el nombre apenas,
 ¡oh patria de los dioses y los reyes! 70
 Y a ti, a quien no valieron justas leyes,
 fábrica de Minerva, sabia Atenas,
 emulación ayer de las edades,
 hoy cenizas, hoy vastas soledades,
 que no os respetó el hado, no la muerte, 75
 ¡ay!, ni por sabia a ti, ni a ti por fuerte.
 Mas ¿para qué la mente se derrama
 en buscar al dolor nuevo argumento?
 Basta ejemplo menor, basta el presente,
 que aún se ve el humo aquí, se ve la llama, 80
 aun se oyen llantos hoy, hoy ronco acento;
 tal genio o religión fuerza la mente
 de la vecina gente,
 que refiere admirada
 que en la noche callada 85
 una voz triste se oye que llorando,
 «Cayó Itálica», dice, y lastimosa,
 eco reclama «Itálica» en la hojosa
 selva que se le opone, resonando
 «Itálica», y el claro nombre oído 90

Здесь был рожден сын молнии
военной –
Траян, отец испанского народа,
Воитель доблестный и честь
страны,
Пред кем земля была рабой
смирной
От колыбели алого восхода
До побежденной кадикской
волны. О славные сыны, –
Здесь Адриан и Силий
И Теодосий были
Детьми: слоновая сияла кость
На колыбелях, облаченных в злато,
Жасмин и лавр венчали их когда-то
Там, где былье глухое разрослось.
Дом, сложенный для Кесаря, –
глядите, –
Сегодня гнусных ящериц укрытье.
Исчезли кесари, дома, сады
И камни, и на них имен следы.
Коль ты не плачешь, Фабью, –
долгим взглядом
Окинь умерших улиц вереницы,
Разбитый мрамор арок, алтарей,
Останки статуй, ставших жалким
сором,
Все – жертва Немезидовой десницы
Там, где безмолвье погребло царей
В столетней тьме своей.
Так Троя предо мною
Встает с ее стеною,
И Рим, чье имя только и живет
(Где божества его и властелины?!),
И плод Минервы – мудрые Афины
(Помог ли им законов честных
свод?!).
Вчера – веков соперничество, ныне
– ленивый прах в безропотной
пустыне;
Ни смерть не пощадила их, ни рок
– и мощь, и разум спят в пыли
дорог.
Но почему фантазии нейдет
Искать в былом пример для
состраданья?

Of mighty Adrian here,
Of Theodosius, saint,
Of Silius, Virgil's peer,
Were rocked the cradles, rich in gold and
 quaint
With ivory carvings, here were laurel-boughs
And sprays of jasmine gathered for then brows
From gardens now a marshy, thorny waste.
Where rose the palace, reared for Caesar,
yawn
Foul rifts to which the scudding lizards haste.
Palaces, gardens, Caesars, all are gone.
And even the stones their names were graven
on.
Fabius, if tears prevent thee not, survey

The long-dismantled streets, so thronged of
old,
The broken marbles, arches in decay,
Proud statues, toppled from their place and
rolled
In dust when Nemesis, the avenger, came,
And buried in forgetfulness profound,
The owners and their fame.
Thus Troy, I deem must be,
With many a mouldering mound;
And thou, whose name alone belongs to thee,
Rome, of old gods and kings the native
ground;
And thou, sage Athens, built by Pallas, whom
Just laws redeemed not from the appointed
doom
The envy of earth's cities once wert thou
A weary solitude and ashes now!
For Fate and Death respect ye not; they strike
The mighty city and the wise alike.
But why goes forth the wandering thought to
frame
New themes of sorrow, sought in distant lands?
Enough the example that before me stands;
For here are smoke wreaths seen, and
glimmering flame,
And hoarse lamentings on the breezes die;
So doth the mighty ruin cast its spell
On those who near it dwell.
And under night's still sky,
As awe-struck peasants tell,
A melancholy voice is heard to cry:
"Italica is fallen!" the echoes then
Mournfully shout " Italica" again.

de Itálica, renuevan el gemido
mil sombras nobles de su gran ruina:
¡tanto aún la plebe a sentimiento inclina!
Esta corta piedad que, agradecido
huésped, a tus sagrados manes debo, 95
les do y consagro, Itálica famosa.
Tú, si llorosa don han admitido
las ingratas cenizas, de que llevo
dulce noticia asaz, si lastimosa,
permíteme, piadosa usura a tierno llanto, 100
que vea el cuerpo santo
de Geroncio, tu mártir y prelado.
Muestra de su sepulcro algunas señas,
y cavaré con lágrimas las peñas
que ocultan su sarcófago sagrado;
pero mal pido el único consuelo
de todo el bien que airado quitó el cielo
Goza en las tuyas sus reliquias bellas
para envidia del mundo y sus estrellas.

И нынешних не счесть: то там, то
тут
Заблещет огонек, дымок пробьется,
То отголосок прозвучит рыданья:
Душа – видений призрачных приют
– томит окрестный люд,
Который изумленно
Вдруг слышит отзвук стона
В ночи немой – немолчный хор
кричит:
«Прощай, Италика!», и эхо плачет:
«Италика!», и это слово прячет
в листе, но и в листе оно звучит:
«Италика!» – так имя это дорогое
Италики, не ведая покоя,
В руинах повторяет теней хор...
Им сострадают люди до сих пор!
Гость благодарный, – этим славным
теням
Я краткий плач смиренно
посвящаю,
Италика, простертая во сне!
И если благосклонны к этим пеням
Останки жалкие, чьи различаю
Следы в сто крат печальной
тишине, –
Открой за это мне
В любезной благостыне
Таящийся в руине
Приют Геронсия, – направь мой
шаг
К могиле мученика и прелата,
Пусть я – слезами горестного брата
– открою этот славный саркофаг!
Но тщетно я хочу разжиться
частью
Богатств, присвоенных небесной
властью.
Владей своим богатством, дивный
храм,
На зависть всем созвездьям и
мирам!

Перевод П. Грушко

The leafy alleys of the forest round
Murmur "Italica," and all around
A troop of mighty shadows at the sound
Of that illustrious name, repeat the call
"Italica" from ruined tower and wall.

Translated William Cullen Bryant.

САЛАМАНКСКАЯ ШКОЛА

Luis de León
Oda I. Vida retirada

I

¡Qué descansada vida
la del que huye del mundanal ruido,
y sigue la escondida
senda, por donde han ido
los pocos sabios que en el mundo han sido;

II

Que no le enturbia el pecho
de los soberbios grandes el estado,
ni del dorado techo
se admira, fabricado
del sabio Moro, en jaspe sustentado!

III

No cura si la fama
canta con voz su nombre pregonera,
ni cura si encarama
la lengua lisonjera
lo que condena la verdad sincera.

IV

¿Qué presta a mi contento
si soy del vano dedo señalado;
si, en busca deste viento,
ando desalentado
con ansias vivas, con mortal cuidado?

V

¡Oh monte, oh fuente, oh río,
¡Oh secreto seguro, deleitoso!
Roto casi el navío,
a vuestro almo reposo
huyo de aqúeste mar tempestuoso.

VI

Un no rompido sueño,
un día puro, alegre, libre quiero;
no quiero ver el ceño
vanamente severo
de a quien la sangre ensalza o el dinero.

Луис де Леон

Жизнь в уединении

I

С отрадою какою
Мудрец простится с беспокойным
светом,
Чтоб тайною тропею
За избранными следом
Туда уйти, где здешний шум
неведом,

II

Где не томит забота
О превосходствах знати сановитой
И хитрая работа
Араба-златобита
В чертогах с колоннадой из
нефрита.

III

Все, что глупец ретивый
Расхваливает, не жалея пыла,
И льстец велеречивый
Возносит, мне не мило:
Нет чести в том, что правда осудила.

IV

Вниманье краснобая,
Любя покой, недорого ценю я:
Что пользы, уповая
На похвалу мирскую,
Радеть о брэнном, о живом тоскуя?

V

О кручи и криницы!
О мой приют, всем миром
позабытый!
По бурунам влачится
Мой челн полуразбитый,
Чтоб отдохнуть под вашею защитой.

VI

Счастливей, вольней, праздней,
Здесь не томлюсь доукою ночью:
Что в суеде напрасной
С надменностью смешною
Тех, кто гордится кровью и
мошною?

The Life Removed

I

How tranquil is the life
Of him who, shunning the vain world's uproar,
May follow, free from strife,
The hidden path, of yore
Chosen by the few who conned true wisdom's
lore!

II

For he, with thoughts aloof,
By proud men's great estate is not oppressed.
Nor marvels at the roof
Of gold, built to attest
The Moor's skill, that on jasper pillars rests.

III

He heeds not though fame raise
His name afar on wings of rumour flung,
He cares not for the praise
Of cunning flatterer's tongue,
Nor for what truth sincere would leave unsung.

IV

What boots it my content
That the vain voice of fame should favour me,
If in its service spent
I find myself to be
Vexed by dull care and gnawing misery?

V

O hill, O stream, O field,
O solitary refuge of delight,
Since my bark now must yield
To storm, your solace bright
I seek and flee this sea's tempestuous might.

VI

Sleep broken by no fear
Be mine, and a day clear, serene, and free,
Shunning the look severe,
Lofty exceedingly,
Of him whom gold exalts or ancestry.

VII

Despiértenme las aves
con su cantar sabroso no aprendido;
no los cuidados graves
de que es siempre seguido
el que al ajeno arbitrio está atenido.

VIII

Vivir quiero conmigo,
gozar quiero del bien que debo al cielo,
a solas, sin testigo,
libre de amor, de celo,
de odio, de esperanzas, de recelo.

IX

Del monte en la ladera,
por mi mano plantado tengo un huerto,
que con la primavera
de bella flor cubierto
ya muestra en esperanza el fruto cierto.

X

Y como codiciosa
por ver y acrecentar su hermosura,
desde la cumbre airosa
una fontana pura
hasta llegar corriendo se apresura.

XI

Y luego, sosegada,
el paso entre los árboles torciendo,
el suelo de pasada
de verdura vistiendo
y con diversas flores va esparciendo.

XII

El aire del huerto orea
y ofrece mil olores al sentido;
los árboles menea
con un manso ruido
que del oro y del cetro pone olvido.

VII

Меня рассвет тревожит
Лишь птичьей трелью
незамысловатой —
Пусть тех забота гложет,
Кто знатны и богаты,
Но мненья прочих почитают свято.

VIII

А я — как мне угодно
Живу и не страшусь косога взгляда,
От зависти свободный,
От страсти и разлада;
Что есть — мое, чужого мне не надо.

IX

Овражек под горою
Моей рукой под палисадник занят,
Там вешнею порою
Листву цветы румянят
И прочат плод, который не обманет.

X

И струйка ключевая,
Чтоб только быть с красою этой
рядом,
Клокочет, изнывая,
И пенистым каскадом
Спешит с вершины, расходясь по
грядам,

XI

Где, позабыв тревоги,
В корнях петляет умиротворенно,
Рассыпав по дороге
Лужайкою зеленой
Гвоздики, первоцвет и анемоны.

XII

Закат покоем дышит,
И ветер, все свежей и благовонней,
Так нежно лист колышет,
В масличной дремля кроне,
Что гонит мысль о золоте и троне.

VII

Me may the birds awake
With their sweet, unpremeditated song,
And those dark cares forsake
That e'er to him belong
Who lives not in his independence strong!

VIII

I to myself would live,
To enjoy the blessings that to Heaven I owe,
Alone, contemplative,
And freely love forgo,
Nor hope, fear, hatred, jealousy e'er know.

IX

Upon the bare hillside
An orchard I have made with my own hand,
That in the sweet Springtide
All in fair flower doth stand
And promise sure of fruit shows through the land.

X

And, as though swift it strove
To see and to increase that loveliness,
From the clear ridge above
A stream pure, weariless
Hurrying to reach that ground doth onward press;

XI

And straightway in repose
Its course it winds there tree and tree between,
And ever as it goes
The earth decks with new green
And with gay wealth of flowers spreads the scene.

XII

The air in gentle breeze
A myriad scents for my delight distils,
It moves among the trees
With a soft sound that fills
The mind, and thought of gold or scepter kills.

XIII

Téngase su tesoro
los que de un falso leño se confían;
no es mío ver el lloro
de los que desconfían
cuando el cierzo y el ábrego porfían.

XIV

La combatida antena
cruje, y en ciega noche el claro día
se torna, al cielo suena
confusa vocería,
y la mar enriquecen a porfía.

XV

A mí una pobrecilla
mesa de amable paz bien abastada
me basta, y la vajilla,
de fino oro labrada
sea de quien la mar no teme airada.

XVI

Y mientras miserable-
mente se están los otros abrazando
con sed insaciable
del peligroso mando,
tendido yo a la sombra esté cantando.

XVII

A la sombra tendido,
de hiedra y lauro eterno coronado,
puesto el atento oído
al son dulce, acordado,
del plectro sabiamente meneado.

XIII

Цепляться безрассудно
За лишний груз тем, кто выходит в
море:
Непрочно ваше судно
И безутешно горе,
Когда ветра между собою в споре.

XIV

Разбитый шлюп кренится;
Все выше волны; небеса все круче;
Удар, слепит зарница —
И ни просвета в туче,
И полнится добычей вал кипучий.

XV

А мне того довольно,
Что мирно пью из скромного
стакана,
Пусть роскошью застольной
За чашею чеканной
Кичится, кто не ведал урагана.

XVI

Пускай другие много-
Страдальные, пленясь неверной
долей,
Терзаются тревогой
О славе и престоле, —
Я не ищу печали и неволи

XVII

И, лавром вечно юным
Увенчанный в покое потаенном,
Веду рукой по струнам
И благодарным звоном
Встречаю ночь, сходящую по
склонам.

Перевод Б. Дубина

XIII

Treasure and gold be theirs
Who to a frail bark would entrust their life:
I envy not the cares
Of those whose fears are rife
When the north wind with south wind is at
strife.

XIV

In the storm's strain the mast
Groans, and clear day is turned to eyeless
night,
While to the skies aghast
Rise wild cries of affright
And they enrich the sea in their despite.

XV

But me may still suffice,
Rich only in meek peace, a humble fare;
And the wrought artifice
Be his of gold plate rare
Who dreads not o'er the raging sea to fare.

XVI

And while in misery
Others are pledged to fierce ambition's throng,
Afire insatiably
For power that stays not long,
May I in pleasant shade recite my song;

XVII

Yea, lying in the shade,
My brow with bay and ivy immortal crowned,
My ear attentive made
To the soft, tuneful sound
Of zither touched by fingers' skill profound.

Translated Aubrey F. G. Bell

Luis de León

Oda III. A Francisco de Salinas

Catedrático de Música de la Universidad de Salamanca

I

El aire se serena
y viste de hermosura y luz no usada,
Salinas, cuando suena
la música estremada,
por vuestra sabia mano gobernada.

II

A cuyo son divino
el alma, que en olvido está sumida,
torna a cobrar el tino
y memoria perdida
de su origen primera esclarecida.

III

Y como se conoce,
en suerte y pensamientos se mejora;
el oro desconoce,
que el vulgo vil adora,
la belleza caduca, engañadora.

IV

Traspasa el aire todo
hasta llegar a la más alta esfera,
y oye allí otro modo
de no precedera
música, que es la fuente y la primera.

V

Ve cómo el gran maestro,
aquesta inmensa cítara aplicado,
con movimiento diestro
produce el son sagrado,
con que este eterno templo es sustentado.

VI

Y como está compuesta
de números concordes, luego envía
consonante respuesta;
y entrambas a porfía
se mezcla una dulcísima armonía.

Луис де Леон
Франсиско де Салинасу

I

Сияет мир до края
И красотою полнится иною
Салинас, воскресая
Вслед за твоей струною,
Звещающей музыкою неземною.

II

От твоего искусства
Душа, уснувшая в своей темнице,
Опять приходит в чувство
И памятью стремится
К истоку, по которому томится.

III

И вслушиваясь в ноту,
Светлея мыслью и воспоминаньем,
Стирает позолоту,
Которой со стараньем
Себя и украшаем, и дурманячим.

IV

Взмывает ввысь, крылата,
Чтоб там, куда и птица б не
домчала,
Полна иного лада,
Ей музыка звучала –
Всему первопричина и начало.

V

Взгляни: Создатель мира
Касается десницей умудренной
Неизмеримой лиры,
Чей строй непревзойденный
От века держит купол небосклона.

VI

И, воплощенье меры,
В согласье отзываются на это
Расчисленные сферы,
И звук, струной пропетый,
Подхвачен в небе музыкой ответа.

Ode to Francisco Salinas

I

Serene, Salinas, grows the air
and decks itself in beauty
and unaccustomed light
when consummate music sounds
steered by your knowing hand.

II

At its divine sound my soul
that's in oblivion sunk
retrieves its sense
and lost remembrance,
illuminated by its primary source.

III

And as it knows itself,
its fate and thoughts improve;
and it ignores the gold
the blinded mob adores,
fleeting beauty that deceives.

IV

It goes beyond all air,
reaching the highest sphere,
and thereupon it hears
music of another mode,
imperishable, primordial.

V

It sees how the great master,
plying the immense cither,
with deft stroke brings forth
the sacred music that upholds
this everlasting temple.

VI

And since composed of numbers
in accord, it sends at once
a consonant response,
and both then mingling vie
in sweetest harmony.

VII

Aquí la alma navega
por un mar de dulzura, y finalmente
en él así se anega
que ningún accidente
estraño y peregrino oye o siente.

VIII

¡Oh, desmayo dichoso!
¡Oh, muerte que das vida! ¡Oh, dulce olvido!
¡Durase en tu reposo,
sin ser restituido
jamás a aqueste bajo y vil sentido!

IX

A este bien os llamo,
gloria del apolíneo sacro coro,
amigos a quien amo
sobre todo tesoro;
que todo lo visible es triste lloro.

X

¡Oh, suene de contino,
Salinas, vuestro son en mis oídos,
por quien al bien divino
despiertan los sentidos
quedando a lo demás amortecidos!

VII

Душа по вольной глади
Скользит, забыв, что есть тщета
мирская,
И тонет в той отраде,
Где смута никакая
Не захлестнет, соблазном увлекая.

VIII

О смерти мощь живая!
О забытью, дарующее счастье!
Цари, не уставая,
Чтобы над нами власти
Вовек не знали гибельные страсти.

IX

Прислушайтесь к священной
Кифаре Аполлона, заклинаю,
Друзья (мой круг бесценный,
И лучшего не знаю!):
Юдоль печалей – наша жизнь
земная.

X

Пусть ноет сердце, слыша,
Салинас, дивную твою цевницу,
Чтобы по звуку свыше
Для блага пробудиться
Забывшимся в пожизненной
темнице!

Перевод Б. Дубина

VII

Here upon a sea of sweetness
the soul sails, absorbed
at length to such degree
it neither hears nor feels
whatever's alien or strange.

VIII

O blessed swoon! O life-
bestowing death! O sweet oblivion!
Would that I could linger
in your bliss and never be restored
to this lower, viler sense.

IX

Glory of Apollo's sacred choir,
I call you to this rapture,
friends I love
above all treasure,
for all the rest is but sad plaint.

X

O let your strains ring
always in my ears, Salinas,
by which my senses wake
to heavenly good
while to all else they stay asleep.

Translated Michael Smith

Luis de León
Oda VIII. Noche serena
A Don Loarte

I

Cuando contemplo el cielo
de innumerables luces adornado,
y miro hacia el suelo
de noche rodeado,
en sueño y en olvido sepultado,

II

el amor y la pena
despiertan en mi pecho un ansia ardiente;
despiden larga vena
los ojos hechos fuente;
Loarte y digo al fin con voz doliente:

III

“Morada de grandeza,
templo de claridad y hermosura,
el alma, que a tu alteza
nació, ¿qué desventura
la tiene en esta cárcel baja, oscura?”

IV

¿Qué mortal desatino
de la verdad aleja así el sentido,
que, de tu bien divino
olvidado, perdido
sigue la vana sombra, el bien fingido?

V

El hombre está entregado
al sueño, de su suerte no cuidando;
y, con paso callado,
el cielo, vueltas dando,
las horas del vivir le va hurtando.

VI

¡Oh, despertad, mortales!
Mirad con atención en vuestro daño.
Las almas inmortales,
hechas a bien tamaño,
¿podrán vivir de sombra y de engaño?

Луис де Леон
Ясная ночь
Дону Лоарте

I

Когда порой взгляну я
На высь в ее торжественном
свеченье
И нашу жизнь земную,
Под сумрачною сенью
Предавшуюся сну и сновиденью,

II

Огонь тоски и страсти
Томит мне сердце, жаром обдавая;
Струятся слезы счастья,
Как влага ключевая,
И я, Лоарте, с мукою взываю:

III

«Приют великолепья,
Блистающая храмина ночная,
К чему в постыдном склепе
Душа, тебе родная,
Заключена, сияния не зная?

IV

Зачем нам вековечно
От истины к обману влечься надо,
Спешить, простясь беспечно
С небесною отрадой,
За жалким дымом, ложною
наградой?

V

О будущем не тужат
Сыны земли в пожизненной
дремоте,
А звезды мерно кружат,
И в их бессменном лете
За часом час бегут в круговороте.

VI

Так сбросьте наважденье,
Считите цену вашего урона:
Не знающего тленья
И для небес рожденной
Душой ловить весь этот морок
сонный?

Night of stars

I

When I behold the sky
With stars innumerable sprangled bright
And then the Earth descry
Encompassed with night
Buried in sleep, oblivion infinite,

II

Sorrow and love arise
And with a burning fever fill my breast,
And ever from mine eyes
The tears flow without rest,
Till my tongue speaks at length, by grief oppressed:

III

O dwelling of great might,
Temple of lovely light incomparable,
My soul that to thy height
At birth aspired, what spell
Doth in this dark, low prison-house compel?

IV

What mortal folly thus
From truth's possession can remove our sense,
So that oblivious
Of thy blest gifts, it thence
Strays and seeks tinselled joys and vain pretence?

V

Man lives imprisoned
In sleep and recks not of his destiny
While still with silent tread,
At Heaven's swift decree,
Hour after hour his life doth from him flee.

VI

Ah mortal men awake
And turn your thoughts intent upon your loss!
Shall souls divine forsake
Such blessings for the cross
Of life unreal and dull delusion's dross?

VII

¡Ay, levantad los ojos
aquesta celestial eterna esfera!
burlaréis los antojos
de aquesa lisonjera
vida, con cuanto teme y cuanto espera.

VIII

¿Es más que un breve punto
el bajo y torpe suelo, comparado
con ese gran trasunto,
do vive mejorado
lo que es, lo que será, lo que ha pasado?

IX

Quien mira el gran concierto
de aquestos resplandores eternos,
su movimiento cierto
sus pasos desiguales
y en proporción concorde tan iguales;

X

la luna cómo mueve
la plateada rueda, y va en pos della
la luz do el saber llueve,
y la graciosa estrella
de amor la sigue reluciente y bella;

XI

y cómo otro camino
prosigue el sanguinoso Marte airado,
y el Júpiter benino,
de bienes mil cercado,
serena el cielo con su rayo amado;

XII

—rodéase en la cumbre
Saturno, padre de los siglos de oro;
tras él la muchedumbre
del reluciente coro
su luz va repartiendo y su tesoro—:

VII

Так воспарите взглядом
 К бессмертной сфере, горней и
 прекрасной:
 Что могут значить рядом
 Все страхи, все соблазны
 Неверной жизни в суете напрасной?

VIII

Не миг ли скоротечный
 Весь этот мир наш, мрачный и
 постылый,
 В сравненье с твердью вечной,
 Где льют огонь светила,
 Являя все, что будет, есть и было?

IX

Кто, видя их круженье
 В немеркнущем строю многоочитом
 И мерное скольжение
 По вековым орбитам,
 На взгляд – раздельным, но в
 согласье слитым,

X

Где, вслед за колесницей
 Луны скользя надмирной высотой,
 Свет мудрости лучится
 С искрящейся звездой
 Любви, такую дивно-золотую,

XI

А за звездой – кровавый
 И хмурый Марс торопится к
 победам,
 Юпитер в блеске славы
 Плышет за ними следом,
 Всех одежая благосклонным светом,

XII

А там – обильем пыша,
 Сатурн над миром рассеивает золото,
 Отец хлебов, а выше –
 Созвездий рой крыльчатый
 Струит лучи и расточает клады, –

VII

O skyward lift your eyes,
 Unto this heavenly eternal sphere!
 And you will then despise
 The vain delights that here
 Offers our life, its every hope and fear;

VIII

Petty, if we compare
 The fleeting span of this low earthly scene
 With that great region where
 In noblest forms are seen
 What is and what shall be and what hath been.

IX

Who sees the eternal fires
 With fixed laws move on their heavenly way,
 How each with each conspires:
 Uneven their array,
 Yet, varying, they one ordered scheme obey;

X

How in the moon's clear train,
 As she her silver sphere doth onward move,
 Goes light of wisdom's rain,
 And, gleaming there above,
 Follows, serenely fair, the star of love.

XI

But blood-red angry Mars
 Choses unto himself another way,
 While, girt with thousand stars,
 Jupiter, clear alway,
 Benignly calms the heavens with his loved ray;

XII

And yonder in the height
 Whirls Saturn, father of the Age of Gold,
 And after him the bright
 Stars in fair choir enrolled
 Their light and all their treasures still unfold;

XIII

¿quién es el que esto mira
y precia la bajeza de la tierra,
y no gime y suspira
y rompe lo que encierra
el alma y destos bienes la destierra?

XIV

Aquí vive el contento,
aquí reina la paz; aquí, asentado
en rico y alto asiento,
está el Amor sagrado,
de glorias y deleites rodeado.

XV

Inmensa hermosura
aquí se muestra toda, y resplandece
clarísima luz pura,
que jamás anochece;
eterna primavera aquí florece.

XVI

¡Oh campos verdaderos!
¡Oh prados con verdad frescos y amenos!
¡Riquísimos mineros!
¡Oh deleitosos senos!
¡Repuestos valles, de mil bienes llenos!”

XIII

Кто, видя это чудо,
В слезах и столах землю не отринет?
Кто, всей душой отсюда
Рванувшись, не покинет
Тюрьму, в которой без надежды
стынет?

XIV

Там нет беды и боли,
Там правит мир, там пышно
восседа
На золотом престоле,
Царит Любовь святая,
Даря отрадой, славой награждая,

XV

Там красоту от зренья
Ничто не скроет, там, над
крутизною,
Чистейшее горенье
Не застит мглой ночью,
Там все цветет бессрочно весною.

XVI

О верные долины,
О мирный луг, росой освеженный!
О щедрые глубины,
О сладостное лоно,
Нездешних благ источник
просветленный!»

Перевод Б. Дубина

XIII

Who may all this descry
And pleasure still in this vile Earth retain,
Who will not groan and sigh
To rive the imprisoning chain
Wherein, exiled from Heaven, his soul has
lain?

XIV

Lo here dwells sweet content,
Peace reigns, and on a rich and lofty throne
Sits holy love, and blent
Together in its zone
Delight and honour are evermore at one.

XV

Here beauty infinite
Unveils itself, and light, quintessence pure,
Transparent gleams: no night
Its radiance may obscure,
Spring's flowered splendour here is ever sure.

XVI

O fields of truth most fair!
O meadows verily ever fresh and bright,
Mines full of riches rare!
O fountains of delight!
Deep valleys with a thousand blessings dight!

Translated Aubrey F. G. Bell

Luis de León
Oda X.
A Felipe Ruiz

I

¿Cuándo será que pueda,
libre desta prisión volar al cielo,
Felipe, y en la rueda,
que huye más del suelo,
contemplar la verdad pura sin duelo?

II

Allí a mi vida junto,
en luz resplandeciente convertido,
veré distinto y junto
lo que es y lo que ha sido,
y su principio propio y escondido.

III

Entonces veré cómo
la soberana mano echó el cimiento
tan a nivel y plomo,
dó estable y firme asiento
posee el pesadísimo elemento.

IV

Veré las inmortales
columnas do la tierra está fundada;
las lindes y señales
con que a la mar hinchada
la Providencia tiene aprisionada;

V

por qué tiembla la tierra;
por qué las hondas mares se embravecen,
dó sale a mover guerra
el cierzo, y por qué crecen
las aguas del Océano y descrecen;

VI

de dó manan las fuentes;
quién ceba y quién bastece de los ríos
las perpetuas corrientes;
de los helados fríos
veré las causas, y de los estíos;

VII

las soberanas aguas
del aire en la región quién las sostiene;
de los rayos las fraguas,
dó los tesoros tiene
de nieve Dios, y el trueno dónde viene.

**Луис де Леон
Фелипе Руису**

I

Когда же на свободе,
Фелипе, к небу воспарить смогу я
И в звездном хороводе,
Стряхнувши пыль мирскую,
Постигну въяве истину нагую?

II

Увижу то сиянье,
В котором блещут – розно и едино! –
Моих земных скитаний
Начало, и кончина,
И общей жизни тайная причина.

III

Увижу зданье мира,
Что Бог возвел, всеильною
десницей
Кладя по нивелиру,
Чтобы любой частице
На верном основанье утвердиться;

IV

И вечные колонны –
Опоры, на каких земля восстала;
Границы и препоны,
Которые для шквала
Морского Провиденье начертало;

V

Что сушу сотрясает,
Что распаляет море в сече бранной;
Откуда норд вползает,
Толкая неустанно
Вставать и падать воды океана;

VI

И что поит криницы,
И отчего течение речное
То никнет, то ярится,
И кто причиной зноя,
Его сменяя стужей ледяною;

VII

Кто, влагой тучи полня,
Путь открывает ливню грозовому
И где горнила молний,
Где снежные укромы
И те края, откуда катят громы?

Ode to Felipe Ruiz

I

When from this prison drear,
Philip, may I take flight into the sky,
And in the farther sphere,
Pure truth without concealment may descry?

II

In my new life elate,
Converted into light of radiant sheen,
At one and separate,
What is and what hath been,
Shall I see and its true origin unseen.

III

There 'twill be mine to see
How the divine power the foundations laid
With such skilled accuracy
That stable, undismayed,
Earth's heaviest element therein is stayed;

IV

And there shall I behold
The pillars that prop Earth everlastingly,
The boundary-marks that hold
In check the angry sea,
In prison fixed for it by Heaven's decree;

V

Why the Earth trembles, why
The waters of the deep sea rage and swell,
The north wind comes, what spell
Causes the Ocean waves to ebb and well;

VI

Where rise the crystal springs,
And who to the great rivers' ceaseless flow
Their store of water brings;
Of icy cold and snow
And summer heat the causes I shall know;

VII

Who in the air sustains
Water on high, the forge of lightning flash,
The dwelling of the rains
Shall I see, and now God's lash
Furls the treasured snow, and whence the thunders
crash.

VIII

¿No ves cuando acontece
turbarse el aire todo en el verano?
El día se ennegrece,
sopla el gallego insano,
y sube hasta el cielo el polvo vano;

IX

y entre las nubes mueve
su carro Dios, ligero y reluciente;
horrible son conmueve,
relumbra fuego ardiente,
treme la tierra, humíllase la gente;

X

la lluvia baña el techo;
invían largos ríos los collados;
su trabajo deshecho,
los campos anegados,
miran los labradores espantados.

XI

Y de allí levantado,
veré los movimientos celestiales,
ansí el arrebatado
como los naturales,
las causas de los hados, las señales.

XII

Quién rige las estrellas
veré, y quién las enciende con hermosas
y eficaces centellas;
por qué están las dos Osas
de bañarse en el mar siempre medrosas.

XIII

Veré este fuego eterno,
fuente de vida y luz, dó se mantiene;
y por qué en el invierno
tan presuroso viene,
quien en las noches largas se detiene.

XIV

Veré sin movimiento
en la más alta esfera las moradas
del gozo y del contento,
de oro y luz labradas,
de espíritus dichosos habitadas.

VIII

Так летнею порою,
Ты помнишь, буря налетит, бывает,
И галисиец, роя
Дорожный прах, взвывает
И пыль до неба черную взвывает;

IX

И, рассекая тучи,
Спешит, сверкая, Божья колесница,
Рокочет гром гнетущий,
Колотятся зарницы,
Земля дрожит, и люд в домах
теснится;

X

Бегут ручьи по скатам,
Потоки пенятся по буеракам,
А в поле непожатом
Перед постигшим крахом
Крестьяне озираются со страхом.

XI

Над суетой земною
Увижу звезд круговорот высокий;
Сроднившись с крутизною,
Познаю наши сроки
И смертных судеб вехи и истоки.

XII

Увижу, кто светила
Зажег и кем орбиты их вершатся,
Чья воля так судила,
Что в море погружаться
Созвездия Медведицы страшатся;

XIII

Где бытия и света
Родник таится – ясный пламень
вечный,
Куда уходит лето
От нас так скоротечно,
Сменяясь зимней ночью
бесконечной;

XIV

И где – небес вершина
И чистых душ обитель и отрада –
Приют несокрушимый
Спокойствия и лада
Стоит в огне сияния и злата.

Перевод Б. Дубина

VIII

Look, on a summer day
When through the air a veil of grey is thrust,
Day's face grows dark in play
Of mad north-west wind's gust,
And lightly to the sky is whirled the dust;

IX

God moves amid the cloud,
Guiding his aery chariot swift and bright,
With dreadful thunder loud
And flashing fire's light:
Men bow themselves, Earth trembles in affright.

X

The roofs are washed with rain,
And rushing streams pour down from all the hills:
At his lost labour vain
And peasant's heart dismayed amazement fills.

XI

And thence uplifted, I
The motions shall behold of lofty Heaven,
All that moves naturally
And that by force is driven,
And to the signs and fates what cause is given;

XII

And who the stars inspires
And kindles with a beauty radiant, clear,
Their Great and Little Bear
To bathe themselves in Ocean ever fear

XIII

I shall see where the sun,
The light and fountain of our life, abides,
Why is so swiftly run
His course of wintertides,
And why in the long nights his ray he hides;

XIV

Yea, in the highest sphere
Those dwellings of delight shall I behold:
Motionless they appear,
Fashioned of light and gold,
The mansions that the spirits blest enfold.

Translated Aubrey F. G. Bell

Luis de León
Oda XIII. De la vida del cielo

I

Alma región luciente,
prado de bienandanza, que ni al hielo
ni con el rayo ardiente
fallece; fértil suelo,
produtor eterno de consuelo:

II

de púrpura y de nieve
florida, la cabeza coronado,
y dulces pastos mueve,
sin honda ni cayado,
el Buen Pastor en ti su hato amado.

III

Él va, y en pos dichosas
le siguen sus ovejas, do las pace
con inmortales rosas,
con flor que siempre nace
y cuanto más se goza más renace.

IV

Y dentro a la montaña
del alto bien las guía; ya en la vena
del gozo fiel las baña,
y les da mesa llena,
pastor y pasto él solo, y suerte buena.

V

Y de su esfera, cuando
la cumbre toca, altísimo subido,
el sol, él sesteando,
de su hato ceñido,
con dulce son deleita el santo oído.

VI

Toca el rabel sonoro,
y el inmortal dulzor al alma pasa,
con que envilece el oro,
y ardiendo se traspasa
y lanza en aquel bien libre de tasa.

VII

¡Oh, son! ¡Oh, voz! Siquiera
pequeña parte alguna decendiese
en mi sentido, y fuera
de sí la alma pusiese
y toda en ti, ¡oh, Amor!, la convirtiese,

The heavenly home

I

Region of light eterne,
Sweet field, whose plenteous store love's garner fills,
The which no heat may burn,
No frost untimely kills,
Whose balmy fragrance heavenly peace distills!

II

See, in those pleasant meads,
His bright locks garlanded with flowers of spring,
How the Good Shepherd leads,
And, without crook or sling,
To pastures green His well-loved flock doth bring.

III

And as He gently leads
Behold the happy sheep behind Him going!
These with fair flowers He feeds,
Roses for ever blowing,
And, as they gather them, forever growing.

IV

And now unto the mountain
Of high perfection these, His sheep, He guides,
Now bathes them in the fountain,
Wherein pure joy abides;
Pastor and pasture, He alone provides.

V

When, traveling towards the west,
The Sun stands midway in the heavenly sphere,
He takes His noontide rest,
His loved ones gathering near,
And with sweet song delights the holy ear.

VI

And happiness untold
Possess them that listen to His lyre,
And poor seems earthly gold
As, filled with sacred fire,
He lifts the enraptured spirit ever higher.

VII

O music, that at least
But some few notes might reach me from above,
And that the Soul's pure feast
Might every stain remove,
And make her one with Thee, O God of love!

VIII

conocería dónde
sesteas, dulce Esposo, y, desatada
de esta prisión adonde
padece, a tu manada
viviera junta, sin vagar errada.

Oda XVIII. En la ascensión

I

¿Y dejas, Pastor santo,
tu grey en este valle hondo, oscuro,
con soledad y llanto;
y tú, rompiendo el puro
aire, ¿te vas al inmortal seguro?

II

Los antes bienhadados,
y los agora tristes y afligidos,
a tus pechos criados,
de ti desposeídos,
¿a dó convertirán ya sus sentidos?

III

¿Qué mirarán los ojos
que vieron de tu rostro la hermosura,
que no les sea enojos?
Quien oyó tu dulzura,
¿qué no tendrá por sordo y desventura?

IV

Aqueste mar turbado,
¿quién le pondrá ya freno? ¿Quién
concierto
al viento fiero, airado?
Estando tú encubierto,
¿qué norte guiará la nave al puerto?

V

¡Ay!, nube, envidiosa
aun deste breve gozo, ¿qué te aquejas?
¿Dó vuelas presurosa?
¡Cuán rica tú te alejas!
¡Cuán pobres y cuán ciegos, ay, nos dejas!

VIII

Then would she dwell in peace
With Thee, sweet Spouse, and e'en as one new born,
Gain from the flesh release,
No more imprisoned mourn,
Nor wander far from Thee as one forlorn.

Translated Ida Farnell

The Ascension

I

O Shepherd, dost Thou leave
Thy flock in this deep vale of tears obscure
In loneliness to grieve,
While Thou to Heaven's refuge sure
Ascendest through the air serene and pure?

II

They who before were blest
And now are wrapped in sadness and in grief,
Who leaned upon Thy breast,
In Thee all their belief,
Where without Thee may they now seek relief?

III

What shall their eyes behold
Who looked upon the beauty of Thy face
That shall not leave them cold?
After Thy lips' sweet grace
What will not worthless seem to them and base?

IV

Who now the raging sea
Shall curb or unto silent peace allay
The winds' wild revelry?
Without Thy guiding ray
What star shall steer the ship upon its way?

V

Even of this brief delight,
Cruel and envious cloud, dost thou complain?
How rich is now thy gain!
How poor and blind are we who here remain!

Translated Aubrey F. G. Bell

Francisco de la Torre
La Cierva

I

Doliente cierva, que el herido lado
de ponzoñosa y cruda yerba lleno,
buscas el agua de la fuente pura,
con el cansado aliento que en el seno
bello de la corriente sangre hinchado,
débil y decaída tu hermosura;
¡ay!, que la mano dura
que tu nevado pecho
ha puesto en tal estrecho,
gozosa va con tu desdicha cuando
cierva mortal, viviendo, estás penando
tu desangrado y dulce compañero,
el regalado y blando
pecho pasado del veloz montero.

II

Vuelve, cuitada, vuelve al valle donde
queda muerto tu amor, en vano dando
términos desdichados a tu suerte.
Morirás en su seno, reclinando
la beldad, que la cruda mano esconde
delante de la nube de la muerte.
Que el paso duro y fuerte,
ya forzoso y terrible,
no puede ser posible
que le excusen los cielos, permitiendo
crudos astros que muera padeciendo
las asechanzas de un montero crudo
que te vino siguiendo
por los desiertos de este campo mudo.

III

Mas, ¡ay!, que no dilatas la inclemente
muerte, que en tu sangriento pecho llevas,
del crudo amor vencido y maltratado;
tú con el fatigado aliento pruebas
a rendir el espíritu doliente
en la corriente de este valle amado.
Que el ciervo desangrado,
que contigo la vida,
tuvo por bien perdida,
no fue tampoco de tu amor querido
que habiendo tan cruelmente padecido
quisieras vivir sin él, cuando pudieras
librar el pecho herido
de crudas llagas y memorias fieras.

Франсиско де ла Торре

Лань

I

Страдающая лань с открытой раной,
Испачканной землею и травой, ты ищешь
воду чистого истока
И дышишь сдавленно, клонясь головой
На грудь, залитую струей багряной;
Красу твою унижить – много ль прока!
Стократ рука жестока,
Спешащая проткнуть
Белеющую грудь,
Рука, которой боль твоя – услада,
Когда твой нежный друг, твоя отрада,
Вовеки не поднимется с земли –
Застывшая громада,
Чью грудь ножи охотничьи нашли.

II

Вернись, вернись в долину, к той поляне,
Где друг твой гиб, чтоб ты спаслась в лесу,
Не знал он, что и ты – над бездной черной.
Ты принесешь ему свою красу,
Чтобы забыться в роковом тумане,
Что наслан грубою рукой проворной.
Уже на круче горной
Вовек не зазвучит
Привольный гул копыт,
Вам отказали небеса в защите,
И звезды были глухи к вам в зените,
Дозволив, чтобы злой простолюдин
Творил кровопролитье,
Гоня безвинных среди немых равнин.

III

Но – право! – не кропи кровавым соком
Траву из раненой твоей груди,
Страданьем и любовью истомленной.
Ты, бегом изнуренная, приди
К ручью, чтоб сломленный твой дух
потоком
Омыть, что рассекает дол зеленый.
Олень окровавленный,
Чью жизнь затмила мгла,
Чтоб ты спастись могла, –
Признайся, не был он любим тобою,
И раз он пал, чтоб ты была живою, –
Живи и тем ему любезной будь,
Чтобы тоской слепую
И острой болью не терзало грудь.

IV

Cuando por la espesura deste prado
como tórtolas solas y queridas,
solos y acompañados anduvisteis;
cuando de verde mirto y de floridas
violetas, tierno acanto y lauro amado,
vuestras frentes bellísimas ceñistes;
cuando las horas tristes,
ausentes y queridos,
con mil mustios bramidos
ensordecisteis la ribera umbrosa
del claro Tajo, rica y venturosa
con vuestro bien, con vuestro mal sentida
cuya muerte penosa
no deja rastro de contenta vida.

V

Agora el uno, cuerpo muerto lleno
de desdén y de espanto, quien solía
ser ornamento de la selva umbrosa;
tú, quebrantada y mustia, al agonía
de la muerte rendida, el bello seno
agonizando, el alma congojosa;
cuya muerte gloriosa,
en los ojos de aquellos
cuyos despojos bellos
son victorias del crudo amor furioso,
martirio fue de amor, triunfo glorioso
con que corona y premia dos amantes
que del siempre rabioso
trance mortal salieron muy triunfantes.

VI

Canción, fábula un tiempo, y caso agora,
de una cierva doliente, que la dura
flecha del cazador dejó sin vida,
errad por la espesura
del monte que de gloria tan perdida
no hay sino lamentar su desventura.

IV

Где дни, когда на солнечных полянах,
Как нежные в разлуке голубки,
Вы порозну в лесной глуши бродили,
Пушистым лбом касаясь у реки
Фиалок, мирта, сочных трав и лилий!
Увы, навек уплыли
Те дни, когда ваш зов
Был тяготой лугов,
Печалю дол, богатый и счастливый,
Где Тахо, ясный и неторопливый,
Бежал, призывы трубные ловив,
Доколе мглой тоскливой
Смерть не затмила благодатных нив.

V

Уже недвижимо оленя тело,
В нем ужас воплощен, хотя оно
Еще вчера чащобу украшало.
И ты, чье сердце ужаса полно,
В агонии смыкаешь взор устало,
Затмение настало,
Уже вас смерть свела,
И дивные тела –
Желанная добыча алчной страсти –
Любовью вечной венчаны в несчастье,
Ее венец – награда беглецам,
В ее верховной власти
И в смерти дать победу двум сердцам.

VI

Напев, чей замысел словами стал,
О лани, павшей от жестоких жал
Ловца, чье сердце не смягчила жалость,
Среди лесов и скал, –
Лети, напев, а мне рыдать осталось:
Был славы свет, но мрак его застлал!

Перевод П. Грушко

Francisco de la Torre
Soneto XX

¡Cuántas veces te me has engalanado,
clara y amiga Noche! ¡Cuántas, llena
de oscuridad y espanto, la serena
mansedumbre del cielo me has turbado!

Estrellas hay que saben mi cuidado,
y que se han regalado con mi pena;
que entre tanta beldad, la más ajena
de amor, tiene su pecho enamorado.

Ellas saben amar, y saben ellas
que he contado su mal llorando el mío,
envuelto en los dobleces de tu manto.

Tú, con mil ojos, Noche, mis querellas
oye, y esconde; pues mi amargo llanto
es fruto inútil que al amor envío.

Франсиско де ла Торре

Ты вновь надела черный свой наряд,
Ночь нежная, укрыв меня молчаньем,
И небеса таинственным мерцаньем
Меня опять тревожат и томят.

И звезды, что на небесах горят,
Моим внимают песням и стенаньям:
Под совершенным, светлым одеяньем
Им души жжет любви извечный яд.

Им ведома любовь, и звезды знают,
Что, плача над своей судьбой, их муки
Поведал я, закутанный в твой плащ.

О ночь стооокая, бесследно тают
В тебе мои слова и горький плач –
До слуха милой не дойдут их звуки.

Перевод Л. Цывьяна

РЕЛИГИОЗНО-МИСТИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

Anónimo

Soneto a Cristo crucifado

No me mueve, mi Dios, para quererte
el cielo que me tienes prometido,
ni me mueve el infierno tan temido
para dejar por eso de ofenderte.

Tú me mueves, Señor, muéveme el verte
clavado en una cruz y escarnecido,
muéveme ver tu cuerpo tan herido,
muévenme tus afrentas y tu muerte.

Muéveme, en fin, tu amor, y en tal
manera,
que aunque no hubiera cielo, yo te amara,
y aunque no hubiera infierno, te temiera.

No me tienes que dar porque te quiera,
pues aunque lo que espero no esperara,
lo mismo que te quiero te quisiera.

Аноним

Сонет распятому Христу

Ты мной любим, Господь, не по причине,
Что в рай стремлюсь к обещанным наградам,
Не по причине страха перед адом,
Где платятся обидчики святыни.

Но оттого, что вижу я донныне
Тебя приговоренным и распятым,
И тело вижу, отданное катам,
И смертный пот, и труп на крестовине.

И мне любить завещано от Бога,
Не будь награды, с той же самой силой,
Не будь расплаты, с тою же виною.

Такой любви не надобно залога,
И если бы надежду погасило,
Моя любовь не стала бы иною.

Перевод А. Гелескула

To Christ on the Cross

I am not moved, my God, to give you love
by thoughts of heaven that you've promised
me;
nor am I moved by thoughts of dreaded hell
for that alone, to cease offending thee.

You are what moves me, Lord; I'm moved to
see
you on a cross and mocked with every breath;
I'm moved to see your body racked with
wounds;
I'm moved by your affronts and by your death.

I'm moved, in sum, by love for you so great
that I would love you were not heaven there,
and I would fear you, if there were no hell.

You need give me no prize to love you thus,
for even if what I hope I hoped not,
as I now love you I would love you still.

Translated Alix Ingber

I am not moved to love you, O my Lord,
By promises of Heaven's recompense,
Nor moved to cease my causing you offence
By ceaseless dread of Hell's condign reward.

You move me, Lord; I'm moved to see your breath
Hammered to a cross, and ruthlessly derided;
I'm moved to see your body badly grided,
The shame and scorn you shoulder; and your death.

I'm moved, well, by your love, to love you so,
That I should love you, shone no light above;
And I should fear you, stormed no flames below.
You do not have to give to have my love;

Had I no move to hope as I now do,
As I now love, so would I still love you.

Translated Michael Haldane

San Juan de la Cruz
La noche oscura

I

En una noche oscura,
con ansias en amores inflamada,
(¡oh dichosa ventura!)
salí sin ser notada,
estando ya mi casa sosegada.

II

A oscuras y segura,
por la secreta escala disfrazada,
(¡oh dichosa ventura!)
a oscuras y en celada,
estando ya mi casa sosegada.

III

En la noche dichosa,
en secreto, que nadie me veía,
ni yo miraba cosa,
sin otra luz ni guía
sino la que en el corazón ardía.

IV

Aquésta me guiaba
más cierta que la luz del mediodía,
adonde me esperaba
quien yo bien me sabía,
en parte donde nadie parecía.

V

¡Oh noche que me guiaste!,
¡oh noche amable más que el alborada!,
¡oh noche que juntaste
amado con amada,
amada en el amado transformada!

VI

En mi pecho florido,
que entero para él solo se guardaba,
allí quedó dormido,
y yo le regalaba,
y el ventalle de cedros aire daba.

Saint John of the Cross
The Obscure Night of the Soul

I

Upon an obscure night
Fevered with love in love's anxiety
(O hapless-happy plight!),
I went, none seeing me,
Forth from my house where all things be.

II

By night, secure from sight,
And by the secret stair, disguisedly,
(O hapless-happy plight!)
By night, and privily,
Forth from my house where all things quiet be.

III

Blest night of wandering,
In secret, where by none might I be spied
Nor I see anything;
Without a light or guide,
Save that which in my heart burnt in my side.

IV

That light did lead me on,
More surely than the shining of noontide,
Where well I knew that one
Did for my coming bide;
Where He abode, might none but He abide.

V

O night that didst lead thus,
O night more lovely than the dawn o light,
O night that broughtest us,
Lover to lover's sight,
Lover with loved in marriage of delight!

VI

Upon my flowery breast
Wholly for Him, and save Himself for none,
There did I give sweet rest
To my beloved one;
The fanning of the cedars breathed thereon.

Saint John of the Cross
It was the darkest night

I

Once in the dark of night,
When love's consuming flames enraptured me,
Oh, fate of sweet delight!
I slipped out silently,
And left my house at peace when none could
see.

II

In darkness and secure,
I climbed my secret stairway to the skies,
Oh, fate joyous and pure!
Unseen and in disguise
I left my house at peace to softly rise.

III

That night my soul took wing,
When no one saw or knew my hidden flight,
I did not see a thing,
And had no guide or light,
Save that which in my heart was burning bright.

IV

The light that guided me,
More surely than the scorching noonday sun,
Led where impatiently
Waited a loving one
In a small refuge where he stood a line.

V

Oh, night, most holy guide,
Oh, night, more tender than the dawn's embrace,
Oh, night, that unified
Two lovers face to face
Transforming Bride to Bridegroom in that place.

VI

Within my flowering breast,
Which whole and safe for Him alone I kept,
He came with me to rest,
And while in quiet he slept
The cedars fanned him as I softly stepped.

VII

El aire de la almena,
cuando yo sus cabellos esparcía,
con su mano serena
en mi cuello hería,
y todos mis sentidos suspendía.

VIII

Quedéme y olvidéme,
el rostro recliné sobre el amado,
cesó todo, y dejéme,
dejando mi cuidado
entre las azucenas olvidado.

VII

When the first moving air
Blew from the tower and waved His looks
aside,
His hand, with gentle care,
Did wound me in the side,
And in my body all my senses died.

VIII

All things I then forgot,
My cheek on Him who for my coming came;
All ceased, and I was not,
Leaving my cares and shame
Among the lilies, and forgetting them.

Translated Arthur Symons

VII

The wind from the redoubt
Blew off the stones and scattering his hair
Its hand reached out
Serene and bare
To strike me down and leave me senseless
there.

VIII

Forgetting all I strayed,
My face upon the Loved One was inclined;
The world stood still, I prayed,
All cares to Him consigned,
And in the field of lilies lost to mind

Translated John A. Crow

San Juan de la Cruz
La noche oscura

I

En una noche oscura,
con ansias en amores inflamada,
(¡oh dichosa ventura!)
salí sin ser notada,
estando ya mi casa sosegada.

II

A oscuras y segura,
por la secreta escala disfrazada,
(¡oh dichosa ventura!)
a oscuras y en celada,
estando ya mi casa sosegada.

III

En la noche dichosa,
en secreto, que nadie me veía,
ni yo miraba cosa,
sin otra luz ni guía
sino la que en el corazón ardía.

IV

Aquésta me guiaba
más cierta que la luz del mediodía,
adonde me esperaba
quien yo bien me sabía,
en parte donde nadie parecía.

V

¡Oh noche que me guiaste!,
¡oh noche amable más que el alborada!,
¡oh noche que juntaste
amado con amada,
amada en el amado transformada!

VI

En mi pecho florido,
que entero para él solo se guardaba,
allí quedó dormido,
y yo le regalaba,
y el ventalle de cedros aire daba.

Saint John of the Cross
The Obscure Night of the Soul

I

Once in the dark of night
when love burned bright with yearning, I arose
(O windfall of delight!)
and how I left none knows
dead to the world my house, in dull repose;

II

in the dark, where all goes right,
by means of a secret ladder, other clothes
(O windfall of delight!)
in the dark, and hid from those
dead to the world my house, in dull repose.

III

There in the lucky dark,
none to observe me; darkness far and wide;
no sign for me to mark,
no other light, no guide
except for my heart - the fire, the fire inside!

IV

That led me on
true as the very noon is – truer too!
to where there waited one
I knew – how well I knew! –
in a place where no one was in view.

V

O dark of night, my guide!
night dearer than anything all your dawns
discover!
O night drawing side to side
the loved and lover -
she that the lover loves, lost in the lover!

VI

On blossoms of my breast
kept for his pleasure garden, his alone,
the lover was sunk in rest;
I cherishing my own
there in air from plumes of the cedar blown.

VII

El aire de la almena,
cuando yo sus cabellos esparcía,
con su mano serena
en mi cuello hería,
y todos mis sentidos suspendía.

VIII

Quedéme y olvidéme,
el rostro recliné sobre el amado,
cesó todo, y dejéme,
dejando mi cuidado
entre las azucenas olvidado.

VII

Air from the castle wall,
as my hand in his hair moved lovingly at play,
let cool fingers fall
and it seared me where they lay!
All senses in oblivion drift away.

VIII

I stayed there, quite forgot me,
my forehead on the lover I reclined,
earth ending so. Was not me,
left all my care behind
among the lilies falling and out of mind.

Translated John Frederick Nims

San Juan de la Cruz
La noche oscura

I

En una noche oscura,
con ansias en amores inflamada,
(¡oh dichosa ventura!)
salí sin ser notada,
estando ya mi casa sosegada.

II

A oscuras y segura,
por la secreta escala disfrazada,
(¡oh dichosa ventura!)
a oscuras y en celada,
estando ya mi casa sosegada.

III

En la noche dichosa,
en secreto, que nadie me veía,
ni yo miraba cosa,
sin otra luz ni guía
sino la que en el corazón ardía.

IV

Aquésta me guiaba
más cierta que la luz del mediodía,
adonde me esperaba
quien yo bien me sabía,
en parte donde nadie parecía.

V

¡Oh noche que me guiaste!,
¡oh noche amable más que el alborada!,
¡oh noche que juntaste
amado con amada,
amada en el amado transformada!

VI

En mi pecho florido,
que entero para él solo se guardaba,
allí quedó dormido,
y yo le regalaba,
y el ventalle de cedros aire daba.

Сан Хуан де ла Крус (Иоанн Креста)
Темная ночь

I

Невидимой для взгляда,
С тоской, любовью в сердце
разожженной,
О мука и отрада! —
Я ночью потаенно
Покинула свой дом непробужденный.

II

От брэнного наряда
Освобожденной и преображенной, —
О мука и отрада! —
От взгляда огражденной,
Покинула я дом непробужденный.

III

Отрадной ночью тою,
За темнотою других не различая
И скрыта темнотою,
Без вехи и луча я
Шла, жарким сердцем путь свой
освещая.

IV

Оно мой шаг несмелый
Вело верней полдневного сиянья
К пустынному пределу,
Где ждал, томя и раня,
Кого везде узнала бы заране.

V

О мрак, огонь дорожный!
Мрак, что желанней яркого светила!
О мрак, приют надежный
Для Милого и милой,
Где с Милым милую в одно сплотило!

VI

Там на благоуханной
Груди, что для него лишь сберегала,
Уснул мой долгожданный,
А я его ласкала,
И волновалось кедров опахало.

Сан Хуан де ла Крус (Иоанн Креста)
Темная ночь души

I

В ночи неизреченной,
сжигается любовью и тоскою -
о жребий мой блаженный! -
я вышла стороною,
когда мой дом исполнился покоя.

II

В ночи благословенной
я лестницей спустилась потайною -
о жребий мой блаженный! -
окутанная тьмою,
когда мой дом исполнился покоя.

III

Ночною тьмой хранима,
таясь, я никого не повстречала
и я была незрима,
а путь мне освещала
любовь, что в сердце у меня
пылала.

IV

Любовь сия светлее,
чем солнце в полдень, путь мне
озаряла.
Я шла, ведома ею,
к тому, кого я знала,
в безлюдный край, где встречи
ожидала.

V

О ночь, нежней рассвета!
О ночь, что провожатой мне
служила!
О ночь благая эта,
что с Милым обручила
и в Жениха Невесту облачила!

VI

И в сердце, что незримо
лишь для него цветенье сберегало,
лежал он недвижимо
и я его ласкала.
Нам кедров ветвь прохладу
даровала.

VII

El aire de la almena,
cuando yo sus cabellos esparcía,
con su mano serena
en mi cuello hería,
y todos mis sentidos suspendía.

VIII

Quedéme y olvidéme,
el rostro recliné sobre el amado,
cesó todo, y dejéme,
dejando mi cuidado
entre las azucenas olvidado.

VII

И веянье покоя,
Когда по милым прядям я скользила,
Бестрепетной рукою
С неведомою силой
Меня внезапно в сердце поразило.

VIII

Забылась я, затмилась,
Склонясь над Милым и забыв
унынье,
И больше не томилась,
Теряясь в белом крине
На благодатной горней луговине.

Перевод В. Васильева

VII

Там, под зубчатой сенью,
его волос касалась я несмело,
а ветра дуновенье
крылом меня задело
и чувствам всем умолкнуть повелело.

VIII

В тиши, в самозабвенье
я над своим Возлюбленным
склонилась,
и все ушло. Мученье,
которым я томилась,
среди лилий белоснежных
растворилось.

Перевод Л. Винаровой

San Juan de la Cruz
Cantar del alma que se huelga
de conoscer a Dios por fe

I

Que bien sé yo la fonte que mana y corre
aunque es de noche.

II

Aquella eterna fonte está escondida,
que bien sé yo do tiene su manida,
aunque es de noche.

III

Su origen no lo sé, pues no le tiene,
mas sé que todo origen della viene,
aunque es de noche.

IV

Sé que no puede ser cosa tan bella,
y que cielos y tierra beban della,
aunque es de noche.

V

Bien sé que suelo en ella no se halla,
y que ninguno puede vadealla,
aunque es de noche.

VI

Su claridad nunca es escurecida,
y sé que toda luz della es venida,
aunque es de noche.

VII

Sé ser tan caudalosas sus corrientes,
que infiernos, cielos riegan, y las gentes,
aunque es de noche.

VIII

El corriente que nace desta fuente
bien sé que es tan capaz y tan potente,
aunque es de noche.

IX

El corriente que de estas dos procede
sé que ninguna de ellas le precede,
aunque es de noche.

Saint John of the Cross
Song of the soul rejoicing in the knowledge
of God by faith

I

How well I know the fount that freely flows
Although 'tis night!

II

The eternal fount its source has never show'd.
But well I know wherein is its abode,
Although 'tis night!

III

Its origin I know not—it has none:
All other origins are here begun,
Although 'tis night!

IV

I know that naught beside can be so fair,
That heav'ns and earth drink deep refreshment
there,
Although 'tis night!

V

Well know I that its depths can no man plumb
Nor, fording it, across it hope to come,
Although 'tis night!

VI

Never was fount so clear, undimm'd and
bright:
From it alone, I know, proceeds all light,
Although 'tis night!

VII

Rich are its streams and full - this know I well;
They water nations, heav'ns and depths of hell,
Although 'tis night!

VIII

Yea, more I know: the stream that hence
proceeds,
Omnipotent, suffices for all needs,
Although 'tis night!

IX

From fount and stream another stream forth
flows
And this, I know, as powerful as those –
Although 'tis night!

Saint John of the Cross
Song of the soul that is glad to know God by
faith

I

How well I know that fountain's rushing flow
Although by night

II

Its deathless spring is hidden. Even so
Full well I guess from whence its sources flow
Though it be night.

III

Its origin (since it has none) none knows:
But that all origin from it arose
Although by night.

IV

I know there is no other thing so fair
And earth and heaven drink refreshment there
Although by night

V

Full well I know its depth no man can sound
And that no ford to cross it can be found
Though by night.

VI

Its clarity unclouded still shall be:
Out of its comes the light by which we see
Though by night.

VII

Flush with its banks the stream so proudly
swells;
I know its waters, nations, heavens, and hells
Though by night.

VIII

The current that is nourished by this source
I know to be omnipotent in force
Although by night.

IX

From source and current a new current swells
Which neither of the other twain excels
Though by night.

X

Aquesta Eterna fuente está escondida
en este vivo pan por darnos vida,
aunque es de noche.

XI

Aquí se está llamando a las criaturas
porque desta agua se harten aunque a oscuras,
porque es de noche.

XII

Aquesta viva fuente que deseo
en este pan de vida yo la veo,
aunque es de noche.

X

The eternal fount is hidden in living bread,
That we with life eternal may be fed,
Although 'tis night!

XI

Here to all creatures it is crying hark!
That they should drink their fill though in the
dark,
For it is night.

XII

This living fount which is to me so dear
Within the bread of life I see it clear
Although 'tis night!

Translated by E. Allison Peers

X

The eternal source hides in the Livyng Bread
That we with life eternal may be fed
Though by night.

XI

Here to all creatures is crying, hark!
That they should drink their fill though in the
dark,
For it is night.

XII

This living fount which is to me so dear
Within the bread of life I see it clear
Though it be night!

Translated by Roy Campbell

San Juan de la Cruz
Cantar del alma que se huelga
de conoscer a Dios por fe

I

Que bien sé yo la fonte que mana y corre
aunque es de noche.

II

Aquella eterna fonte está ascondida,
que bien sé yo do tiene su manida,
aunque es de noche.

III

Su origen no lo sé, pues no le tiene,
mas sé que todo origen della viene,
aunque es de noche.

IV

Sé que no puede ser cosa tan bella,
y que cielos y tierra beban della,
aunque es de noche.

V

Bien sé que suelo en ella no se halla,
y que ninguno puede vadealla,
aunque es de noche.

VI

Su claridad nunca es escurecida,
y sé que toda luz della es venida,
aunque es de noche.

VII

Sé ser tan caudalosas sus corrientes,
que infiernos, cielos riegan, y las gentes,
aunque es de noche.

VIII

El corriente que nace desta fuente
bien sé que es tan capaz y tan potente,
aunque es de noche.

IX

El corriente que de estas dos procede
sé que ninguna de ellas le precede,
aunque es de noche.

Сан Хуан де ла Крус (Иоанн Креста)
Источник

I

Как сладостно мне знать источник,
бегущий
во тьме этой ночи!

II

Сей вечный источник от взора
таится,
но знаю я дол, где он тихо струится
во тьме этой ночи.

III

В ночи этой темной, что жизнью
зовется,
блажен тот, кто с верой сей влаги
коснется,
во тьме этой ночи.

IV

Начало берут в нем все сущие реки,
его же начала не сыщешь вовеки
во тьме этой ночи.

V

Собой красоту затмевая люблю,
он поит небесную твердь и земную
во тьме этой ночи.

VI

Текут его воды, исполняясь
прохлады,
и нет им предела, и нет им преграды
во тьме этой ночи.

VII

Хрусталь этих вод никогда не
затмится,
но свет всей земле в них от века
родится
во тьме этой ночи.

VIII

Чисты и светлы, орошают те воды
и землю, и ад, и небесные своды
во тьме этой ночи.

IX

Великий поток сей источник
рождает,
и он, всемогущий, препоны сметает
во тьме этой ночи.

Сан Хуан де ла Крус (Иоанн Креста)
Песнь души

I

Я знаю ключ, без устали бегущий,
Хоть мрак все гуще.

II

Тот вечный ключ от зренья таится,
Но знаю лог, в котором он струится,
Хоть мрак все гуще.

III

Во мраке, обступившем человека,
Я знаю: ключ — моя звезда и вежа,
Хоть мрак все гуще.

IV

Не знаю, где у той струи начало,
Но нет начал, каких бы ни вмещала,
Хоть мрак все гуще.

V

Я знаю: нет ей равных красотою
И все, что есть, поимо влагой тою,
Хоть мрак все гуще.

VI

И знаю: этих вод исчерпать нечем,
Не пересечь их шагом человеческим,
Хоть мрак все гуще.

VII

Нет той струи прозрачней и яснее,
И знаю: свет одной природы с нею,
Хоть мрак все гуще.

VIII

Я знаю: не иссякнуть ей, объемля
И рай, и преисподнюю, и землю,
Хоть мрак все гуще.

IX

И знаю, что поток, ключом
рожденный,
Царит над всем, вовек не
превзойденный,
Хоть мрак все гуще.

X

Aquesta Eterna fuente está escondida
en este vivo pan por darnos vida,
aunque es de noche.

XI

Aquí se está llamando a las criaturas
porque desta agua se harten aunque a oscuras,
porque es de noche.

XII

Aquesta viva fuente que deseo
en este pan de vida yo la veo,
aunque es de noche.

X

В нем облик троих, воедино
слиянный,
и каждый сияет, другим осиянный
во тьме этой ночи.

XI

Сей вечный источник от взора
таится,
но в хлеб животворный для нас
превратится
во тьме этой ночи.

XII

Тот хлеб вечносущий питает
созданья,
их глад утоляя во мраке страданья,
во тьме этой ночи.

XIII

И вечный источник, без коего
стражду,
сим хлебом живым утолит мою
жажду
во тьме этой ночи.

Перевод А. Винаровой

X

Я знаю: два лица потоком этим
Сопряжены, увенчанные третьим,
Хоть мрак все гуще.

XI

И знаю, что бежит вода живая,
Где три — одно, друг другу жизнь
давая,
Хоть мрак все гуще.

XII

Тот вечный ключ, от зренья
сокровенный,
И есть наш хлеб, насущный и
нетленный,
Хоть мрак все гуще.

XIII

И зов его из глуби слышит каждый,
К нему влекомый потаенной
жаждой,
Хоть мрак все гуще.

XIV

Тот ключ живой мы ищем и
обрящем
В нетленном хлебе, нас
животворящем,
Хоть мрак все гуще.

Перевод В. Васильева

San Juan de la Cruz
Super flumina Babylonis
salmo 136

Encima de las corrientes
que en Babilonia hallava
allí me senté llorando
allí la tierra regava 5
acordándome de ti
¡o Sión! a quien amava
era dulce tu memoria,
y con ella más llorava.
Dexé los traxes de fiesta 10
los de trabaxo tomava
y colgué en los verdes sauzes
la música que llevaba
puniéndola en esperança 15
de aquello que en ti esperava.
Allí me hyrió el amor
y el corazón me sacava.
Díxele que me matase
pues de tal suerte llagava 20
yo me metía en su fuego
sabiendo que me abrasava
desculpando el avezica
que en el fuego se acababa
estávame en mí muriendo 25
y en ti solo respirava
en mí por ti me moría
y por ti resucitava
que la memoria de ti 30
daba vida y la quitava.
Gozábanse los estraños
entre quien cautivo estava.
Preguntávanme cantares
de lo que en Sión cantava 35
–Canta de Sión un hynno
veamos cómo sonava.
–Dezid, ¿cómo en tierra ajena
donde por Sión llorava
cantaré yo la alegría 40
que en Sión se me quedava?
Echaríala en olbido
si en la ajena me gozava.
Con mi paladar se junte 45

**Сан Хуан де ла Крус (Иоанн Креста)
На реках вавилонских**

Здесь, на реках вавилонских,
ныне сижу и рыдаю,
землю изгнанья слезами
я что ни день орошаю.
Здесь, о Сион мой, с любовью
я о тебе вспоминаю
и чем блаженнее память,
тем я сильнее страдаю.
Снял я одежды веселья,
ризу скорбей надеваю,
ныне повесил на вербу
арфу, на коей играю;
мне ж остается надежда,
что на Тебя возлагаю.
Ранен любовью, в разлуке
с сердцем своим пребываю
и, умоляя о смерти,
руки к Тебе простираю.
Бросился я в это пламя -
жгучий огонь его знаю
и, уподобившись птице,
в этом огне погибаю.
Я, умерев в своем сердце,
только в Тебе оживаю,
ради Тебя умирая,
ради Тебя воскресаю;
в воспоминаньях теряю
жизнь, и ее обретаю.
Жизнью своей убиваем,
я всякий день умираю,
ибо она разлучает
с Тем, кого я призываю.
Радуются иноземцы,
что в их плену изнываю
и на их тщетную радость
я безучастно взираю.
Просят они моих песен,
что о Сионе слагаю:
"Спой,- говорят - гимн Сиона!"
Я же, скорбя, отвечаю:
"Как же в долине изгнанья,
плача по отчему краю,
буду петь песни веселья,
в коих Сион прославляю? "
Радость чужую отверг я,

**Saint John of the Cross
By the waters of Babylon
Psalm 136**

Over the flowing streams
That in Babylon I found
There I sat and wept
There I watered the ground,
Remembering you
O Zion! whom I loved.
The sweeter your memory
The more it made me cry.
I cast off my festive clothes.
Donned my working garments,
And hung upon a green willow
The music of my laments,
In exchange for the hope
Of all I hoped was in you.
There love wounded me,
And there my heart was lost.
I begged love to kill me.
Since he wounded me so deeply.
And I leaped into the fire,
Knowing I would burn completely.
Thus excusing the little moth
For burning in the flame.
To myself I was thus dying.
While inhaling from you new breath,
For you in me I was dying
And for you once more I revived,
For by remembering you
Life was given and taken away.
(I was dying to die
This my life was killing me.
For as long as it would last
It deprived me of your sight.)
Strangers were glad while
They were my captors.
(I wondered if they were blind,
Deceived by their joy.)
They would ask me for songs
I used to sing in Zion:
"Sing a song from Zion,
Let's hear how it sounds,"
"Tell me how, in exile.
Where I cry for Zion,
Can I sing the joy
That in Zion I left?"
I would be forgetting

la lengua con que hablava
si de ti yo me olvidare
en la tierra do morava.
Sión por los verdes ramos 50
que Babilonia me dava
de mí se olvide mi diestra
que es lo que en ti más amava
si de ti no me acordare
en lo que más me gozava 55
y si yo tuviere fiesta
y sin ti la festejava.
¡O hija de Babilonia
mísera y desventurada!
Bienaventurado era 60
aquel en quien confiava
que te a de dar el castigo
que de tu mano llevaba
y juntará sus pequeños
y a mí, porque en ti esperava
a la piedra que era Christo
por el qual yo te dexaba.

Debetur soli gloria vera Deo

верность своей сохраняю.
Пусть онемееет язык мой,
коим тебя воспеваю,
если тебя я забуду
здесь, где в плену пребываю,
если на хлеб Вавилона
я свой Сион променяю.
Пусть я утрачу десницу,
ту, что к груди прижимаю,
если тебя я не вспомню
с каждым глотком, что вкушаю,
если отпраздновать праздник
я без тебя пожелаю.
Горе, о дочь Вавилона,
гибель тебе возвещаю!
Будет прославлен вовеки
Тот, к Кому ныне взываю,
Тот, Кто вернет тебе кару,
что от тебя принимаю!
Пусть соберет Он сих малых,
ибо в плену уповаю
я на твердыню Христову
и Вавилон покидаю.

Debetur soli gloria vera Deo.
(Истинная слава подобает
только Богу, лат.)

Перевод Л. Винаровой

If made happy in a strange land May the
tongue of my speech
Cling to my palate.
If I ever forget you
In this land where I suffer.
Zion, by the green branches
That Babylon gave me,
Let my right arm forget me,
I loved them most when free,
If I would not remember you,
In what I enjoyed most,
And if I celebrate a feast day
Without memory of you.
O daughter of Babylon,
Miserable, doomed!
He was blessed
In whom I set my trust,
And you will receive the punishment.
He received at your hand.
He will gather the little ones
And me, those you forced to weep.
Around the rock, who is Christ
And for whom I had to leave

Debetur soli gloria vera Deo.

Translated by Antonio T. de Nicolás.

**San Juan de la Cruz
Llama de amor viva**

¡Oh llama de amor viva
que tiernamente hieres
de mi alma en el más profundo centro!
Pues ya no eres esquivada
acaba ya si quieres,
¡rompe la tela de este dulce encuentro!

¡Oh cauterio suave!
¡Oh regalada llaga!
¡Oh mano blanda! ¡Oh toque delicado
que a vida eterna sabe
y toda deuda paga!
Matando, muerte en vida has trocado.

¡Oh lámparas de fuego
en cuyos resplandores
las profundas cavernas del sentido,
que estaba oscuro y ciego,
con extraños primores
color y luz dan junto a su querido!

¡Cuán manso y amoroso
recuerdas en mi seno
donde secretamente solo moras,
y en tu aspirar sabroso
de bien y gloria lleno,
cuán delicadamente me enamoras!

**Сан Хуан де ла Крус (Иоанн
Креста)
Огонь любви нетленной**

Огонь любви нетленной!
Владей душой моею,
Томи ее. Отрадны мне страдания.
Не угасая денно
И ночью, поскорее
Сожги препону нашему свиданью!

О сладостные раны!
Для вас открыт я настажь.
О добрая рука! Ты указуешь
Душе эдем желанный.
Мой каждый долг ты платишь,
И даже смерть ты в жизнь
преобразуешь.

Светильник мой! Ты недра
Сознания озаряешь,
И верен путь мой в озаренье этом.
О столп огня! Ты щедро
И чутко одаряешь
Избранника своим огнем и светом.

Небес посланец дивный,
Предвестник благодати!
Лишь ты живешь в груди моей
смятенной.
На голос твой призывный
Я в трепете объятий
Ступаю, полн любви неизреченной.

Перевод В. Васильева

**Saint John of the Cross
Flame of Living Love**

O flame of living love,
That dost eternally
Pierce through my soul with so consuming
heat,
Since there's no help above,
Make thou an end of me,
And break the bond of this encounter sweet.

O burn that burns to heal!
O more than pleasant wound!
And O soft hand, O touch most delicate,
That dost new life reveal,
That dost in grace abound,
And, slaying, dost from death to life translate!

O lamps of fire that shined
With so intense a light
That those deep caverns where the senses live,
Which were obscure and blind,
Now with strange glories bright,
Both heat and light to His beloved give!

With how benign intent
Rememberest thou my breast,
Where thou alone abidest secretly;
And in thy sweet ascent,
With glory and good possessed,
How delicately thou teachest love to me!

Translated Arthur Symons

**Song of the soul in intimate
communication of union with God's love**

O flame of living love,
that at its deepest centre
wounds now my soul with tenderness!
Since you no more remove,
end then, if you intend to;
tear now the veil of mutual sweetness!

O cautery so sweet!
O wound's caress!
O soothing hand! O delicate the touching,
that signals life complete,
pays every debt,
changes death to life in its ending!

O fiery light,
in whose resplendencies
deep caves of purest feeling,
that once were eyeless night,
with rarest beauties
shed warmth and light on the loving.

How lovingly, how gently
you return now to my breast
where you live all secret and alone
and filled with virtue's glory
how your sweetest breath
delicately pierces to the bone!

Translated A.S.Kline

San Juan de la Cruz
El pastorchico

Un pastorcico solo está penado
ageno de plazer y de contento
y en su pastora puesto el pensamiento
y el pecho del amor muy lastimado.

No llora por averle amor llagado
que no le pena verse así affligido
aunque en el corazón está herido
mas llora por pensar que está olvidado.

Que sólo de pensar que está olvidado
de su vella pastora con gran pena
se dexa maltratar en tierra agena
el pecho del amor mui lastimado!

Y dize el pastorcito: ¡Ay desdichado
de aquel que de mi amor a hecho
ausencia
y no quiere gozar la mi presencia
y el pecho por su amor muy lastimado!

Y a cavo de un gran rato se a encumbrado
sobre un árbol do abrió sus braços vellos
y muerto se a quedado asido dellos
el pecho del amor muy lastimado.

**Сан Хуан де ла Крус (Иоанн Креста)
Младой пастух**

Младой пастух скорбит в тоске
безгласной.
Он устремился, чуждый развлечениям,
к своей пастушке каждым
помышленьем,
и грудь его больна любовью страстной.

Не потому он плачет, что напрасной
своей любовью уязвлен глубоко,
но оттого страдает он жестоко,
что позабыт пастушкой прекрасной.

И, позабыт пастушкой прекрасной,
он терпит эти тяжкие мученья,
чужой земли приемлет поношенья,
и грудь его больна любовью страстной.

И говорит пастух: «О я, несчастный!
Ведь ей теперь любовь моя постыла!
Она меня навеки позабыла
и я томлюсь любовью этой страстной!»

И вот, истерзан мукой ежечасной,
однажды он на дерево поднялся
и за руки повешенным остался
и грудь его больна любовью страстной

Перевод Л. Винаровой

Saint John of the Cross

Once a sad young shepherd
Alone and in distress,
Fixed his mind upon his love,
A fair young shepherdess.

He did not weep from love's pains
Because his heart was sore,
Nor from self-pity; but because
She thought of him no more.

That he had been forgotten
Caused him greater pain.
His shepherdess had left him
In sorrow to remain

In some foreign country.
Where men filled with hate
Wounded more that loving heart
And left him desolate.

Then the shepherd cried aloud
Unhappy shall he be
Who caused her to be absent
And keeps my love from me!

No longer does she seek me
Or need to have me near,
Or care that my heart suffers
If she my love forswear.

Translated Kathleen Jones

КУЛЬТЕРАНИЗМ

Luis de Góngora

Cosas, Celalba mía, he visto extrañas:
cascarse nubes, desbocarse vientos,
altas torres besar sus fundamentos,
y vomitar la tierra sus entrañas;

duras puentes romper, cual tiernas cañas,
arroyos prodigiosos, ríos violentos,
mal vadeados de los pensamientos,
y enfrenados peor de las montañas;

los días de Noé, gentes subidas
en los más altos pinos levantados,
en las robustas hayas más crecidas.

Pastores, perros, chozas y ganados
sobre las aguas vi, sin forma y vidas,
y nada temí más que mis cuidados.

Luis de Góngora

De un caminante enfermo que se enamoró donde fue hospedado

Descaminado, enfermo, peregrino,
en tenebrosa noche, con pie incierto
la confusión pisando del desierto,
voces en vano dio, pasos sin tino.

Repetido latir, si no vecino,
distinto, oyó de can siempre despierto,
y en pastoral albergue mal cubierto,
piedad halló, si no halló camino.

Salió el Sol, y entre armiños escondida,
soñolienta beldad con dulce saña
salteó al no bien sano pasajero.

Pagará el hospedaje con la vida;
más le valiera errar en la montaña
que morir de la suerte que yo muero.

Луис де Гонгора

Моя Сельальба, мне примнился ад:
Вскипали тучи, ветры бушевали,
Свои основы башни целовали,
И недра извергали алый смрад.

Мосты ломались, как тростинки в град,
Ручьи рычали, реки восставали,
Их воды мыслям брода не давали,
Дыбась во мраке выше горных гряд.

Дни Ноя, – люди, исторгая стоны,
Карабкались на стройных сосен кроны
И кряжистый обременяли бук.

Лачуги, пастухи, стада, собаки,
Смешавшись, плыли мертвенно во мраке...
Но это ли страшней любовных мук!

Перевод П. Грушко

Больной и одинокий в глухомани,
с дороги сбившись в сумраке
ночном,
скиталец бедный брёл с большим
трудом,
напрасно звал, ища тропу в тумане.
Вдруг слышит он собаки завыванье,
её бессонным голосом ведом,
прибрёл скиталец наш в пастуший
дом,
взамен пути найдя приют в
блужданье.

Наутро та, что кутала свой сон
в мех горностая, нежностью
проворной
в полон сумела хворого забрать.
За сей приют заплатит жизнью он.
Уж лучше бы скитаться в чаще
горной,
чем этой смертной хворью
захворать.

Перевод П. Грушко

Things, Celalba mine, have I seen strange:
the sundering of clouds, winds swear and
shout,
high towers their foundations bend to kiss,
the earth its very bowels vomit out;

sturdy bridges break, like tender reeds,
prodigious streams, fierce rivers swelled by
rain,
poorly traversed by ingenuity,
by mountains even worse their surge restrained;

the days of Noah, people perched atop
the tallest pine trees that approach the sky,
the strong beech trees in their enormity.

Shepherds, dogs, herd animals and huts
I saw afloat, with neither form nor life,
and I feared nothing but my misery.

Translated Alix Ingber

Luis de Góngora Concerning an ailing wayfarer who fell in love where he was lodged

Misguided, suffering, itinerant
in gloomy night, with indecisive foot
the labyrinth traversing of the wilds,
he called in vain, his steps at random took.

Repeated barking, if not close at hand,
at least distinct, he heard of wakeful dog,
and in a shepherd's cottage, poorly thatched,
compassion found, if not the way he sought.

The sun rose, and beneath her ermine cloak,
a sleepy beauty with sweet savagery
ambushed the traveler so beset with ills.

His lodging he will pay for with his life;
he'd have been better off roaming the hills
than dying in the manner that I die.

Translated Alix Ingber

Luis de Góngora
Infiere, de los achaques de la vejez,
cercano el fin, a que católico se alienta

En este occidental, en este, oh Licio,
climatérico lustro de tu vida,
todo mal afirmado pie es caída,
toda fácil caída es precipicio.

¿Caduca el paso? Ilústrese el juicio.
Desatándose va la tierra unida;
¿qué prudencia del polvo prevenida
la ruina aguardó del edificio?

La piel, no sólo, sierpe venenosa,
mas con la piel los años se desnuda,
y el hombre, no. ¡Ciego discurso humano!

¡Oh aquel dichoso, que la ponderosa
porción depuesta en una piedra muda,
la leve da al zafiro soberano!

Luis de Góngora
Al excelentísimo señor el Conde-Duque

En la capilla estoy y condenado
a pasar sin remedio de esta vida.
Siento la causa aún más que la partida,
por hambre expulso como sitiado.

Culpa ha sido el ser yo tan desdichado;
mayor, de condición ser encogida.
De ellas me acuso en esta despedida,
y partiré a lo menos confesado.

Examine mi suerte el hierro agudo,
que a pesar de sus filos me prometo
alta piedad de vuestra excelsa mano.

Ya que mi encogimiento ha sido mudo,
los números, señor, de este soneto
lengua sean y lágrimas no en vano.

Луис де Гонгора
О старческом измождении,
когда близится конец, столь
вожделенный
для католика

На склоне жизни, Лиций, не забудь,
Сколь грозно семилетий оскуденье,
Когда любой неверный шаг -
паденье,
Любое из падений - в бездну путь.

Дряхлеет шаг? Зато яснее суть.
И все же, ощутив земли гуденье,
Не верит дом, что пыль -
предупрежденье
Руин, в которых дом готов уснуть.
Змея не только сбрасывает кожу,
Но с кожей - оболочку лет, в
отличье
От человека. Слеп его поход!
Блажен, кто, тяжкую оставив ношу
На стылом камне, легкое обличье
Небесному сапфиру отдает!
Перевод П. Грушко

Луис де Гонгора
Наисиятельнейшему графу-
герцогу

В часовне я, как смертник
осужденный,
Собрался в путь, пришел и мой
черед.
Причина мне обидней, чем исход, –
Я голодаю, словно осажденный.
Несчастен я, судьбою обойденный,
Но робким быть – невзгода из
невзгод.
Лишь этот грех сейчас меня гнетет,
Лишь в нем я каюсь, узник
изможденный.
Уже сошлись у горла остря, –
Но, словно высочайшей
благостыни,
Я жду спасения из ваших рук.
Была немой застенчивость моя,
Так пусть хоть эти строки станут
ныне
Мольбою из четырнадцати мук!
Перевод П. Грушко

Luis de Góngora
He infers from the ailments of old age
that the end draws near,
which consoles him as a Catholic

In this Occidental, in, Lycius,
this epoch, climacteric of your life,
each uncertain step will be a fall,
every easy fall a precipice.

Does your step falter? Good sense must prevail!
the wholeness of all matter falls apart.
What prudence ever clearly warned by dust
the ruin awaited of the edifice?

Not only all its skin, the deadly snake,
but with its skin its very years can shed
and man cannot. How human thought is blind!

Oh, he's a lucky man, who giving up
his heavier part to rest on silent stone
the lighter to a sovereign sapphire binds.

Translated Alix Ingber

Luis de Góngora
To His Excellency the Conde-Duque

I find I'm in the chapel and condemned
to pass from life with no hope of relief.
I rue the cause more, even, than departure,
by hunger exiled like a man besieged.

The fault is in my being so unlucky;
in my timidity, fault greater yet.
I blame myself for both as I embark,
and I will leave at least having confessed.

May the sharp steel blade adjudge my fate,
which, though it's fine edge nears, still I may see
exalted mercy from your noble hand.

Since I have told you nothing of my shame,
I'll let the lines, sir, of this sonnet be
my tongue and tears and not a vain demand.

Translated Alix Ingber

Luis de Góngora

Mientras por competir con tu cabello,
oro bruñado al sol relumbra en vano;
mientras con menosprecio en medio el llano
mira tu blanca frente el lilio bello;

mientras a cada labio, por cogello.
siguen más ojos que al clavel temprano;
y mientras triunfa con desdén lozano
del luciente cristal tu gentil cuello:

goza cuello, cabello, labio y frente,
antes que lo que fue en tu edad dorada
oro, lilio, clavel, cristal luciente,

no sólo en plata o viola troncada
se vuelva, mas tú y ello juntamente
en tierra, en humo, en polvo, en sombra, en nada.

Луис де Гонгора

Пока руно волос твоих течет,
Как золото в лучистой филиграни,
И не светлей хрусталь в изломе грани,
Чем нежной шеи лебединый взлет,

Пока соцветье губ твоих цветет
Благоуханнее гвоздики ранней
И тщетно снежной лилии старанье
Затмить чела чистейший снег и лед,

Спеши изведать наслажденье в силе,
Сокрытой в коже, в локоне, в устах,
Пока букет твоих гвоздик и лилий

Не только сам бесславно не зачах,
Но годы и тебя не обратили
В золу и в землю, в пепел, дым и прах.

Перевод С. Гончаренко

If now in competition with your hair
the burnished golden sun shines forth in vain,
and if your snowy brow amid the plain
looks down in triumph on the lily fair,

If now to pluck those lips more eyes are fain
than gillyflowers that blossom in spring air,
if your fine neck is pure beyond compare,
purer than crystal, with a mild disdain:

rejoice in hair, and neck, and lips, and brow;
for time shall turn and fade your palmy day
of pinks and lilies, gold and crystal show,

to silver and to violet's decay.
Even yourself shall altogether go
to earth, smoke, dust, and shade, and pass away.

Translated Timothy Adès

While trying to compete with your fair hair
of burnished gold, the sun shines out in vain
while, with belittlement, out on the plain
your brow attracts an Easter-lily's glare.

While each of your red lips takes in more stares
than the carnation, now in bloom again
and while your lovely neck wins with disdain
against the ivory, however rare.

Enjoy then, neck and hair and lip and brow,
enjoy the things your golden age has bought:

Then you and all these things life will endow
to earth, to smoke, to dust, to shade, to nought.

Translated James H. Donalson

Luis de Góngora

Ilustre y hermosísima María,
mientras se dejan ver a cualquier hora
en tus mejillas la rosada Aurora,
Febo en tus ojos y en tu frente el día,

y mientras con gentil descortesía
mueve el viento la hebra voladora
que la Arabia en sus venas atesora
y el rico Tajo en sus arenas cría;

antes que, de la edad Febo eclipsado
y el claro día vuelto en noche oscura,
huya la Aurora del mortal nublado;

antes que lo que hoy es rubio tesoro
venza a la blanca nieve su blancura:
goza, goza el color, la luz, el oro.

Luis de Góngora

De la brevedad engañosa de la vida

Menos solicitó veloz saeta
destinada señal, que mordió aguda;
agonal carro por la arena muda
no coronó con más silencio meta,

que presurosa corre, que secreta
a su fin nuestra edad. A quien lo duda,
fiera que sea de razón desnuda,
cada sol repetido es un cometa.

¿Confíesalo Cartago, y tú lo ignoras?
Peligro corres, Licio, si porfías
en seguir sombras y abrazar engaños.

Mal te perdonarán a ti las horas;
las horas que limando están los días,
los días que royendo están los años.

Луис де Гонгора

Мария, ослепляющая нас
Умом своим и красотой в зените, –
Пока Денница льнет к твоей
ланите,
А День к челу, а Феб к алмазам глаз,
И дерзкий ветер для незлых проказ
Летучее руно избрал, чьи нити
Аравия хранит в земном укрытии
И Тахо в дюнах золотых припас, –
Покуда Феб сияющий не тмится,
И блещущему Дню не мил ночлег,
И смертоносных туч бежит
Денница,

А то, что было златокудрым кладом,
Не серебрят победно белый снег, –
Сполна упейся цветом, светом,
златом!

Перевод П. Грушко

Луис де Гонгора О скрытной быстротечности жизни

Не столь поспешно острая стрела
Стремится в цель угаданную
впитаться
И в онемевшем цирке колесница
Венок витков стремительных
сплела,
Чем быстрая и вкрадчивая мгла
Наш возраст тратит. Впору
усомниться,
Но вереница солнц - как вереница
Комет, таинственных предвестниц
зла.

Закрывать глаза - забыть о
Карфагене?
Зачем таиться Лицию в тени,
В объятиях лжи бежать слепой
невзгоды?

Тебя накажет каждое мгновенье:
Мгновенье, что подтачивает дни,
Дни, что незримо поглощают годы.

Перевод П. Грушко

María, most illustrious and fair,
while now at every moment you display
in your bright cheeks the hues of rosy Dawn;
in your eyes, Phoebus; on your brow, the day,

and while with its graceful discourtesy
the wind blows 'round the swiftly flying strands
which in its veins Arabia holds dear
and the rich Tagus nurtures in its sands;

before – when Phoebus is eclipsed by time
and the bright day has changed into dark night –
Dawn flees the fatal shadows that take hold;

before that which today is treasure bright
can outdo with its whiteness the white snow:
enjoy, enjoy, the blush, the light, the gold.

Translated Alix Ingber

Luis de Góngora Concerning the deceptive brevity of life

Less swiftly did the arrow seek
its destined mark, which it so sharply pierced;
the racing chariot on voiceless sand
did not a column with more silence round,

than swiftly runs, and surreptitiously
to its end our life. For him who doubts,
even if it's a brute of reason stripped,
every new sun a comet's warning sounds.

Carthage confesses this, yet you don't see?
You are in danger, Lycius, if you persist
in chasing shadows, grasping at a straw.

You will not soon be pardoned by the hours:
hours that erode the fabric of our days,
days that our years inevitably gnaw.

Translated Alix Ingber

Luis de Góngora

No destrozada nave en roca dura
tocó la playa más arrepentida,
ni pajarillo de la red tendida
voló más temeroso a la espesura;

bella ninfa la planta mal segura
no tan alborotada ni afligida
hurtó de verde prado, que escondida
víbora regalaba en su verdura,

como yo, Amor, la condición airada,
las rubias trenzas y la vista bella
huyendo voy, con pie ya desatado,

de mi enemiga en vano celebrada.
Adiós, ninfa crüel; quedaos con ella,
dura roca, red de oro, alegre prado.

Luis de Góngora

No vessel torn to shreds by solid rock
with more repentance ever reached the shore,
nor bird escaping from the outstretched net
did fly more fearfully into the wood;

a lovely nymph with her uncertain foot
never with such affliction or alarm
fled from green meadow, where, hidden from view,
a serpent basked 'neath nature's verdant hood,

as I, O Love, the haughty temperament,
the yellow tresses and the lovely eyes
run fleeing now, my feet no longer bound,

of my foe, whom I celebrate in vain.
Farewell, cruel nymph; with her may you remain,
hard rock, gold net, and happy meadow's ground.

Translated Alix Ingber

Луис де Гонгора

Не столь смятенно обойти утес
спешит корабль на пасмурном рассвете,
не столь поспешно из-под тесной сети
на дерево пичугу страх вознес,

не столь — о Нимфа! — тот, кто вышел бос,
стремглав бежит, забыв про все на свете
от луга, что в зеленом разноцветье
ему змею гремучую поднес,—

чем я, Любовь, от взбалмошной шалуни,
от дивных кос и глаз ее желая
спастись, стопам препоручив испуг,

бегу от той, кого воспел я втуне.
Пускай с тобой пребудут, Нимфа злая,
утес, золотая сеть, веселый луг!

Перевод П. Грушко

Неодолимый чувствуя испуг,
как мореход, влекомый ветром к скалам;
к воле стремясь, подобно птахам малым,
пойманным сетью, губящей пичуг;

плача, как нимфа, что, увидев вдруг
в пышной траве гадюку с хищным жалом,
страхом охваченная небывалым,
в горе цветущий покидает луг,

я, о любовь, бегу от злого нрава
той, чьи прекрасные глаза и косы
сердце мое уже не тронут впредь.

Пусть остается с ней, что ей по праву
принадлежит: коварные утесы,
бархатный луг и золотая сеть.

Перевод В. Резниченко

Luis de Góngora
Al nacimiento de Cristo, nuestro Señor

Pender de un leño, traspasado el pecho,
y de espinas clavadas ambas sienas,
dar tus mortales penas en rehenes
de nuestra gloria, bien fue heroico hecho;

pero más fue nacer en tanto estrecho,
donde, para mostrar en nuestros bienes
a donde bajas y de donde vienes,
no quiere un portalillo tener techo.

No fue ésta más hazaña, oh gran Dios mío,
del tiempo por haber la helada ofensa
vencido en flaca edad con pecho fuerte

(que más fue sudar sangre que haber frío),
sino porque hay distancia más inmensa
de Dios a hombre, que de hombre a muerte.

Luis de Góngora
**Inscripción para el sepulcro
de Domínico Greco**

Esta en forma elegante, oh peregrino,
de pórvido luciente dura llave,
el pincel niega al mundo más süave,
que dio espíritu a leño, vida a lino.

Su nombre, aún de mayor aliento dino
que en los clarines de la Fama cabe,
el campo ilustra de ese mármol grave;
venéralo y prosigue tu camino.

Yace el Griego. Heredó Naturaleza
Arte; y el Arte, estudio. Iris, colores.
Febo, luces (si no sombras, Morfeo).

Tanta urna, a pesar de su dureza,
lágrimas beba, y cuantos suda olores
corteza funeral de árbol sabeo.

Луис де Гонгора
На Христово рождение

Повиснуть на кресте, раскинув
длани,
лоб в терниях, кровоточащий бок,
во славу нашу выплатить оброк
страданьями — великое деянье!
Но и твое рождение — страданье
там, где, великий преподав урок —
откуда и куда нисходит бог,—
закут не застил крышей
мирозданье!
Ужель сей подвиг не велик,
господь?
Отнюдь не тем, что холод побороть
смогло дитя, приняв небес опеку,—
кровь проливать трудней! Не в этом
суть:
стократ от человека к смерти путь
короче, чем от бога к человеку!
Перевод П. Грушко

Луис де Гонгора
Надпись на могилу Доменико
Греко

Сей дивный — из порфира —
гробовой
Затвор сокрыл в суровом царстве
теней
Кисть нежную, от чьих
прикосновений
Холст наливался силою живой.
Сколь ни прославлен трубною
Молвой,
А все ж достоин вящей славы
гений,
Чье имя блещет с мраморных
ступеней.
Почти его и путь продолжи свой.
Почиет Грек. Он завещал Природе
Искусство, а Искусству труд, Ириде
Палитру, тень Морфею, Фебу свет.
Сколь склеп ни мал, — рыданий
многоводье
Он пьет, даруя вечной панихиде
Куренье древа савского в ответ.
Перевод П. Грушко

Luis de Góngora
On the birth of Christ, our Lord

Suspended from a timber, breast transfixed,
and having both your temples pierced with thorns,
in ransom offering your mortal pain
for us, was surely a heroic deed.

But greater was to have been born so poor,
in such a place to make us understand
that where you came and whence you had begun
no porch for roof would have the slightest need.

A greater feat this was not, my great God,
of nature for having the chill offense
conquered in tender age with sturdy breast

(more great was sweating blood than being cold)
but greater since the span is more immense
from God to man to go, than man to death.

Translated Alix Ingber

Luis de Góngora
Inscription for the tomb of Domenico Greco

This in graceful form, oh wanderer,
a solid key of jasper gleaming bright
denies to all the world the softest brush
which ever wood gave soul, or canvas life.

His name, deserving even greater breath
than Fame needs for her clarions to play,
this ground of solemn marble amplifies:
revere it and continue on your way.

Here lies the Greek. To Nature he bequeathed
his Art; to Art, his skill. To rainbows, hues.
To Phoebus, lights (to Morpheus his darks).

May this great urn, despite its hard veneer,
drink tears and all the odors in the sweat
of the Arabian tree's funereal bark.

Translated Alix Ingber

Luis de Góngora

Llegué, señora tía, a la Mamora,
donde entre nieblas vi la otra mañana,
desde el seguro de una partesana,
confusa multitud de gente mora.

Pluma acudiendo va tremoladora
andaluza, extremeña y castellana,
pidiendo, si vitela no mongana,
cualque fresco rumor de cantimplora.

Allanó alguno la enemiga tierra
echándose a dormir; otro soldado,
gastador vigilante, con su pico

bizcocho labra. Al fin, en esta guerra
no vi más fuerte, sino el levantado.
De la Mamora. Hoy miércoles. Juanico

Luis de Góngora

Señora doña puente segoviana,
cuyos ojos están llorando arena,
si es por el río, muy enhorabuena,
aunque estáis para viuda muy galana.

De estangurria murió. No hay castellana
lavandera que no llore de pena,
y fulano sotillo se condena
de olmos negros a loba luterana.

Bien es verdad que dicen los doctores
que no es muerto, sino que del estío
le causan parasismo los calores;

que a los primeros del diciembre frío,
de sus mulas harán estos señores
que los orines den salud al río.

Луис де Гонгора

Сеньора тетя! Мы стоим на страже
В Маморе. К счастью, я покуда цел.
Вчера, в тумане, видел сквозь
прицел
Рать мавров. Бьются против силы
вражьей.

Кастильцы, андалузцы. Их
плюмажи
Дрожат вокруг. Они ведут обстрел -
Затычками из фляжек. Каждый
смел -

Пьют залпом, не закусывая даже.

Один герой в бою кровавом слег -
И богатырским сном уснул.

Бессменно

Другой всю ночь точил кинжал и
пику -

Чтобы разделать утренний паек.
А что до крепости, она отменна -
У здешних вин. Мамора. Хуанико.

Перевод В. Резниченко

Луис де Гонгора

Дон сеговийский Мост - само
страданье,
Но вместо слез в глазах его песок.
Он по Реке скорбит, но видит бог -
На нем не траурное одеянье.

Уретра подвела ее. Рыданье
Кастильских прачек оглашает лог,
И вяз сутану пышную совлек,
Напялив ту, что носят лютеране.

У медиков суждения другие -
Что смерть ее не смерть, а летаргия,
Чему причиной знойный суховей,
Что в первых числах декабря, не
позже,
Покойницу Реку на хладном ложе
Ослицы отпят мочой своей.

Перевод П. Грушко

Luis de Góngora

I disembarked, dear aunt, in la Mamora,
where the next morning I saw in the fog
from the safe haven of my trusty armor,
all the confusion of a moorish mob.

Plumes running to the rescue all atremble
from south, and north, and from all Castille teem,
ordering, if not some veal piccata,
at least a fresh sip from an old canteen.

One soldier flattened our opponent's soil
by stretching out to sleep; another man -
a watchful sapper ever working on - he

shoveled in a sub: and in this war
the only hero I've seen yet is that one.
From La Mamora. Wednesday morning. Johnny.

Translated Alix Ingber

Luis de Góngora

Dear lady, Mrs. Segoviana Bridge,
whose eyes are now reduced to weeping sand,
if you cry for the river, you're in luck,
though for a widow you're quite elegant.

It died of bladder blockage. In Castille
no washerwoman will not cry in grief;
your busy pleasure island's now condemned
to black elms cloaked within a mourning sheath.

It's very true that all the doctors say
that it's not dead, that in the summertime
the heat can make you faint, or sweat, or shiver;

and that when cold December comes again,
these learned men will make sure that their mules'
life-giving drops give health back to the river.

Translated Alix Ingber

КОНЦЕПТИЗМ

Francisco de Quevedo

**Conoce la diligencia con que se acerca
la muerte, y procura conocer también
la conveniencia de su venida,
y aprovecharse de ese conocimiento**

Ya formidable y espantoso suena
dentro del corazón el postrer día;
y la última hora, negra y fría,
se acerca, de temor y sombras llena.

Si agradable descanso, paz serena
la muerte en traje de dolor envía,
señas da su desdén de cortesía:
más tiene de caricia que de pena.

¿Qué pretende el temor desacordado
de la que a rescatar piadosa viene
espíritu en miserias anudado?

Llegue rogada, pues mi bien previene;
hálleme agradecido, no asustado;
mi vida acabe, y mi vivir ordene.

Francisco de Quevedo

**Recognizing the diligence with which death
approaches, and trying to recognize also the
desirability of her arrival, and to take
advantage of such recognition**

Formidable and frightfully resounds
within my heart the day when all will end;
and now the last hour, black, and cold, and drear
approaches, full of shadows and of fear.

If pleasant rest, serene tranquility
death offers me, dressed up to look like grief
her scorn to me resembles courtesy:
there's more caress in her than penalty.

What point is there so foolishly to dread
the one who to redeem with mercy comes
a spirit that in misery lies chained?

I beg she come, my welfare she insures;
thankful may she find me, not afraid;
she'll end my life, my living she'll arrange.

Translated Alix Ingber

**Франсиско де Кеведо
О деликатности, с коей
приходит смерть, полагая
увериться в уместности своего
прихода, дабы распорядиться
этим**

День роковой последнего прощанья,
День ужасающий звучит в душе
больной,
Последний мрачный час, последний
час земной
Приблизился ко мне, страха мое
сознание.

Но смерть, быть может, мне и в
скорбном одеянье
Спокойствие пошлет с отрадной
тишиной,
Хоть не желая ждать и не чинясь со
мною,
И больше ласки в ней, мне мнится,
чем страданья.

Но жалостная смерть как может
порождать
Потерянность и страх? Мой дух
освобождая,
Закованный бедой, неся мне
благодать,

Желанная идет. Ужель, ее встречая,
Я буду трепетать? Хоть жизненную
нить
Она и разорвет, но повелит мне
жить.

Перевод С. Протасьев

Уже мой смертный день звучит во мне
манящим и пугающим призывом,
и час последний сумраком тоскливым
распространяется в моем окне.

Но если смерть — покой в нежнейшем
сне,
и счастье ее участие учтивым,—
зачем бледнеть перед ее наплывом?
Нет, не печаль, а нега в этом дне.

К чему страшиться вкрадчивого шага
той, что приходит вызволить из плена
дух, изнуренный нищетой земной?

Прииди званной вестницею блага,
не проклята — стократ благословенна,
открой мне вечность, век похитив мой.

Перевод П. Грушко

Francisco de Quevedo
Represéntase la brevedad de lo que se vive
y cuán nada parece lo que se vivió

"¡Ah de la vida!" ... ¿Nadie me responde?
¡Aquí de los antaños que he vivido!
La Fortuna mis tiempos ha mordido;
las Horas mi locura las esconde.

¡Que sin poder saber cómo ni adónde,
la salud y la edad se hayan huído!
Falta la vida, asiste lo vivido,
y no hay calamidad que no me ronde.

Ayer se fue; mañana no ha llegado;
hoy se está yendo sin parar un punto;
soy un fue, y un será y un es cansado.

En el hoy y mañana y ayer, junto
pañales y mortaja, y he quedado
presentes sucesiones de difunto.

Франсиско де Кеведо
Вспомни ничтожность прожитого
и призрачность пережитого

Эй, жизнь моя!.. Молчание ответом?
Вот все, что я оставил за собою,
А краткий век мой, загнанный судьбою,
Исчез из глаз, и путь его неведом.

Ушли года, ушло здоровье следом,
И проглядел их я за суетою.
И жизни нет, одно пережитое,
Как нет и сил сопротивляться бедам.

Вчера прошло, а Завтра не настало,
Мое Сегодня мимолетней взгляда,
И то, чем был я, быть уже устало.

Вчера, сегодня, завтра... Та триада,
Что из пеленок саван мне сметала
В тягучей повседневности распада.

Перевод А. Гелескула

Francisco de Quevedo
Life's brevity

Ah, what of life! Does no one answer me?
Ye days of yore, that I have lived, draw near;
My times has Fortune swallowed, the severe,
The hours, my madness hides, my lunacy.

I know that health and years from me did flee,
But how and where they fled does not appear.
Life fails me, the already lived is here,
And I am haunted by calamity.

Yesterday's gone, Tomorrow does delay,
Today is going, in a breath does pass,
I am a Was, Shall be, Is, sore bestead.

In Tomorrow, Today and Yesterday
Joined, swaddling clothes and shroud, I am,
alas,
Now naught but a succession of the dead.

Translated Eleanor L. Turnbull

Ah, what of life! Does no one answer me?
Here are the yesteryears I lived:
My times take Fortune's bite,
The Hours, my madness hides.

What, I know not how nor where
My health and years have fled.
Life fails, what has been lived attends
And all calamities pursue me.

Yesterday was, Tomorrow is not come,
Today goes on without a pause,
And wearily I Was, Will Be, and Am.

In today, tomorrow, yesterday, conjoined,
Diapers and shroud, I have remained
A drear succession to the grave.

Translated William M. Davis

**Presenting the brevity of life now
and how inconsequential one's past life seems**

"Calling Life!" And no one answers me?
Come back, the yesteryears that I have lived!
Fortune all my time has chewed away;
the Hours my madness skillfully obscures.

Incapable of knowing how or where,
my health and all my years have swiftly fled!
Life cannot be grasped, just what was lived,
and there's no misery I don't endure.

Yesterday's gone; tomorrow's not arrived;
today's departing and it will not stop;
I am a was, a will be, an is tired.

In now, tomorrow, yesterday, I link
diapers and shroud, and I have thus become
visible stages of a man who's died.

Translated Alix Ingber

Francisco de Quevedo
Significase la propria brevedad de la vida,
sin pensar y con padecer, salteada de la muerte

¡Fue sueño ayer; mañana será tierra!
¡Poco antes, nada; y poco después, humo!
¡Y destino ambiciones, y presumo
apenas punto al cerco que me cierra!

Breve combate de importuna guerra,
en mi defensa soy peligro sumo;
y mientras con mis armas me consumo
menos me hospeda el cuerpo, que me entierra.

Ya no es ayer; mañana no ha llegado;
hoy pasa, y es, y fue, con movimiento
que a la muerte me lleva despeñado.

Azadas son la hora y el momento,
que, a jornal de mi pena y mi cuidado,
cavan en mi vivir mi monumento.

Франсиско де Кеведо
Ощуди скудость жизни,
так нежданно и нещадно
ограбленной смертью

Вчера был сном, а завтра стану
тленом!
Едва возник и вскоре – горстка
пыли!
И, проглядев, что крепость
обступили,
Я тешу дух, а ядра бьют по стенам.

Я краткий бой с исходом
неизменным
В постылой бойне, гибельном
горниле.
В самом себе как заживо в могиле,
Я не оплотом был себе, а пленом.

Былого нет, грядущее в дороге,
В минувшем настоящее – и оба
Похожи на кладбищенские дроги.

Удар часов как заступ землероба,
И жизнь моя, поденщица тревоги,
Уже готовит место мне для гроба.

Перевод А. Гелескула

Francisco de Quevedo
Indicates life's essential brevity,
unexpected and with suffering,
assaulted by death

Yesterday a dream; tomorrow dust!
Nothing, just before; just after, smoke!
And I plot out ambitions, and can claim
not one point on the siege that circling looms!

The briefest skirmish in a pressing war,
I bring great peril to my own defense;
while I consume myself with my own arms,
my body less gives lodging than entombs.

Yesterday's no more; tomorrow's late;
today moves on, and is, and was, with steps
that send me, headlong, down into death's cave.

The hour and the moment are mere spades
which, for the wages of my grief and woes,
now excavate in my life my own grave.

Translated Alix Ingber

Francisco de Quevedo
Salmo

Miré los muros de la patria mía,
si un tiempo fuertes, ya desmoronados,
de la carrera de la edad cansados,
por quien caduca ya su valentía.

Salíme al campo; vi que el sol bebía
los arroyos del yelo desatados,
y del monte quejosos los ganados,
que con sombras hurtó su luz al día.

Entré en mi casa; vi que, amancillada,
de anciana habitación era despojos;
mi báculo, más corvo y menos fuerte.

Vencida de la edad sentí mi espada,
y no hallé cosa en que poner los ojos
que no fuese recuerdo de la muerte.

Франсиско де Кеведо
Вникай, как все пророчит смерть

Стою у стен отеческого края —
Они сдались, бывшие бастионы;
В осаде лет, устав от обороны,
Не устояла доблесть вековая.

Иду в поля – жжет солнце, допивая
Ручей, снегами вешними впоенный,
И глушит заросль пастбищные склоны,
Печальным овцам небо закрывая.

Вхожу в мой дом, пристанище невзгоды,
Навстречу разоренью и разладу;
Гляжу, как посох сгорбили скитанья,

Как затупили шпагу мою годы, —
И не на чем остановиться взгляду,
Не увидав печати умиранья.

Перевод А. Гелескула

Francisco de Quevedo
Sonnet: Death-Warnings

I saw the ramparts of my native land
One time so strong, now dropping decay,
Their strength destroyed by this new age's
way
That has worn out and rotted what was grand.

I went into the fields; there I could see
The sun drink up the waters new thawed;
And on the hills the moaning cattle pawed,
Their miseries robbed the light of day for me.

I went into my house; I saw how spotted,
Decaying things made that old home their
prize;
My withered walking-staff had come to bend.

I felt the age had won; my sword was rotted;
And there was nothing on which to set my
eyes
That was not a reminder of the end.

Translated John Masefield

Psalm

I looked upon my native country's walls,
if once they were strong, now they were
decayed,
fatigued by time's inevitable race,
by which their former valor now must fade.

I went out to the fields; I saw the sun
drink up the brooks now freed from winter's ice,
and cattle of the mountain grumbling,
which with its shadows stole from day the light.

I went into my house; I saw that, stained,
it was just rubble of an ancient room;
my walking stick, more bowed and bearing less.

I saw my sword was overcome with age,
and nothing left on which to fix my glance
that was not a reminder now of death.

Translated Alix Ingber

I gazed upon my country's walls,
So powerful once, now a withered ruin. Weary
with the passage of the years,
Their valor now by age outworn.

I went into the fields, to see the sun
Had drunk of the streams relinquished by the ice,
And across the querulous cows the hill
Cast shade that robbed their day of light

I went into my house, to see, decrepit,
It was an aged dwelling's mere remains,
My staff less strong now, and more bent.

Vanquished by the years I felt my sword,
And found no thing on which to rest my eyes
That was not a reminder now of death.

Translated Kate Flores

He shows how all things warn of death

I gazed upon the walls of my old land,
Strong long ago, now moldering away,
Tired by the march of time that, day by day,
Had now eroded all their will to stand.

I strode through fields and saw the sun that made
A drink of every stream the ice untied,
And cows that groaned for woodland not to hide
The light of day from them with shade on shade.

I stepped into my house, and saw the crude,
Despoiled ruins of an ancient room;
My cane gone weak and crooked in the grime.

I felt my sword surrendering to time
And nothing of the many things I viewed
Reminded me anything but doom.

Translated A.Z. Foreman

Francisco de Quevedo
A Roma sepultada en sus ruinas

Buscas en Roma a Roma, ¡oh, peregrino!,
y en Roma misma a Roma no la hallas;
cadáver son las que ostentó murallas,
y tumba de sí propio el Aventino.

Yace donde reinaba el Palatino;
y limadas del tiempo, las medallas
más se muestran destrozo a las batallas
de las edades que blasón latino.

Sólo el Tibre quedó, cuya corriente,
si ciudad la regó, ya, sepultura,
la llora con funesto son doliente.

¡Oh, Roma!, en tu grandeza, en tu hermosura,
huyó lo que era firme, y solamente
lo fugitivo permanece y dura.

Франсиско де Кеведо
К Риму, погребенному в руинах

Дорогой в Рим ты шел на встречу с
Римом,
Но в Риме том от Рима нет и тени;
Мертв Авентин, и Форум в запустенье,
И все в могильном сне необоримом.

Не разбудить былого пилигримам –
В рубцах веков останки укреплений
Еще твердят о гибели и плене,
Но смолкла мощь, развеянная дымом.

Лишь воды Тибра помнят, как поили
Ту землю, где теперь их кантилена
Звучит подобно плачу на могиле.

О Вечный Рим, и ты добыча тлена!
Могущество и твердость изменили,
И только быстротечность неизменна.

Перевод А. Гелескула

Francisco de Quevedo
Rome in her ruins

Amidst these scenes, O Pilgrim, seek'st thou
Rome?
Vain is thy search—the pomp of Rome is fled;
Her silent Aventine is glory's tomb;
Her walls, her shrines, but relics of the dead.

That hill, where Caesars dwelt in other days,
Forsaken mourns, where once it towered
sublime;
Each mouldering medal now far less displays
The triumphs won by Latium, than by Time.

Tiber alone survives;—the passing wave
That bathed her towers now murmurs by her
grave,
Wailing with plaintive sound her fallen fanes.

Rome! Of thine ancient grandeur all is past
That seemed for years eternal, framed to
last;—
Nought but the wave, a fugitive, remains.

Translated Felicia D. Hemans

Francisco de Quevedo
To Rome entombed in her ruins

You look for Rome in Rome, O traveler!
And in very Rome you find not Rome:
A cadaver now what were her vaunted walls,
And the Aventine the graveyard of itself.

Here lies, where once it reigned, the Palatine;
And the medallions, sanded by time,
Seem rather than Latin emblazonments
The rubble of battles of long ago.

Only the Tiber remains; whose tide,
Having as a city watered her, now as a
sepulchre
Mourns her with grievous sound of weeping.

O Rome! Of your grandeur, of your beauty
All that was solid has fled, and only
The fugitive stays and endures.

Translated Kate Flores

To Rome, sepulchered in her ruins

You search in Rome for Rome – oh,
peregrine! –
and Rome in Rome itself you cannot find;
the walls she flaunted gape as corpses blind,
its own sepulture is the Aventine.

There lies, where once he reigned, the
Palatine;
and Time has rasped her medals down, so that
they look more like the relics of combat
in ages gone than great Latium's signs.

Only the Tiber yet endures, whose current,
As it once washed the city, now bemoans the
tomb with tones sepulchrally susurrant.

Rome! In your beauty, your magnificence,
All that stood strong and firm has flown, and
only
the fugitive remains with permanence.

Translated Michael Haldane

To Rome buried in its ruins

You search in Rome for Rome, oh wanderer!,
and yet in Rome itself you don't find Rome:
the walls boasting its fame are now a corpse,
the Aventine now serves as its own tomb.

It lies now where the Palatine once reigned;
and its medallions, worn away by time,
show more the devastation of the battles
of the ages than great Latium's pride.

Only the Tiber has remained, whose flow,
if once a city watered, now, a grave,
it mourns for her with brokenhearted tones.

Oh Rome!, of all your greatness, your allure,
that which was firm has fled, and nothing but
what is elusive stays and will endure.

Translated Alix Ingber

Rome Entombed in Her Ruins

Looking for Rome, in Rome, traveler?
You won't find Rome in Rome herself!
Her walls, once proudly boasted as so
impregnable,
are now mere skeletons, and the Aventine Hill
resembles nothing more than a graveyard.

The Palatine Hill lies buried where it used to
reign;
and the medallions, chipped away by Time,
look more like rubble from ancient battles
than the once-proud insignia of Rome.

Only the River Tiber remains intact.
Her tide, which once provided flowing water
for the city, now – with tears of grief –
mourns her as a tomb.

Rome! Your grandeur and your beauty have
fled!
Everything that was solid has dissolved away.
Only the transient remains and endures!

Translated John Howard Reid

Francisco de Quevedo
Amor constante más allá de la muerte

Cerrar podrá mis ojos la postrera
Sombra que me llevare el blanco día,
Y podrá desatar esta alma mía
Hora, a su afán ansioso lisonjera;

Mas no de esotra parte en la ribera
Dejará la memoria, en donde ardía:
Nadar sabe mi llama el agua fría,
Y perder el respeto a ley severa.

Alma, a quien todo un Dios prisión ha sido,
Venas, que humor a tanto fuego han dado,
Médulas, que han gloriosamente ardido,

Su cuerpo dejará, no su cuidado;
Serán ceniza, mas tendrá sentido;
Polvo serán, mas polvo enamorado.

Francisco de Quevedo
**Amante agradecido a las lisonjas
mentirosas de un sueño**

¡Ay Floralba! Soñé que te ... ¿Dirélo?
Sí, pues que sueño fue: que te gozaba.
¿Y quién, sino un amante que soñaba,
juntara tanto infierno a tanto cielo?

Mis llamas con tu nieve y con tu yelo,
cual suele opuestas flechas de su aljaba,
mezclaba Amor, y honesto las mezclaba,
como mi adoración en su desvelo.

Y dije: «Quiera Amor, quiera mi suerte,
que nunca duerma yo, si estoy despierto,
y que si duermo, que jamás despierte».

Mas desperté del dulce desconcierto;
y vi que estuve vivo con la muerte,
y vi que con la vida estaba muerto.

Франсиско де Кеведо
Любовь неизменна за чертой
смерти

Последний мрак, прозренье
знаменуя,
Под веками сомкнется смертной
мглою;
Пробьет мой час и, встреченный
хвалою,
Отпустит душу, пленницу земную.
Но и черту последнюю минуя,
Здесь отпылав, туда возьму бывшее,
И прежний жар, не тронутый золою,
Преодолеет реку ледяную.
И та душа, что Бог обрек неволе,
Та кровь, что полыхала в каждой
вене,
Тот разум, что железом жег каленым,
Утратят жизнь, но не утратят боли,
Покинут мир, но не найдут забвенья,
И прахом стану – прахом, но
влюбленным.

Перевод А. Гелескула

Франсиско де Кеведо
Влюбленный благодарен
обманчивой лести сна

Мне снилось, будто я... Не знаю,
право,
Как и сказать, а впрочем – сон не в
руку.
Но сон, Флоральба, скрашивал
разлуку,
И снилось, будто я тебе по нраву.
Любовь смешала сладость и отраву
В одном колчане, чтобы вверить
луку,
Огонь и бред мой, холод твой и скуку
И, признаю, смешала их на славу.
Гадал я, сон ли, явь ли это были.
О, если явь, пусть век я сна не знаю,
А если сон – молю, чтоб не будили!
Но пробудился, изгнанный из рая,
И не пойму, живу ли я в могиле
Или еще при жизни умираю.

Перевод А. Гелескула

Francisco de Quevedo
Love constant beyond Death

Perhaps whatever final shadow that
the shining day may bring could close my
eyes,
and this my soul may well be set aflight
by time responding to its longing sighs;

but it will not, there on the farther shore
its memory leave behind, where once it
burned:

my flame the icy current yet can swim,
and so severe a law can surely spurn.

Soul by no less than a god confined,
veins that such a blazing fire have fueled,
marrow to its glorious flames consigned:

the body will abandon, not its woes;
will soon be ash, but ash that is aware;
dust will be, but dust whose love still grows.

Translated Alix Ingber

Francisco de Quevedo
A lover grateful for the flattering lies of a
dream

Ah, Floralba!, I dreamt that... Shall I say it?
Yes, for dream it was: that we made love.
And who, if not a lover who was dreaming,
could blend with such a heaven such a hell?

My flames then with your snow and with your
ice,
as often with his quiver's different darts,
Love sought to mix, and mixed quite
decently,
my wakeful adoration to match well.

And I said: "May Love, may my fate decree
that I should never sleep, if I'm awake,
and if I sleep now, never leave this bed."

But from this sweet discord I soon awoke;
and I found that I was alive with death,
and I found that with living I was dead.

Translated Alix Ingber

Francisco de Quevedo
Don Repollo y doña Berza

I

Don Repollo y doña Berza,
de una sangre y de una casta,
si no caballeros pardos,
verdes fidalgos de España,

II

casáronse, y a la boda
de personas tan honradas,
que sustentan ellos solos
a lo mejor de Vizcaya,

III

de los solares del campo
vino la nobleza y gala:
que no todos los solares
han de ser de la Montaña.

IV

Vana y hermosa, a la fiesta
vino doña Calabaza:
que su merced no pudiera
ser hermosa sin ser vana.

V

La Lechuga, que se viste
sin aseo y con fanfarria,
presumida, sin ser fea,
de frescona y de bizarra.

VI

La Cebolla, a lo viudo,
vino con sus tocas blancas
y sus entresuelos verdes:
que, sin verdura, no hay canas.

VII

Para ser dama muy dulce
vino la Lima gallarda
al principio: que no es bueno
ningún postre de las damas.

VIII

La Naranja, a lo ministro,
llegó muy tiesa y cerrada,
con su apariencia muy lisa
y su condición muy agria,

Франсиско де Кеведо
Огородная свадьба

I

Дон Редис и донья Редька —
Не креолы, не цветные,
Вроде там Цветной Капусты,
Но испанцы коренные —

II

Пожились. И на свадьбу
Их высокогородья,
Чьим благодаря щедротам
Кормится простонародье,

III

Всю свою родню созвали,
Пригласили цвет дворянства,
Тех особ, кому подвластны
Все земельные пространства.

IV

Прикатила донья Тыква,
И дородна, и спесива, —
Оттого, что всех дородней,
И спесива особливо.

V

А за нею – донья Свекла,
Неопрятная уродка,
Все лицо в буграх и ямах,
Бахрома вокруг подбородка.

VI

Вот дон Лук – торчат нахально
В шляпу воткнутые перья;
Сколько дам до слез довел он,
Обманувши их доверье!

VII

Не замедлила Маслина:
Этой смуглой андалуске
Надо быть без опозданья, —
Без нее ведь нет закуски.

VIII

Вот дон Апельсин. Министром
Стал он, двор его возвысил.
Глянешь – гладок, верно, сладок,
А когда раскусишь – кисел.

IX

A lo rico y lo tramposo,
en su erizo, la Castaña:
que la han de sacar la hacienda
todos por punta de lanza.

X

La Granada, deshonesto,
a lo moza cortesana,
desembozo en la hermosura,
descaramiento en la gracia.

XI

Doña Mostaza, menuda,
muy briosa y atufada:
que toda chica persona
es gente de gran mostaza.

XII

A lo alindado, la Guinda,
muy agria cuando muchacha;
pero ya entrada en edad,
más tratable, dulce y blanda.

XIII

La Cereza, a lo hermosura,
recién venida, muy cara,
pero, con el tiempo, todos
se le atreven por barata.

XIV

Doña Alcachofa, compuesta
a imitación de las flacas:
basquiñas y más basquiñas,
carne poca y muchas faldas.

XV

Don Melón, que es el retrato
de todos los que se casan:
Dios te la depare buena,
que la vista al gusto engaña.

XVI

La Berenjena, mostrando
su calavera morada,
porque no llegó en el tiempo
del socorro de las calvas.

IX

Вот сварливый и колючий
Дон Каштан; в его владенья
Не проникнешь, не имея
Должного вооруженья.

X

Вот обсыпанная пудрой
Куртизанка донья Слива:
Смугловата, нагловата,
Но округлости на диво.

XI

Вот капризная и злая
Низкорослая Горчица:
Всякий, кто не вышел ростом,
Свыше меры горячится.

XII

Вот изящная Черешня:
Молодая – скулы сводит,
Но зато, когда созреет,
Тьму поклонников находит.

XIII

Вот ее сестрица Вишня:
Покислей, темней оттенок,
Смолоду – в цене, а позже
Продается за бесценок.

XIV

Вот обманщица Капуста:
С виду – сдобненькая пышка,
Но под массой белых юбок —
Лишь сухая кочерыжка.

XV

Дыня – образец матроны
Добродетельной и честной:
Вид ее сулит блаженство,
Вкус, увы, довольно пресный.

XVI

Вот дон Баклажан – сияет
Лысиной своей лиловой:
В годы юности зеленой
Был он малый непутевый.

XVII

Don Cohombro, desvaído,
largo de verde esperanza,
muy puesto en ser gentil hombre,
siendo cargado de espaldas.

XVIII

Don Pepino, muy picado
de amor de doña Ensalada,
gran compadre de doctores,
pensando en unas tercianas.

XIX

Don Durazno a lo invidioso,
mostrando agradable cara,
descubriendo con el trato
malas y duras entrañas.

XX

Persona de muy buen gusto,
don Limón, de quien espanta
lo sazonado y panzudo:
que no hay discreto con panza.

XXI

De blanco morado y verde,
corta crin y cola larga,
don Rábano, pareciendo
moro de juego de cañas.

XXII

Todo fanfarrones brios,
todo picantes bravatas,
llegó el señor don Pimiento,
vestidito de botarga.

XXIII

Don Nabo, que, viento en popa
navega con tal bonanza,
que viene a mandar el mundo
de gorrón de Salamanca.

XXIV

Mas baste, por si el letor
objeciones desenvaina:
que no hay bodas sin malicias,
ni desposados sin tacha.

XVII

Вот дон Огурец: сутулый,
Прыщеватый, малокровный;
Сразу виден в нем идадьго
С безупречной родословной.

XVIII

Вот дон Кабачок. Он бледен,
Давней одержим любовью:
Даст в куски себя разрезать,
Спечь, стушить, – но лишь с Морковью.

XIX

Прибыл и двуличный Персик.
Зависть его сердце точит,
Жесткость внутреннюю скрыть он
Бархатной улыбкой хочет.

XX

Дон Лимон толк знает в свадьбах,
Не пропустит ни единой;
Побуждаем тонким вкусом,
Судит-рядит с кислой миной.

XXI

Вот карета с доном Хреном,
Очень важною особой;
Дряхлый, скрюченный подагрой,
Жив он горечью да злобой.

XXII

Вот хвастун, бретёр дон Перец,
Он – причина слезных жалоб:
Стоит Перцу поперечить —
Вмиг глаза полезут на лоб.

XXIII

Вот ввалилась донья Брюква.
Все хватки грубиянки
Обличают в ней утеху
Школяров из Саламанки.

XXIV

Но достаточно. В злословье
Перешел я грань приличья.
Впрочем, свадьбы, мой читатель,
Так скучны без злоязычья!

Перевод М. Донского

Francisco de Quevedo
Procura enmendar el abuso
de las alabanzas de los poetas

I

¡Qué preciosos son los dientes,
y qué cuitadas las muelas,
que nunca en ellas gastaron
los amantes una perla!

II

No empobrecieran más presto
si labraran, los poetas,
de algún nácar las narices,
de algún marfil las orejas.

III

¿En qué pecaron los codos,
que ninguno los requiebra?
De sienes y de quijadas
nadie que escribe se acuerda.

IV

Las lágrimas son aljófar,
aunque una roma las vierta,
y no hay un culto que saque
de gargajos a las flemas.

V

Para las lagañas solas
hay en las coplas pobreza,
pues siempre se son lagañas,
aunque Lucinda las tenga.

VI

Todo cabello es de oro,
en apodos, y no en tiendas,
y en descuidándose Judas,
se entran a sol las bermejas.

VII

Eran las mujeres antes
de carne y de güesos hechas;
ya son de rosas y flores,
jardines y primaveras.

Франсиско де Кеведо
Против безудержной поэтической
лести

I

Чтоб воспеть улыбку милой,
Жемчуг песнопевцу нужен:
Как же он прославит зубки,
Не упомянув жемчужин?

II

А вот зубы коренные,
Не в пример передним, нищи,
Хоть на них лежит забота
Пережевыванья пищи.

III

В мадригалах и сонетах
Непремнейшие гости —
Перламутровые ушки,
Носики слоновой кости.

IV

Чем же провинились локти,
Что о них молчат поэты?
Челюсти, виски и скулы
Тоже вовсе не воспеты.

V

В виршах множество сравнений
Для слезинок вы найдете,
Но не сыщете полслова
О слюне и о мокроте.

VI

Если дева плачет – бисер
И роса идут тут в дело;
Ну, а что мне надо вспомнить,
Если милая вспотела?

VII

Кудри – золото; но если,
Веря стихотворной справке,
Локон я подам меняле,
Выгонят меня из лавки.

VIII

Hortelanos de faciones,
¿qué sabor queréis que tenga
una mujer ensalada,
toda de plantas y yerbas?

IX

¡Cuánto mejor te sabrá
sin corales una jeta,
que con claveles dos labios,
mientras no fueres abeja!

X

¡Oh, cultos de Satanás,
que a las faciones blasfemas
con que piden, con que toman,
andáis vistiendo de estrellas!

XI

Un muslo, que nunca aruñá
unas sabrosas caderas,
que ni atisban aguinaldos
ni saben qué cosa es feria,

XII

esto sí se ha de cantar
por los prados y las selvas,
en sonetos y canciones,
en romances y en endechas.

XIII

Y lloren, de aquí adelante,
los que tuvieren vergüenza:
todo rubí que demanda,
todo marfil que desuella.

XIV

Las bocas descomulgadas,
pues tanto dinero cuestan,
sean ya bocas de costal,
porque las aten por ellas.

VIII

Были женщины из мяса
И костей; теперь поэты
Видят розы в них и маки,
Лилии и первоцветы.

IX

Эх, зеленщики-поэты!
Женщинам вы не польстили,
Прелести их воспевая
В этом травянистом стиле.

X

Нет, с кораллом целоваться
Было б делом невеселым,
Так же, как лобзать гвоздики
Сладостно лишь разве пчелам.

XI

Очи зарятся на деньги,
А уста подарков просят,
И, однако, виршеплеты
Без конца их превозносят.

XII

А ведь есть тихони-бедра,
Есть бессребреницы-ляжки,
Коим не присущи зависть
И спесивые замашки.

XIII

Вот кому за бескорыстье
Посвящать должны поэты
Оды, стансы, и канцоны,
И романсы, и сонеты.

XIV

А рубинам ненасытным
И сапфирам завидующим
Лишь презренье вместо гимнов
Пусть достанется в грядущем.

XV

De cáncer se ha de llamar
todo diente que merienda;
soles con uñas los ojos
que se van tras la moneda.

XVI

Aunque el cabello sea tinta,
es oro si te le cuesta,
y de vellón el dorado,
si con cuartos se contenta.

XVII

Quien boca y dientes cantare
a malos bocados muera;
las malas gordas le ahíten,
las malas flacas le hieran.

XV

Алчные уста, о коих
Приторный несете вздор вы,
Называть бы надлежало
Устьями бездонной прорвы.

XVI

Глазки, в коих блещет жадность,
Это язва моровая,
Зубки, рвущие добычу, —
Хищная воронья стая.

XVII

Разорительны прически,
Так что волосы – бог с ними —
Даже черные как сажа
Могут зваться золотыми.

XVIII

Знай, слагая гимны зубкам,
Не вкусишь ты жизни мирной:
Тощей стервой поперхнешься
Или будешь съеден жирной.

Перевод М. Донского

ПРИЛОЖЕНИЕ

Методика анализа поэтического текста

- Сформулируйте основную тему (темы) стихотворения, составьте прозаический пересказ его содержания.

Драматическая структура стихотворения

- Определите от чьего имени идет речь, охарактеризуйте лирического героя.
- Охарактеризуйте адресата поэтического текста, того к кому оно обращено.
- Опишите ситуацию, в которой находится лирический герой – конфликт, смятение, страдание и т.д.
- Определите время и место действия в стихотворении.
- Охарактеризуйте эмоциональный фон стихотворения.

Тематическая структура стихотворения

- Выделите логические части в тексте стихотворения.
- Определите соотнесенность логических частей с формальной структурой стихотворения.

Образная структура стихотворения

- Перечислите конкретные образы (связанные с органами чувств – визуальные, звуковые, осязательные и т.д), которые использует автор в стихотворении.
- Перечислите интеллектуальные образы (абстрактные понятия, мифологические персонажи, исторические и культурные деятели), которые использует автор в стихотворении.

Языковая структура стихотворения

- Определите в каком стиле (разговорный, нейтральный, возвышенный) написано данное стихотворение.
- Определите стилистические приемы, которые использует автор в стихотворении.

ИСПАНСКОЕ СТИХОСЛОЖЕНИЕ

(Краткие сведения)

Стихотворная речь – это *речь, расчлененная на взаимно соотносимые отрезки*, условно приравняемые в сознании автора и читающего-слушающего. Каждый такой отрезок именуется стихом, стиховым рядом или стихотворной строкой. *Это членение не всегда соответствует логико-синтаксическому членению речи*. Два указанных признака и отличают стих от прозы, которая членится только по логико-синтаксическому признаку и в которой расчлененные части необязательно сопоставимы между собой. В результате подобного членения стихотворная речь приобретает «прогрессивную» ритмичность, то есть, в отличие от прозы, создает эффект ожидания ритмического повтора.

Членение на взаимно соотносимые отрезки (строки) уже само по себе создает ритм стихотворной речи. Но стихотворный ритм, как правило, подкрепляется и внутренней структурой строки.

В простейшем случае это выражается в интонационно-синтаксическом, а в конечном счете и морфологическом параллелизме строк, в результате чего порою произвольно возникает «самородная» рифма. Каждая строка в таком случае непременно является завершенной фонетической и синтаксической синтагмой. Подобный стих встречается в ранней фольклорной поэзии почти всех народов, поэтому советский стиховед В. Е. Холшевников предлагает именовать его «интернациональным» или «донациональным» (см.: Холшевников В. Е. Русская и польская силлабика и силлаботоника. В кн.: Теория стиха, Л., 1968, с. 37).

Однако с развитием поэзии стихотворный ритм начинает опираться на ту или иную фонологически существенную особенность просодии национального языка. Известную роль здесь может сыграть и литературная традиция, в том числе

заимствованная. Однако если заимствование не соответствует языковой просодии, оно со временем или видоизменяется (как немецкая силлаботоника в русском стихе) или вообще отвергается национальной поэтикой (как польская силлабика в истории русской поэзии).

В большинстве новых европейских языков в основу внутристихового ритма легло силовое (экспираторное) ударение. Однако использовалось оно в различных национальных поэзиях по-разному. В тех языках, где словесное ударение рельефно, подвижно и способно выполнять смысловозначительную функцию (русский, немецкий, английский, отчасти – испанский), оно легло в основу *силлабо-тонической системы* стихосложения, которая зиждется на упорядоченном чередовании ударных и безударных слогов. Границы и степень этой упорядоченности варьируют от языка к языку в зависимости от особенностей национальной просодии. В большинстве этих языков наряду с силлабо-тонической системой стихосложения существует еще и *тоническая*, основанная на учете сильных ударений в каждой строке при заполнении междуударного интервала произвольным количеством безударных слогов. К тонической же системе обычно относят и пограничную между силлаботоникой и тоникой область *дольника* и *тактовика*, в которых слоговой объем междуударных интервалов колеблется, но в твердых пределах: соответственно 1-2 или 1-3 слога (см.: М. Гаспаров. Современный русский стих. М., 1974).

В других языках – в тех, где словесное ударение не выполняет смысловозначительной функции, где оно фиксировано относительно слогового состава слова и где, растворяясь в потоке речи, оно обретает рельефность только в исходе мелодической группы, выступая в качестве ударения фразового, – там оно легло в основу *силлабической системы* стихосложения, которая предполагает равное количество слогов в стиховом ряду, независимо от распределения словесных ударений, но при непременно ударном последнем

(например, во французском языке) или предпоследнем (например, в современном польском языке) слоге. В любой системе стихосложения, основанной на учете ударения как ритмического конституента, ритм поэтического текста соответствует тому или иному метру. *Метр – это абстрактная модель, регулирующая чередование ударных и неударных слоговых позиций.* Ударная позиция именуется *иктом*, неударная – *неиктом*. Однако, при воплощении метра в конкретном стихе некоторые икты могут замещаться неударными слогами, а некоторые неикты – ударными. Подобное явление воспринимается как нарушение, но не разрушение метра. Такие позиции называются соответственно доминантно-ударными и доминантно-безударными. Другие же икты не могут быть заполнены безударным слогом, равно как некоторые неикты – ударным, без того, чтобы не разрушился метр. Такие позиции именуются *константно-ударными* и *константно-безударными*. Наконец, имеется разряд слоговых позиций (иктов и неиктов), для которых признак ударности – неударности безразличен. Такие позиции называются *произвольно-ударными*.

Итак, метр есть абстрактная модель, регулирующая акцентуацию всего стихотворения (или отдельной отчетливо обособленной его части). Материальное воплощение метр обретает в ритме конкретного стихотворения. Тем самым *ритм есть вариант метра*, а метр, соответственно, является *инвариантом* родственных ритмов, подчиняющихся общей метрической формуле. Иными словами, ритм – это реальное чередование ударных и неударных слогов в стиховом ряду, в целом стихотворении, в ряде стихотворений данного автора, данной поэтической школы, данной эпохи и т. д.

Сочетание икта с тяготеющими к нему неиктами традиционно называется стопой. Стопа как абстрактный конструкт лежит в основе классификации метров силлаботонической системы стихосложения. В европейском стиховедении различаются пять основных стоп: ямб, хорей, дактиль, амфибрахий, анапест.

Количество стоп одного и того же метра, укладываемых в стиховой ряд и соответствующих общему метру данного произведения, называют *размером* силлаботонического стиха. Например: шестистопный ямб, четырехстопный хорей, трехстопный анапест и так далее.

Размер дольника, тактовика и чисто-тонического стиха определяется количеством иктов в стиховом ряду: четырехиктный тактовик, трехиктный дольник – и так далее.

Размер силлабического стиха определяется только количеством слогов в стихотворной строке: девятисложник, одиннадцатисложник и так далее.

Четвертая система стихосложения, получившая наибольшее распространение в испанском языке, может быть названа *акцентно-силлабической*. Акцентно-силлабическая система стихосложения являет собой нестопный (в отличие от силлаботонической) компромисс между силлабикой и тоникой. Акцентно-силлабический метр в принципе совпадает с метрической схемой дольника или тактовика, но в отличие от него предполагает *постоянное равенство слогов в стиховом ряду* (изосиллабизм стихотворных строк). Поэтому размер акцентно-силлабического стиха определяется количеством иктов и количеством слогов, например: трехиктный восьмисложник, двуиктный пятисложник – и так далее.

Как уже было сказано, именно к акцентно-силлабической системе принадлежит основная масса испанских поэтических текстов. Этот факт вполне объясним, если принять во внимание особенности испанской просодии. Ударение в испанском языке занимает как бы промежуточное положение между ударением в русском и французском языках, где классический стих строится соответственно по законам «типичной» силлаботоники и силлабики. С одной стороны, оно более фиксировано относительно слогового состава слова, нежели ударение русское. С другой стороны, оно, как и русское ударение, все же подвижно и может, в отличие от французского, играть смыслообразительную роль, особенно

в глагольных формах: *Лего – Лего́*. Тем самым оно более рельефно, чем французское, но менее рельефно, чем русское. Ритмический эффект силового ударения поддерживается и ударением мелодическим. Русское мелодическое ударение также более рельефно, чем испанское. «Мелодика русской повествовательной синтагмы строится на тональном контрасте ударных и неударных слогов... Вследствие этого мелодическая структура русской синтагмы представляет собой ломаную линию с вершинами на ударных слогах... Мелодическая структура испанской повествовательной синтагмы совершенно иная. В ней нет существенной тональной разницы между ударными и неударными слогами» (см.: Н. П. Карпов. Фонетика испанского языка. М., 1969, с. 137).

Отсюда следует, что акцентные «сбивы» в структуре испанской стихотворной речи не так ощутимы, как в русском стиховом ряду, зато они гораздо более заметны, чем во французском стихе. Поэтому классический испанский стих выглядит более «расшатанным», чем русский, но менее, чем французский.

Итак, чтобы определить размер испанского стиха, надо выявить количество слогов и ударений в стихотворной строке. Для этого необходимо знать некоторые правила, принятые в испанской версификации.

1. При столкновении гласных на стыке слов (а иногда – и внутри слова) образуется один метрический слог. Ни скорость чтения, ни декламационные особенности, ни паузы (за исключением пауз между стихами и полустихиями) при этом в расчет не принимаются. Правда, стяжения трех гласных в один слог не происходит, если срединная гласная является более закрытым звуком, чем «крайние» гласные.

2. Если строка завершается ударным слогом (мужской клаузулой), к числу реальных слогов следует прибавить еще один.

3. Напротив, если в последнем слове ударение падает на

третий от конца слог (дактилическая клаузула), от числа реальных слогов необходимо отнять единицу.

4. В потоке речи многие испанские слова теряют свое ударение, превращаясь в проклитические (предударные) или энклитические (послеударные) слоговые группы, ритмически зависимые от ударного слова, к которому они примыкают, образуя единую ритмическую группу («фонетическое слово»). В испанском языке круг таких безударных слов значительно шире, чем в русском. К ним относятся: имена существительные, выполняющие функцию формы обращения при именах собственных (*don, san, tío*), а также первая часть сложного имени собственного; первый элемент составного числительного; личные местоимения в форме прямого или косвенного дополнения в препозиции к глаголу; притяжательные местоимения, предшествующие определяемому слову, а также большинство относительных местоимений; наречие *tan*; относительные наречия в функции союзов и частиц; почти все предлоги, союзы и частицы (кроме предлога *según*) – и др.

5. Некоторые испанские слова в поэтической речи ослабляют или усиливают свое ударение в зависимости от того, приходится ли ударный слог на икт или неикт в стиховом ряду. Подобные «метрически двойственные» слова охватывают следующие группы лексических единиц: односложные вспомогательные глаголы и глаголы-связки (в прозаической речи они всегда ударны); вопросительные, восклицательные и определительные местоимения и другие союзные слова (но не союзы), формы неопределенного артикля; усилительные частицы, когда они синтаксически примыкают к следующему слову и не отделяются от него сколько-нибудь продолжительной паузой (в противном случае они ударны).

6. Если в испанском фонетическом слове сталкивается три и более безударных слога, в этом отрезке, как правило, появляется дополнительное ударение, по своей силе уступающее основному, но вполне достаточное для того,

чтобы служить ритмической опорой в стихе. Когда же это дополнительное ударение приходится на константно-ударный слог (например, в трехсложных метрах силлабо-тонического стиха), оно в сознании читателя-слушателя может приравняться к сильному ударению. Если в слове основное ударение приходится на четвертый слог, дополнительное падает на первый: *émpereadór, ló-que-no-sé*. Во всех остальных случаях дополнительное ударение приходится на слог, отделенный от ударного одним безударным: *retóricá, católicó, rápidó, tómaló, ámistád, ló-que-mé-dijéron*.

7. При подсчете слогов необходимо учитывать метрические паузы, обеспечивающие членение стихотворной речи на стиховые ряды и полустушия. Метрическая пауза, разделяющая стих на два полустушия, именуется цезурой. Стиховой ряд с цезурой называется цезурным или составным. Цезуре, так же как и паузе после окончания стиха, в испанском языке всегда предшествует ударный слог, за которым могут следовать один или два безударных. Вне зависимости от того, присутствуют ли они в данном конкретном стихе, при счете слогов к последнему ударному надо добавить единицу, не принимая во внимание безударные слоги.

Некоторые испанские стихотворные размеры имеют особые названия: например, «александрійский стих» (*verso alejandrino*) – тринадцати- или четырнадцатисложный цезурированный стиховой ряд одной из следующих разновидностей: шестистопный цезурный ямб; четырехстопный цезурный анапест, четырехиктный цезурный четырнадцатисложник, шестистопный бесцезурный ямб.

Кроме того, испанские поэты и по сей день придерживаются в своем творчестве строфического разнообразия, разработанного на протяжении многовековой истории испанской поэзии. Полный перечень испанских строф содержит несколько десятков разновидностей, из которых мы рассмотрим лишь важнейшие:

1. *Arte майор* (arte mayor) – строфа, постепенно вытеснившая в XV в. метрику «куадерна виа» (см. п. 18). Это был цезурный четырехиктный дольник, силлабический состав которого колебался от 10 до 14 слогов, при этом доминировала амфибрахическая каденция. В отличие от «куадерна виа», строфика «арте майор» предполагала использование не монорифмованных четверостиший, а комбинаций из двух катренов, связанных тремя рифмами: абаб: бвбв.

2. *Вильянсико* (villancico) – песенная строфа, состоящая из запева (2-3 стиха), редондильи (см. катрен) и репризы (2-3 стиха), в которой повторяется строка запева:

Estas noches atán largas
para mí
no solían ser ansí.

Solía que reposaba
las noches con alegría
y el rato que non dormía
con descanso lo pasaba;

mas estas que amor me grava
non dormí:
non solían ser ansí.

(*Cancionero anónimo*)

3. *Глосса* (glosa) – особая строфа-стихотворение, развивающая тему стихотворного эпиграфа, каждая строчка которого служит завершением соответствующей строфе глоссы.

4. *Двустиише* (pareado) – строфа из двух рифмующихся между собой строк, размер которых может варьироваться. Например:

De los álamos vengo, madre,
de ver cómo los menea el aire.

(*Cancionero anónimo*)

Рифма типа *madre – aire* относится к разряду *ассонансов*.

5. *Десима* (*décima*) – строфа, состоящая из десяти стиховых рядов трехиктного восьмисложника, рифмующихся по схеме: аббаа: ввггв.

6. *Заджалъ* (*zejel*) – древняя лирическая форма мосарабского происхождения. Строфа, состоящая как правило из запева, монорифменного трехстишия и репризы, повторяющей запев: (в)аа: ббб: а(а):

Tres morillas me enamoran
en Jaén:
Axa y Fátima y Marién.

Tres morillas tan garridas
iban a coger olivas,
y hallábanlas cogidas
en Jaén:
Axa y Fátima y Marién.

(*Cancionero anónimo*)

7. *Катрен* (*cuarteto*) – четверостишие с перекрестной или опоясной рифмовкой, строки которого содержат свыше восьми слогов, чаще всего соответствуя метрической схеме ямбического одиннадцатисложника.

¿Miras este gigante corpulento,
que con soberbia y gravedad camina?
Pues por de dentro es trapos y fajina,
y un ganarán le sirve de cimientto.

(*Quevedo*)

Четверостишие, написанное восьмисложником и более короткой строкой, именуется редондилъей (*redondilla*).

8. *Квартета* (*cuarteta*) – четверостишие из четырех строк трехиктного восьмисложника, четные из которых связаны ассонансом:

Escuchóla en paz el moro
y, manoseando su barba,
dijo, como quien medita,
en la mejilla una lágrima...

(*Zorrilla*)

9. *Кинтет* (quinteto) – строфа в пять девяти- или одиннадцатисложных строк с рифмовкой по схеме: абабб; абааб и т. д. Если в строке кинтета менее девяти слогов, он именуется *квинтильей* (quintilla):

Madrid, castillo famoso,
que al rey moro alivia el miedo,
arde en fiestas en su coso
por ser el natal dichoso
de Alimenón de Toledo.

(*N. Moratin*)

10. *Летрилья* (letrilla) – стихотворение сатирического содержания, написанное в форме вильянсико или романса с припевом.

11. «*Неправильная строфа*» (copla de pie quebrada) – особая разновидность неравносложной строфы, в которой четыре строки трехиктного восьмисложника сочетаются с двумя строками двуиктного шестисложника, рифмуясь между собой по схеме аабааб.

12. *Октава* (octava real) – строфа из восьми строк ямбического одиннадцатисложника, обычно рифмующихся по схеме абвабвгг.

13. *Романс* (romance) – лирико-эпическая поэма с определенной организацией: начиная с XVI века романс, как правило, представляет собой трехиктный восьмисложник, в котором все четные строки связаны одним гласным ассонансом. Если в романсной строке меньше восьми слогов, то такая строфа-стихотворение именуется *романсильо*. Одиннадцатисложный романс получил название «*героического*» (romance heróico).

14. *Сегидилья* (seguidilla) – форма народной песни, в которой используется строфа из четырех строк; первая и третья при этом семисложны и между собой не рифмуются, вторая и четвертая состоят из пяти слогов и связаны рифмой.

15. *Сонет* (soneto) – строфа-стихотворение, состоящая из двух катренов и двух терцетов, написанных, как правило,

ямбическим одиннадцатисложником. Катрены связываются воедино парой рифм: абба : абба. Терцеты рифмуются по-разному: ввг : ввг; вгд : вгд; вгв : гвг и т. д.

16. *Терцет* (terceto) – строфа из трех стиховых рядов ямбического одиннадцатисложника с рифмой, связывающей первую строку с третьей. В классических терцетах (терцинах) вторая строка первого терцета рифмуется с первой и третьей строкой второго – и так далее: аба : бvb: вгв : гдг...

Bien sé que en la Naval dura palestra
perdiste el movimiento de la mano
izquierda, para gloria de la diestra.

Ya sé que aquel instinto sobrehumano
que de raro inventor tu pecho encierra,
no te le ha dado el padre Apolo en vano.

(Cervantes)

17. «*Трубадурская песня*» (canción trovadoresca) – строфа, начинающаяся шести- или восьмисложной редондильей с рифмовкой по схеме: абба, а затем следует вторая редондилья с другими рифмами – ввгг; за ней – третья, воспроизводящая рифмовку первого четверостишия: абба. Эта комбинация строф может повторяться несколько раз.

18. «*Четвертная дорога*» или «*куадерна виа*» (cuaderna vía) – особая метрическая форма кастильской «ученой поэзии» XIII-XV столетий. Ее отличительными свойствами являются четверостишия на одну рифму и четырехиктный цезурный дольник.

В заключение – несколько слов о рифме. Способы рифмовки испанского стиха кое в чем аналогичны приемам русского «краесогласия», но все же во многом от них отличаются. Это вызвано и расхождениями в самой природе языков, и различиями культурно-исторических условий, в которых складывались испанская и русская поэтики.

Прежде всего уточним некоторые понятия, которыми оперирует теория рифмы.

Группа заключительных слогов в строке, начинающаяся с последнего ударного, именуется *клаузулой*. Полное или частичное фонетическое совпадение клаузул недалеко отстоящих друг от друга строк образует *рифму*. В испанской поэтике различают следующие типы рифм.

I. Гласно-согласные (consonancias).

1) *Точная рифма* (rima perfecta) – рифма, при которой в клаузулах полностью совпадают ударные гласные и все последующие за ними звуки: mar – dar; alma – calma. Графическая идентичность рифмующихся клаузул при этом не обязательна: socavas – habas.

2) *Дифтонговая рифма* (rima diptongada) – рифма, удовлетворяющая определению точной рифмы за тем лишь исключением, что в ней ударное *e* «рифмуется» с дифтонгом *ie* или *ie*: perro – sierto; pero – tuerto.

3) *Рифмюид* (rima simulada) – рифма, при которой полностью совпадают лишь ударные слоги, а заударные созвучны лишь приблизительно: árbol – marmol.

Этот тип рифмы, довольно редкий в испанской традиции, близок по своей природе к русскому ассонансу (*седины – сердили, огромность – опомнюсь*), ставшему у нас после реформы Маяковского доминирующей разновидностью рифменных созвучий.

II. Гласные (ассонанс – asonancia).

Традиционный испанский ассонанс хотя и носит то же название, что и русский, однако существенно от него отличается. В испанской поэтике под ассонансом понимается такое созвучие клаузул, когда в них совпадают только

гласные звуки, а согласные – различны, например: *compadre – cárcel – grave...*

Подобный ассонанс именуют точным (*asonancia perfecta*). Кроме того, различают ассонанс дифтонгический (*asonancia diptongada*): *mala – traiga* и «неточный» (*asonancia imperfecta*), при котором в заударной позиции *i* рифмуется с *e*, а *o* – с *u*: *nase – caliz; templo – venus*.

Мужская клаузула может ассонировать с женской, а женская – с дактилической: *vil – sumergida, visita – carnívora*.

Вообще широко употребительная в испанской и латиноамериканской поэзии, ассонансная рифмовка особенно характерна для всех разновидностей романа.

Рифма в поэтическом тексте выполняет разнообразные и важные функции. Во-первых, являясь акустическим маркером клаузулы, она вместе с межстиховой паузой берет на себя функцию расчленения стихотворной речи на стиховые ряды. Во-вторых, она выступает в качестве «семантического рычага», сопрягая смысловую нагрузку рифмующихся слов, создавая особую – рифменную – сферу поэтических ассоциаций. В-третьих, она осуществляет важную эвфоническую функцию «благозвучия» стиха наряду с другими приемами «инструментовки» поэтического текста. В-четвертых, являясь важным элементом строфической организации текста, она выполняет существенную композиционную роль в структурировании стихотворного произведения, особенно если оно подчинено жесткой строфической организации (сонет, октавы и проч.).

При этом метрическая, семантическая, эвфоническая и композиционная функции рифмы, определяющие ее воздействие на читателя, оказываются в тесной взаимосвязи с ее лингвистической природой, а именно – с ее фонетическими, морфологическими, лексическими и синтаксическими характеристиками. В свою очередь лингвистические характеристики рифмы проявляются, естественно, только на фоне системы того или иного языка, и «функции рифмы реализуются в каждой национальной

литературе своими средствами, которые в разных литературах не совпадают» (см.: Иржи Левый. Искусство перевода. М., 1974, с. 284). В частности, русскому читателю необходимо иметь в виду следующее:

1. В период раннего испанского Возрождения глагольная рифма была весьма распространенным явлением, ни в коей мере не являясь признаком версификационного несовершенства или специальным стилистическим приемом.

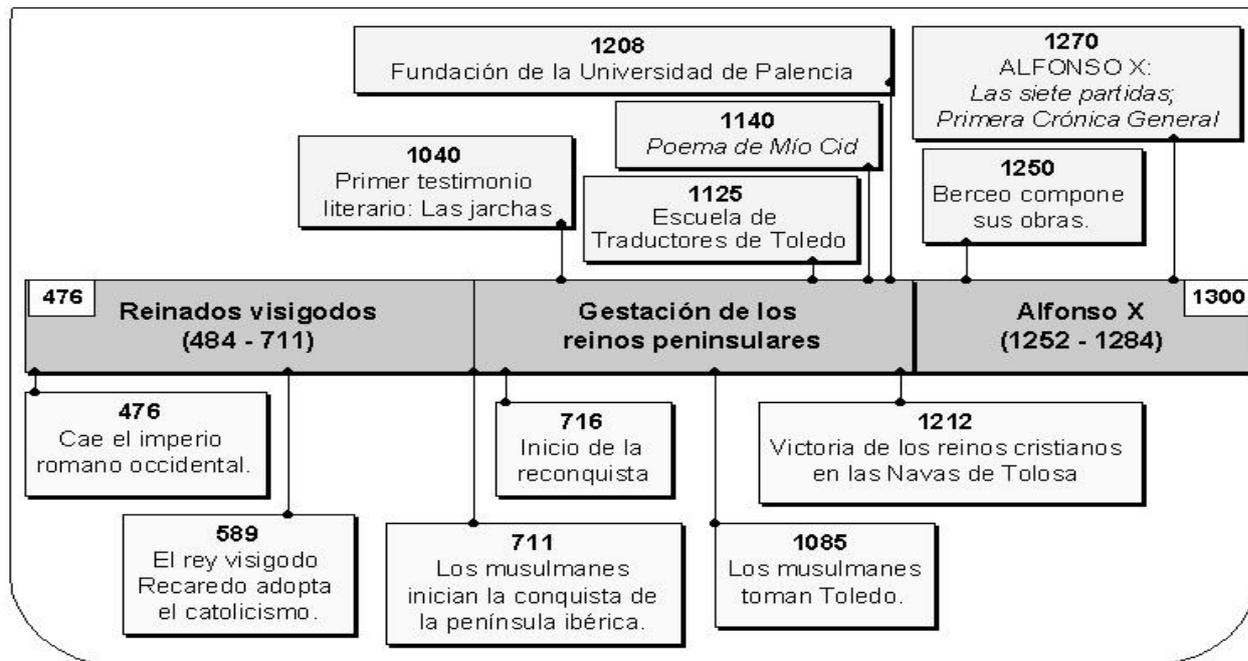
2. В отличие от этого, глагольная рифма в испанской поэзии эпохи барокко или первой половины XX столетия – сравнительно редкий (до 7% рифмопар) тип созвучия, соответствующий частотности русской глагольной рифмы в классической поэзии XIX–XX вв.

3. Пик «морфологической изощренности» рифмы, запрещающей рифмовку морфологически однородных форм, приходится на период барокко.

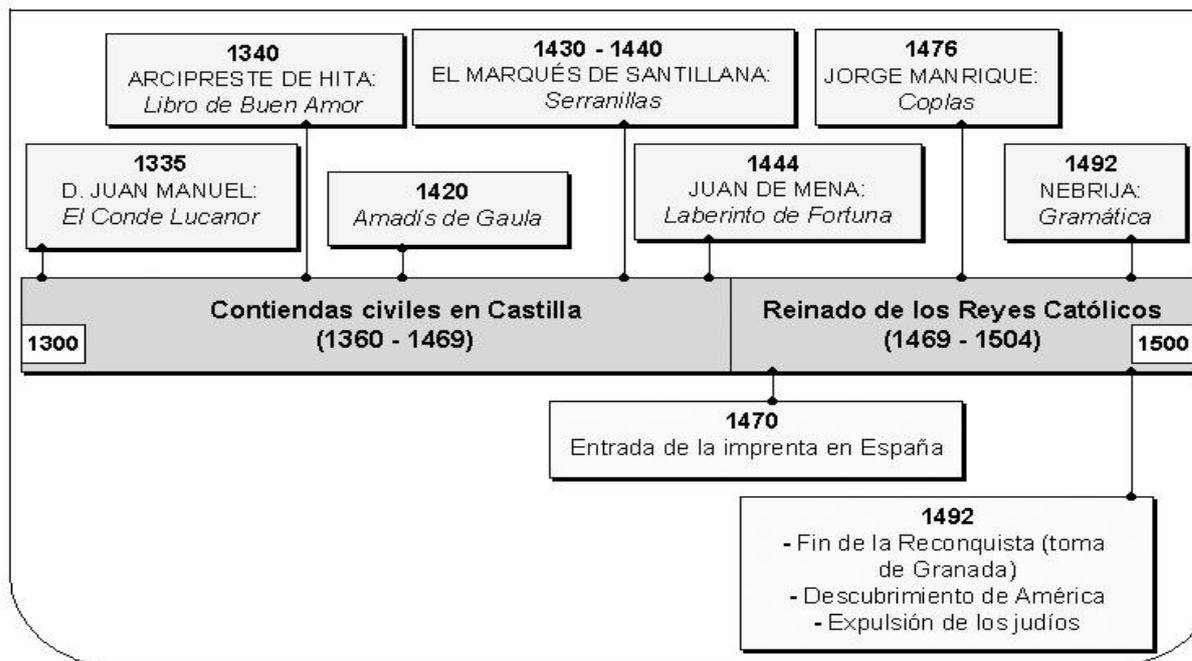
4. В испанской поэзии, в отличие от русской, наблюдается тенденция к падению количества рифм с идентичной доударной согласной, иначе говоря, если в русской классической и современной рифмовке рифмопара типа *вече – человекье* эстетически предпочтительна рифме типа *вече – скоротечье*, то в испанской поэзии наблюдается прямо противоположная тенденция.

Публикуется по: Испанская поэзия в русских переводах. М.: Радуга, 1984.

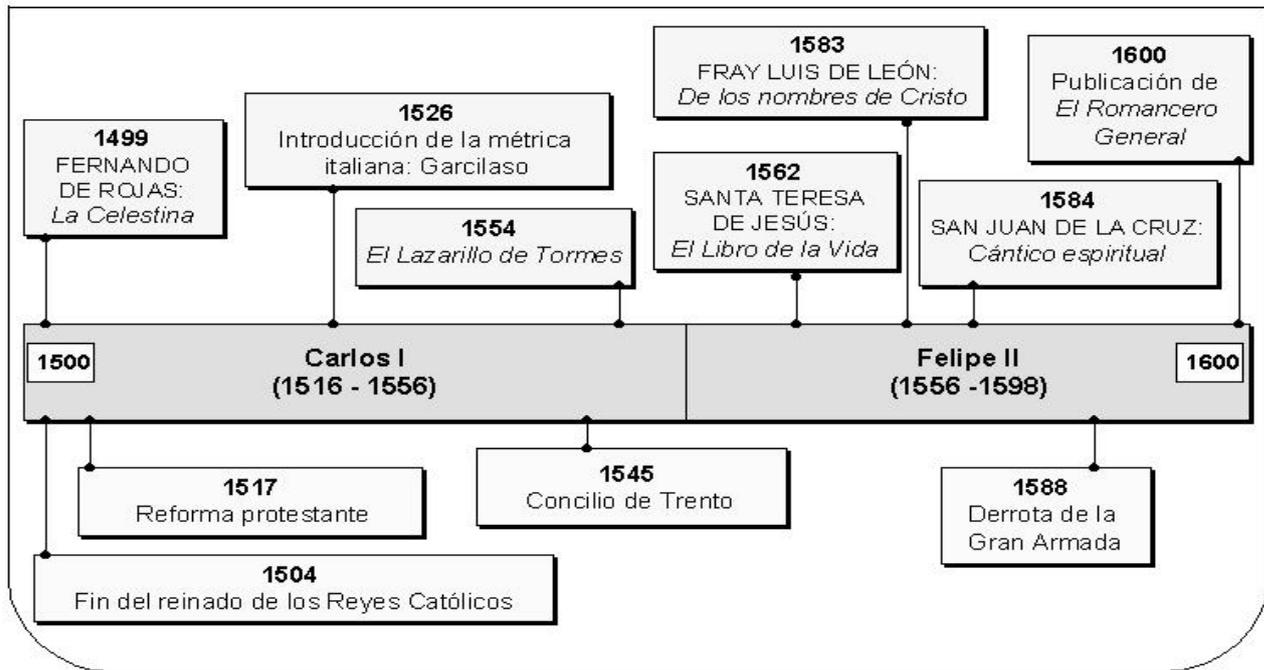
Cronología histórico-literaria de la Edad Media

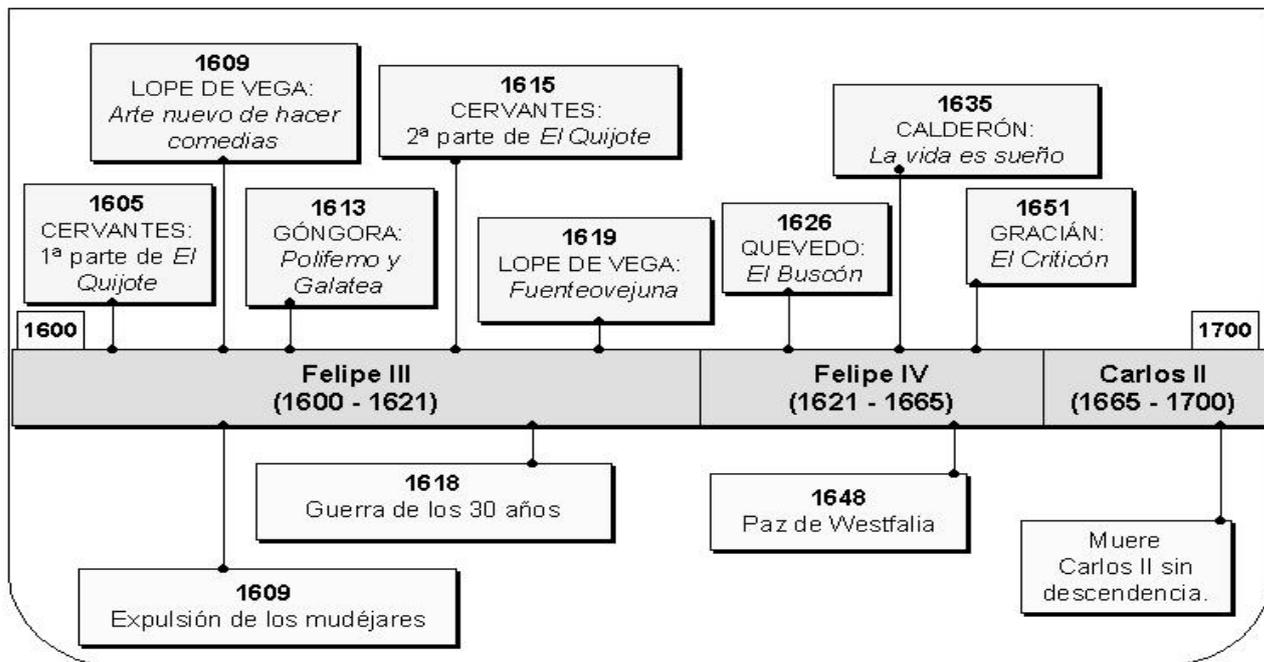
Cronología histórico-literaria del Prerrenacimiento

Cronología histórico-literaria de los Siglos de Oro. El Renacimiento

Cronología histórico-literaria de los Siglos de Oro. El Barroco

Учебное издание

Антология испанской поэзии Золотого века

Учебное пособие

Ответственный за выпуск А. Н. Мифтахутдинова
Оригинал-макет: А. З. Пилина
Обложка: Н. А. Бердышева

Подписано в печать 13.12.11.
Формат 60x84 1/16. Печать офсетная.
Усл. п.л. 16,3. Уч.-изд. л. 12,3.
Тираж 100 экз. Заказ №

Издательство «Удмуртский университет».
426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1.
тел. / факс: +7(3412) 500-295, e-mail: editorial@udsu.ru

